

Типология
осетинской
волшебной
сказки

Источники о
православном
христианстве
в средневековой
Алании

Аланы
второго века н. э.:
геополитическое
положение
и военная
активность

Воспоминания
осетинского
эмигранта:
гражданская
война и судьба
беженца

ИСТОРИКО- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

Владикавказ

4
2005

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АРХИВ

ИСТОРИОН-
ФИЛОЛОГИОН
АРХИВ

4

Владикавказ 2005 Дзæуджыхъæу

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИОН-ФИЛОЛОГИОН АРХИВ

Учредители:

Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ
Журнал СП РСО-А «Мах дуг»

Редколлегия:

М. М. Блиев (гл. редактор), Р. С. Бзаров,
А. М. Кодзати, Т. К. Салбиев

Историко-филологический архив. 4. – Владикавказ, 2005. – 96 с.: ил.

Ответственный за выпуск Р. С. Бзаров

Компьютерная верстка И. А. Кодзати

Корректор И. Н. Кантемирова

© Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ, 2005

Авторские права защищены. Полное или частичное воспроизведение публикуемых материалов допускается только с письменного разрешения издателей.

СОДЕРЖАНИЕ

История ментальностей

Д. В. Сокаева. Достойный преемник (к типологии осетинской волшебной сказки) . . . 4

Дискуссии

М. Э. Мамиев. Историографическая традиция и письменные источники
о православном христианстве в средневековой Алании 34

Н. Н. Лысенко. Аланские походы 132-135 гг. в Закавказье и Парфию
(к геополитическому положению сармато-аланов
Волго-Донского междуречья во II в. н. э.) 54

Литература свидетельства

Г. В. Чочиев. Темирболат Кубатиев и его хроника смутного времени в Осетии
и на Кавказе 64

Темирболат Кубатиев. Воспоминания 66

Contents 96

Сведения об авторах 96

История ментальностей

Д. В. Сокаева

Достойный преемник (к типологии осетинской волшебной сказки)

Осетинской фольклористике всегда было свойственно понимание значимости всех без исключения жанров осетинского традиционного фольклора. Именно этому универсальному подходу мы обязаны богатым собранием памятников осетинского устного народного творчества во всей их возможной полноте и жанровом многообразии. Однако исследование фольклора не велось столь же равномерно, как и его собирание. Общеизвестно, что основные усилия специалистов были направлены на изучение эпоса, которому посвящались научные конференции, издавались монографии, сборники статей и т. д.¹, тогда как прочие жанры в значительной степени оставались в тени, отбрасываемой великой эпопеей.

Между тем в последние два десятилетия интерес специалистов стал очевидно смещаться от эпоса в сторону других жанров, в числе которых по праву оказалась также и осетинская волшебная сказка². Наш собственный скромный опыт изучения этого жанра позволил обнаружить ряд его характерных особенностей. В первую очередь следует, по-видимому, указать на своеобразие сюжетного состава осетинской волшебной сказки, описанное нами в специальном указателе³. Вместе с тем свойственные ей пространственно-временная организация⁴, этиологические выводы из действий героев, выдвигание на первый план их «культурной» миссии, а также семантика сказочных образов-мотивов имеют бесспорную мифологическую природу⁵. Таким образом, сегодня уже не только возможна, но и настоятельно необходима постановка проблемы типологического своеобразия осетинской волшебной сказки во всей ее полноте как совокупности ее характерных свойств.

В данном случае речь следует, на наш взгляд, вести о том нередком для фольклора и хорошо известном

науке типе, который, по определению Е. М. Мелетинского, предполагает наличие архаического ядра в обрамлении социальных мотивов, то есть о совмещении свойств первобытного мифа-сказки и сказки классической [Мелетинский и др. 2001: 15]. При этом в приведенное определение следует внести существенное уточнение, заключающееся в том, что мифологическое ядро осетинской волшебной сказки имеет определяющее значение для ее обрамления, то есть социальной составляющей. Иначе говоря, архаическое ядро носит не реликтовый характер, а играет активную роль при сюжетообразовании, формировании системы и семантики образов и т. д.

Главная цель настоящей статьи состоит в проверке данного предположения. Очевидно, что оптимальным для достижения поставленной цели должен стать структурно-семиотический метод, уже давно и плодотворно применяемый при анализе памятников осетинского устного народного творчества.

Кроме того, выяснение типологического своеобразия осетинской волшебной сказки непосредственно связано, на наш взгляд, с решением более общей по своему характеру задачи, чрезвычайно актуальной для современной осетинской фольклористики. Речь идет об уяснении механизмов, обеспечивающих историческую устойчивость устного народного творчества в процессе его эволюции от архаики к более развитым и современным этапам. Вот почему в качестве первоочередного объекта нашего исследования были выбраны две сказки, предполагаемое мифологическое ядро которых имеет своим обрамлением социальную тему связи и преемственности поколений. Определение достойного преемника в этих сказках, будучи социальным по своей природе, находит выражение посредством разграничения немощи/дряхлости, старости/юности и прочих пространственно-временных, интуитивно-чувственных составляющих, имеющих мифологическую природу.

Особо выделяя две публикуемые сказки, аутентичность которых не вызывает сомнений⁶, мы

¹ Подробнее об изучении осетинского эпоса см.: Хамицаева 2005: 61.

² Следует заметить, что сама осетинская устная традиция не знает принятого в фольклористике деления сказок на волшебные, новеллистические, анималистические и пр., объединяя их все в один жанр – *аргъау*. И все же изучение осетинской волшебной сказки в качестве самостоятельного объекта методически вполне оправдано и вряд ли может вызывать возражения.

³ См.: Сокаева 2004б: 3-5.

⁴ См.: Сокаева 1998; Сокаева 2004в.

⁵ См.: Сокаева 2004а: 4.

⁶ В связи с верификацией волшебной сказки следует, вслед за Г. Л. Пермяковым, указать на книгу В. Я. Проппа «Морфология сказки» [Пермяков 1970: 59-60], где содержатся критерии, позволяющие убедиться в ее подлинности: состав действующих лиц и их функций, структура сюжета и т. д.

также исходим из характера их исполнителей, двух бережных хранителей осетинской устной народной традиции, которые были так далеки друг от друга, но при этом так схожи своей верностью правде волшебной сказки. Разделяло их не только пространство, но и время – поколения. Диалог старшего и младшего поколений позволяет особым образом ставить вопрос об устойчивости устной традиции, подчеркивая то обстоятельство, что она находит опору в самой себе. Эта переключка должна еще больше оттенить то ключевое для нас соотношение юности (избытка жизненных сил) и старости (немощи, дряхления), которое нам представляется центральным для мифологического ядра осетинской волшебной сказки.

Сказка о свинопасе

(сюжетный тип 530A+315A АА, СУС)

Сказка о свинопасе («Хуыгæсы аргъау») была записана летом 2004 г. во время экспедиции в Цейское ущелье Алагирского района Северной Осетии, в селении *Мидæггаг Цъæй*. Исполнил ее Алан Касаев (*Касаты Алан*), которому было в то лето 15 лет. Он сам рассказал, что слышал эту, а также многие другие сказки от своей бабушки.

Важной особенностью данного памятника осетинского устного народного творчества является то, что он записан на магнитофон (см. приложение в конце). Даже самый опытный фольклорист при письменной фиксации ограничен теми возможностями, которые неизбежно ведут к облагораживанию текста, сглаживанию шероховатостей, так называемой мелиорации. Магнитофонная же запись позволяет каждому стать одним из слушателей, почувствовать свойственную фольклору спонтанность, ощутить его «живое дыхание», которое проявляет себя в запинках и сомнениях, просторечьях, русизмах, так называемых алогизмах (когда исполнитель невольно нарушает логику собственного повествования, противоречит самому себе), репликах в сторону и т. п. Одним словом, всего того, что было бы безвозвратно утрачено при редакторской правке.

Ниже мы приводим расшифровку записи, сохраняя в том числе и ее фонетические особенности, иногда противоречащие общепринятой орфоэпической и орфографической норме. Забегая вперед, укажем, что композиционно сказка ясно делится на три части, границы которых отмечены нами в тексте.

Уый уыди, паддзахæн уыдис æртæ чызджы. 'Мæ сæм уыдис, алцыдæр уыдис паддзахмæ: фос дардта, бæхтæ дардта; мæгуыр лæг нæ уыдис – паддзах. 'Мæ йæ чызджытæ сдынджыр сты, рахъомыл сты æнæ мадæй, æмæ сæ уже æрцыдис дæттын чынды, чынды, дам, сæ арвитон.*

'Мæ стæй паддзах загъта: «Æрзилут, дам, зæххы къорийыл цыдæриддæр адæм ис, йодон ырымбырд кæнут хуыцаубонмæ, мæ чызджыты дæттын моймæ. 'Мæ, дам, паддзæхтæ дæр». Æмæ паддзæхтæ, хъуамæ паддзæхтæ ырымбырд уыдаиккой, æмæ чызджытæ, кæмæ йæ фæнды, йомæ йæ нуазæн бахæсса. 'Мæ æрымбырд сты паддзæхтæ, иууылдæр зæххыл цыдæриддæр адæм уыди, йоуыл ныхъхъæр кодтой, æмæ ырымбырд сты хуыцаубонмæ. Æмæ сбаддысты, куывтой, цин кодтой, æмæ уалынмæ паддзах фæрсы: «Ничи уал, дам, уæ ферох и?» Æмæ дын йед дзуры, й... чи йæ хъусын кодта, уый: «Ферох йед, иууылдæр, дам, фæдзырдтам, æцæг, дам, мæнæ уæ хуыгæсмæ нæ фæдзырдтам». 'Мæ паддзах ныхъхъæр кодта: «Ай та, дам, куыд у. Æз, дам, афтæ нæ загътон, алкæмæ дæр фæдзурут».

Æмæ уыцы хуыгæс та, уыцы хуыгæсæн та уыди сызгъæрин худ, сызгъæрин гоцора. Æмæ уый размæ хуытæ хызта, æмæ чызджытæ уæлейæ, уæладзыгæй кæсынц æддæмæ, балкъонæй, æддæмæ кæсынц, æмæ чызджытæй иу афтæ кодта: «Чи цы федта, уый йæхи, чи цы федта, уый йæхи». Æмæ чызг та федта, лæппуйæн йæ худ æрхаудис, йæ сызгъæрин гоцора, æмæ дам: «Чи цы федта, уый йæхи». Æмæ чызджытæ йыл дис кæнынц: «Ай, дам, ырра фæци, цы федта махæй уæлдай: хуытæ æмæ хуыгæс».

Æмæ уже куы 'рцыдис афон, куы сымбырд сты, уæд хистæр чызг райста, æмæ йæм нуазæн радтой, æмæ йын афтæ: «Ахæсс, дам, æй, æрзил, æмæ, дам, дæ кæмæ фæнды, кæцы паддзахы фыртмæ, уомæ, дам, æй ратт». Æмæ йæ паддзахы фыртмæ радта, ахаста йæ, æмæ паддзахы фыртмæ радта. Æмæ уый ыссис йæ цардымбал. Уод та дыккаг чызг дæр ахаста, æмæ та йæ æндæр паддзахы лæппумæ радта æмæ та уый дæр. Уæд æртыккаг чызг чи у, уый райста нуазæн, æмæ æртæ зылды ыркодта æмæ хуыгæс ыссардта, æмæ йæ хуыгæсмæ радта. Æмæ паддзах ныхъхъæр кодта: «Уй та, дам, цавæр, мæ чызджы, дам, æз хуыгæсæн дæттын!» Æмæ-иу афтæ нæ загъта «кæмæ бахæссат, йой». 'Мæ, дам, афтæ нæ загътай, кæмæ йæ бахæссай, уой. Æмæ паддзах чи у, уый хуыгæсы дæр, æмæ йæ чызджы дæр рантæрдта. Æмæ цардысты хуыдоны, гыццыл хæдзаргонд хуыдоны.*

* * *

Æмæ уалынмæ паддзах чи у, уый фæзæронд ис, æмæ мæлыны къахыл ныллæууыдис. Æмæ йедæн, паддзахæн, йед чи у, дохтыр, уый йын рафыста сау хуыйы игæртæ. 'Мæ паддзах чи у, уый йæ сиæхстæн афтæ: «Сау хуыйы игæртæ, дам, мын ыссарут!» Æмæ уыцы сау хуыйы игæртæ та уыдысты, йеды, денджызы сæрты куы ахизай, йæ уæд йом. 'Мæ хуыгæсмæ та уыдис къуылых бæх, фæчъепп-фæчъепп кодта, йахæм бæх, 'мæ йыл дыууæ сияхсы сбадтысты бухархудты, кондæй æмæ ацыдысты. Ацы сияхс чи у, хуыгæс, уый та фæчъепп-фæчъепп кæнгæйæ йæ бæхыл абадти æмæ фæцæуы, æмæ йыл фæстæйы худынц дыууæ сияхсы, æмсиæхстæ: «Ай та, дам, кæдæм цæуы, фæчъепп-фæчъепп кæнгæйæ йæ бæхыл».

*Æмæ ацыдис, æмæ бæхы йедмæ куы бахæццæ ис, бæхты дзуг кæм уыдис, уырдаем, æлдармæ, æмæ уæд гъæйтт-мардзæ бæхыл абадтис. Æмæ йын уый дæр йæ бæх уыдис, фæлæ нæ йæ хъæр кодта, æмæ уыцы бæх та уыдис, куы-чу атахтис, уæд зыххыл нæ цыдис, фæлæ уæлæрвты тахтис. Æмæ æртæ** каусы, æмсиæхсы, айæфта. 'Мæ ацыдис 'мæ аргæвста, уыцы хуыйы аргæвста, лæг ахызтис Сау дон-денджызы сæрты, адон та æнæуи бæхыл кæм атахтаиккой. Æмæ æрбацæйцæуынц æмæ дын йæ фæрсынц, фæстæмæ та йæ къуылых бæхыл абадти æмæ: «Кæм, дам, уыдтæ, кæ?» Æмæ, дам, мæнæ сымах кæм уыдыстут, æз дæр, дам, йом. Æмæ сæм куы раудыста йед, хуыйы игæртæ, уæд ын афтæ кæнынц, ратт, дам, нын сæ, кæннод, дам, цы зæгъдзыстæм мах æлдарæн. 'Мæ, дам, нæ, кæд, дам, уын уæ рахиз хъустæй гæрзытæ рауадзын кæнат, гæрзытæ рауадзон, уæд, дам, уын дзы дæттын. Æмæ ацы лæг чи у (цы хуыйны?) – хуыгæс, уый аргæвста, цы хуы хъуыди, уой, æмæ æнæуи хуы. Æмæ уыцы хуыйы игæр, чи хъуыди, уыцы игæртæ йæхимæ нывæрдта, æнæуи хуыйы игæртæ та сын сæ рахиз хъустæй гæрзытæ рауагъта æмæ сын сæ радта. Æмæ бацыдысты 'мæ æнæуи игæртæ бахæрын кодтой æлдарæн, æмæ фæфыддæр и. Ныр сиæхстæ сæ бухархудтæ, мæнæ сæ афтæ æркодтой, цæмгæй, сæ рахиз хъустæ гæрзытæ рауагъдæ уыдысты***, уой куыд нæ уыной, афтæ. Æмæ та уæд æлдар фæфыддæр и, æмæ ай бахаста сау хуыйы игæртæ, æмæ йын сæ бахордтой***, æмæ уæд фæдзæбæхдæр и.*

*Æмæ та йын уæд афтæ кæнынц, уæд та йæм, йер та, дам, хъæуы бур рувасы – зæрдæ уыдис, æви игæртæ уыдысты уыдон дæр, – æмæ уыцы бур рувас та уыдис дыууæ хохы фæстæ. Æмæ уыцы дыууæ хохы фæстæ та, мæнæ фырытæ куыд цæвынц, афтæ кæрæдзийы цæвтой. Æмæ дзы агæпп кæнын нæ уыди, цæвтаиккой дæ. Æмæ та а дыууæ сияхсы араст сты бур рувасы игæртæм. Ацы сияхс чи у, хуыгæс, уый та йæ къуылых бæхыл фæчъепп-фæчъепп кæнгæ фæцæуы, æмæ та бахæццæ ис бæхты дзугмæ, æмæ та йæ бæхыл ысбадтис, æмæ дыууæ хохмæ бахæццæ, æмæ дыууæ цæфы куы фæкодтой кæрæдзийы, уæд 'ртыккаг цæфæн йæ бæхы ныцъыкк кодта йæ ехсæй, æмæ фæйнæрдæм куы фæцыдысты хæхтæ, уæд агæпп кодта бæх. Æмæ ма йын æрцахста йæ къæдзилæн йæ иу ысхъис, иу хъуын. Æмæ бацыдис, рувас æрцахста, бур рувасы, æмæ йын йæ игæртæ рафтыдта. Бур рувасы игæртæ рафтыдта, æмæ та æндæр рувас амардта. Æмæ та уалынмæ æрбацæуынц, æмæ та йыл амбæлдысты дыууæ сияхсы, кæм, дам, уыдтæ?. Æмæ, дам, сымах кæм уыдыстут, уой радзæй****. Æмæ йыл амбæлдысты æмæ та йын афтæ, ратт, дам, нын сæ, кæннод, дам, цы зæгъдзыстæм. Æмæ, дам, хорз. Йер та, дам, кæд уын уæ галуу хъустæй рауадзын кæнат, гæрзытæ рауадзат, уæд, дам, сæ дæттын. Æмæ та сын сæ рахиз** хъустæй гæрзытæ рауагъта. Æмæ та сæ худтæ бынмæ æривæзтой. Æмæ та сын æнæуи рувасы игæртæ радта. Æмæ бацыдысты, æмæ та æлдар нукуыд кæны. Æмæ та, уæд ай куы бацыдис, уæд ын афтæ кæнынц, æцæг рувасы, бур рувасы игæртæ йын бахæрын кодтой, æмæ æлдар æрдзæбæх ис.*

Æмæ ма йæ хъуыдис... фысы йедтæ, чыссатæ. Уыдон дæр хъуамæ бахордтаид, æмæ ацыдис æмæ та, уыцы фыс та уыдис æртæ хохы фæстæ. Æмæ уыцы æртæ хохы фæстæты дæр тæхын хъуыдис. Уым былмæ, уæлæмæ. Æмæ та ацыдысты дыууæ сияхсы, æмæ та ницы. Уæд ай куы ацыдис йæ бæхыл, уæд та уыцы фысы аргæвста, æмæ йын йæ чыссатæ рахаста. Æмæ та æнæуи фысæн дæр йафтæ. Æмæ йыл амбæлдысты та, æмæ йын афтæ кæнынц, ратдзынæ, дам, нын, йедтæ, чыссатæ, æмæ, дам, ратдзынæ сæ, æмæ, дам, уо. Æмæ, дам, æцæг, дам, афтæ. Куы, дам, бацæуат, уæд, дам, æлдары цур уæ худтæ раласут. Адон бацыдысты, æмæ та æлдарæн æнæуи чыссатæ бахæрын кодтой, æмæ нукуыд. Æмæ афтæ кæнынц. Æмæ бацыдис æмæ – нырма йæхимæ уыдис уыцы чыссатæ – æмæ сын афтæ кæны: «Уыцы хорз каус, дам, уыныс, дам, де сиæхсты, сæ худтæ, дам, ма сын раласын кæ æмæ, дам, æй фен», – æлдарæн

загъта, хуыгæс æлдарæн афтæ – «сæ худтæ, дам, ма сын раласын кæ æмæ, дам, фен, сæ хъустæй сын гæрзытæ уагъд ис, æви нæ, æз, дам, сын сæ рауагътон». Æмæ уæд æлдар чи у, уый сын раласын кодта, æмæ сын сæ хъустæй гæрзытæ уагъд, хъустæ сыл нал. Æмæ дыууæ сияхсыл дæр хъустæ нал. Æмæ уæд йед чи у, æлдар, уымæн та бахæрын кодтой æмæ æлдар ысдзæбæх и.

* * *

Æмæ йын уæд афтæ кæнынц. Гъа, мæнæ, дам, дын нæ паддзахады фылдæр æрдæг æмæ мæ чызг. Æмæ уый, æнæ хъустæ чи уыдысты, уыдон дæр æмæ йæ дыууæ чызджы дæр атардта. Сымах, дам, ай, дам, хуыгæс куы у, æмæ, дам, æз æм хыл дæр куы кодтон, уæд сымах дыууæйæ уæ бон куы ницы сси, ай, дам, цунæгæй куы уыди йæ къуылых бæхыл фæчъепп-фæчъепп кæнгæ. Æмæ, дам, æлдары фервæзын кодта. Æмæ йын радта бæхтæ, фыстæ, алцыдæр æм цыдæриддæр уыди, уыдонæн сæ фылдæр æрдæдджытæ, æлдар. Æмæ сын, йæхæдæг кæм цардис, йом цын хæдзар скæнын кодта, йæхи хъæуы, æмæ цардысты, цæрынц æмæ хæрынц. Афонмæ дæр ма цæрынц æмæ хæрынц.

Примечания к тексту:

* – характерный русизм, встречающийся несколько раз;

** – оговорки: а) зятьев должно быть два, б) сначала речь шла о левых ушах, а затем ошибочно вновь о правых, которых уже нет;

*** – отсутствие грамматического согласования, обусловленное импровизационным характером исполнения: следовало бы ожидать "хъустæй гæрзытæ рауагъдæ уыдысты", "æмæ йын сæ бахæрын кодтой".

**** – по-видимому, гибрид осетинского *уой разæй* 'прежде' и русского *раз*, что могло бы, в конечном счете, значить 'в прошлый раз'.

Возможность непосредственного общения с исполнителем оказывает неоценимую помощь при последующей расшифровке записи, поскольку обо всем, что вызывает сомнения, можно спросить в процессе записи. Эти вопросы достаточно отчетливо слышны при прослушивании.

Ниже приводим перевод «Сказки о свинопасе» на русский язык⁷.

Было это... было у царя три дочери. И было у них, всего у них было вдоволь: держал он скот, были у него лошади; бедняком он не был – царь-то. Вот его дочери повзрослели, выросли без матери, и пришла уж пора выдавать их замуж, «выдам-ка, дескать, я их замуж».

И тогда царь повелел: «Обойдите, мол, всех людей, что есть на земле, и соберите их в воскресенье, я своих дочерей замуж выдаю. Да еще, мол, и царей тоже». И вот цари, цари должны были собраться, и девушки, каждая тому, которому пожелает, поднесла бы от себя почетный бокал. Собрались цари, людей же всех, что были на земле, оповестили, и они собрались в воскресенье. Вот они сели, возносили молитвы, веселились, а царь тем временем спрашивает: «Никого, дескать, не забыли?» И говорит ему этот, ну тот, который оповещал, вот он: «Забыли этого, – всех дескать позвали, – только вот, правда, не позвали нашего свинопаса». Царь тут как закричит: «Как такое вышло? Разве я не велел, чтобы звали всех до единого?!» А тот свинопас, у того свинопаса была золотая шапка, золотые кудри. Как-то прежде пас он свиней, и девушки сверху, с верхнего этажа, выглядывают, с балкона, и одна из девушек так: «Кто что увидел, то его, кто что увидел, то его». А девушка-то что увидела, у юноши его шапка с головы упала, и его золотые кудри, и так: «Кто что увидел, то его». А девушки ей удивляются: «С ума она, что ли, сошла, что это она такое увидела, чего мы не увидели».

И вот как настала пора, когда все собрались, то взяла старшая дочь, дали ей бокал и так ей говорят: «Отнеси его, мол, обойди всех, и, мол, кому пожелаешь, кому из царских сыновей, тому его и поднеси». И она поднесла его царскому сыну, понесла его, и вручила его царскому сыну. Он и стал ее мужем. За нею и вторая взяла бокал, и поднесла его другому царскому сыну, и он тоже (стал ей мужем). Тогда же та третья дочь взяла бокал, трижды всех обошла и отыскала свинопаса, и поднесла его свинопасу. А царь тут как закричит: «Это еще что такое, да разве, мол, я свою дочь выдам за свинопаса!» А сам же так и сказал, что, дескать, «кому поднесете, за того». И (она) ему, мол, «было же сказано, кому поднесете, за того». И царь этот выгнал прочь и свинопаса, и свою дочь. Стали они жить в свинарнике, маленьком домике, переделанном из свинарника.

⁷ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, перевод с осетинского выполнен автором.

* * *

Царь же тот тем временем состарился, собрался уже было умирать. И тогда ему, тому царю, врач-то прописал ему, значит, печень черной свиньи. И царь этот своим зятьям, значит, говорит: «Найдите мне, дескать, печень черной свиньи!» А эта печень черной свиньи была, если через море перебраться, то вот там. У свинопаса же была хромая лошадь, плелась, ковыляя, такая вот лошадь, так на ней.

Два зятя сели (верхом), в папах, нарядные, и отправились в путь. А этот зять, свинопас который, сел на хромую лошадь и отправился, ковыляя, в дорогу, а в спину ему два зятя смеются, женатые на родных сестрах: «А этот, дескать, куда направился, на своей хромой лошади».

Отправился, значит, и как добрался туда – до лошадей, где табун был алдара, и сел там на Айда-коня. И этот тоже был его конем, но только он это держал в секрете, а конь этот был такой, что когда пускается вскачь, то не по земле скачет, а летит по небу. И трех зятьев, женатых на родных сестрах, он догнал. Отправился и заколол, заколол ту свинью. Он перелетел через Черную реку-море, а этим на обыкновенных лошадях перебраться-то как? И вот они едут, и давай его спрашивать, а он уже снова пересел на свою хромую лошадь: «Где это ты, мол, был, а?» А он им, там же, говорит, где и вы. А как он им показал это, свиную печень, так они стали ему твердить, отдай нам их, а нет, так, как нам перед алдаром ответ держать. А он им говорит, нет, вот если позволите мне вырезать ремни из кожи ваших правых ушей, на ремни вырежу, тогда дам. И вот человек этот (как же его звали?) – свинопас, он заколол ту свинью, что следовало, и обычную свинью. И печень той свиньи, которая была нужна, оставил у себя, а печень простой свиньи, (после того как) отрезал их правые уши на ремни, им отдал. Вот вернулись они и накормили алдара обыкновенной печенью, и стало ему от этого только хуже. Зятья же свои папахи вот так вот надвинули, чтобы не было видно, что их правые уши отрезаны на ремни. И вот, значит, стало тому алдару еще хуже, а этот принес ему печень черной свиньи, и накормили его ею, и пошел он тогда на поправку. И снова тогда они ему, значит, говорят, теперь, мол, нужно рыжей лисы – то ли сердце, то ли это была тоже печенка – а была та рыжая лиса за двумя горами. А за теми двумя горами же, вот как бараны бьются, так они друг с другом бились. И не было возможности через них перепрыгнуть, они бы тебя били. И вот эти два зятя алдара отправились за печенью рыжей лисы. А этот зять, который свинопас, тот на своей хромой лошадке едет, прихрамывая, и доехал снова до табуна лошадей, и сел снова на своего коня, и добрался до двух гор, и как они друг в друга дважды ударили, так на ретий удар он хлестнул своего коня плеткой, и когда горы раздвинулись, то конь его и прыгнул. И только из хвоста его один осколок, один волосок они защемили. И добрался, лису поймал, рыжую лису, и печень ее достал. Достал печень рыжей лисы, и опять убил также и простую лису. А они тем временем подъехали и снова с ним повстречались, те два зятя, «где это ты, дескать, был?». А он им, «а там, где вы были в прошлый раз». И повстречались они, значит, и говорят ему так: «Отдай ты нам ее, а иначе что же мы им скажем?» Он и согласился. Теперь, говорит, если позволите мне ваши левые уши отрезать на ремни, тогда, мол, дам вам ее. И отрезал теперь уже их правые уши на ремни. И еще ниже опустили они свои папахи. И снова дал им печень обыкновенной лисы. И вернулись они, и вновь алдару все хуже и хуже. И вот, когда этот вернулся, тогда они его так печат, накормили его печенью настоящей, рыжей лисы, и алдар выздоровел.

И еще ему понадобились... бараньи, эти, яйца. И их он должен был съесть, и отправился он за ними, а тот баран был за тремя горами. И за те три горы тоже перелетать надо было. Где вниз, где вверх. И два зятя тоже отправились, и опять впустую. Теперь же когда этот отправился на своей лошади, то того барана зарезал, и забрал с собой его яйца. И то же сделал и с обыкновенным бараном. И снова они ему повстречались на пути, и давай его уговаривать, дескать, дай нам эти, яйца, дай нам их, и он говорит им, «дам». Только говорит, мол, так. Когда, говорит, вернетесь, то в присутствии алдара ваши шапки снимете. Эти вернулись и опять накормили алдара обыкновенными яйцами, и толку от того никакого. И стали они, значит, так делать. Он же вернулся, и яйца эти еще у него самого были, и он им так говорит: «Тесть ты мой дорогой, видишь, дескать, своих зятьев, вели им снять свои шапки, – говорит свинопас алдару, – и, мол, посмотри, не отрезаны ли их уши на ремни, это, дескать, я им их на ремни отрезал».

И тогда, значит, тот алдар велел им снять, и уши их на ремни отрезаны, ушей-то и нет. И у обоих зятьев ушей нет как нет. И вот этот, который алдар, накормили того и алдар выздоровел.

* * *

И тогда они ему так говорят. На вот тебе нашего царства большую половину и мою дочь. И вот он тех, кто без ушей остался, и двух своих дочерей прогнал. Да вы же, это всего лишь свинопас, я же с ним был в ссоре, так вы и вдвоем ничего не смогли, а этот, мол, в одиночку ездил на своей хромой лошади, ковыляя. И то, говорит, алдара спас. И дал он ему коней, овец, всего, чего у него было, каждого большую часть, алдар тот. И еще им, сам, где жил, велел там же и им дом построить, в своем селении, и жили они, живут да едят. И поныне живут да едят.

Согласно системе Аарне-Андреева, сюжетный тип «Сказки о свинопасе» представляется нам комбинацией двух типов, в отдельности хорошо известных осетинской устной традиции: типа 530А – «Сивка-Бурка: младший брат (дурак) получает чудесного коня, с помощью которого доскакивает до царевны и становится ее мужем»; и 315А – «Звериное молоко: сестра (мать) по совету змея (черта и пр.) притворяется больной, просит брата принести звериного молока; хочет погубить брата, запертые звери освобождаются и спасают его»⁸.

Легко видеть, что приведенные определения сюжетных типов выделяют в сюжете осетинской сказки лишь общефольклорные особенности, оставляя без внимания те черты, которые и определяют ее типологическое своеобразие. Достоинство данной классификации, собственно, и состоит в соотношении осетинской сказочной традиции с общемировой. Главным же ее недостатком следует считать нивелирование особенно в пользу общего. Определяющим мотивом для сюжета приведенной осетинской сказки, как представляется, является то, что вообще отсутствует в дефинициях приведенных сюжетных типов: выбор царем достойного преемника. Поскольку собственных сыновей у него нет, то им может (должен) стать его зять, определить которого предоставлено трем его дочерям. Этот социальный по своей природе мотив – будучи, на наш взгляд, ключевым для всего сюжета – получает в сказке мифологическое воплощение.

Последовательное рассмотрение выделенных нами выше трех частей сказки о свинопасе, представляющих собой с точки зрения развития сюжета экспозицию, главную часть и эпилог, представляется оптимальным для ее анализа.

Экспозиция. Неравный брак.

Здесь, собственно, и формулируется главенствующий, *социальный* по своей природе, мотив, определяющий всю последующую интригу сказки, которая может быть сведена к неравному, и потому нежеланному, браку младшей дочери. Поскольку царь дает

дочерям право самим сделать свой выбор, потому он не в силах отменить то решение, которое принимает его младшая дочь, и вынужден смириться с зятем свинопасом. Однако и принять его он не может, потому что подобный брак компрометирует его в глазах общества. Не долго думая, он отсылает зятя и свою дочь, что можно считать компромиссным разрешением возникшего было кризиса⁹. Нарушенное было равновесие социального устройства мира вновь восстановлено: свинопас возвращен на подобающее ему место вместе с выбравшей его царской дочерью.

Относительно неравного брака выстраивается и вся система персонажей сказки, подчеркивающих социальные градации общества. С одной стороны – царь (или алдар, как его еще называет исполнитель) вместе со своими дочерьми и двумя зятьями, тоже царскими сыновьями, с другой – народ. Это изначальное социальное разграничение представлено в виде оппозиции *паддзæхтæ* 'цари' / *адæм* 'народ, люди'. При этом оно проводится достаточно последовательно, поскольку повторяется вновь и вновь.

Следует заметить, что ос. *паддзах* 'царь' – высший титул в традиционной осетинской сословной иерархии¹⁰. Вместе с тем его свободная замена на титул *æлдар* 'князь' свидетельствует о том, что значение имеет не столько точное наименование, сколько указание на нахождение на самом вершине социальной лестницы, на ее вершине. С пространственной точки зрения, мы имеем ясное указание на верх: царь даже

⁹ Сравни схожий сюжет любви пастуха и ханской дочери, известный в литературной обработке Г. Малиева «Гъонгæси фурт мæгур Мæхæмæт» (Сын пастуха бедняк Магомед), заканчивающийся трагически: разгневанный хан, которому дочь признается в любви к холопу, приказывает убить простолюдина [Малиев 1995: 28-32].

¹⁰ При этом, конечно же, следует иметь в виду и то обстоятельство, что в позднесредневековом осетинском обществе, после падения Аланского царства, уже не было места для высшей владетельной аристократии. Таким образом, широко представленные в устной традиции цари и алдары были, с одной стороны, воспоминанием о собственной общественной структуре, давно утраченной, а с другой – проецировались на высшую знать соседних народов (грузин – на юге, кабардинцев – на севере), владевшую плодородными равнинными землями (благодарим Р. С. Бзарова за устное разъяснение этого важного обстоятельства).

⁸ Сюжетный тип 530А представлен, по меньшей мере, 11 сказками, а тип 315А известен по 12 сказкам [Сокаева 2004б: 71-72, 28-30].

объявляет свои распоряжения слугам сверху вниз, поскольку используется особая приставка с пространственным значением: *ны-хъхъær кодта* 'закричал' (букв. «на-кричал»). Также сверху вниз оглашают и его распоряжения слуги, когда созывают на пир гостей. Вспомним также, что дочери царя впервые видят свинопаса именно сверху, с балкона.

Знаменательно и показательно то место – *куывд* 'молитвенное пиршество', – на которое он собирает царей и народ. Сошлемся в этой связи на авторитетное мнение В. С. Уарзиати: «Порядок рассаживания и распределения существовавших обязанностей являлся своеобразной пространственной моделью действующих социальных отношений. <...> В соответствии с социальными нормами общества престижность застольного пространства понижалась от места старшего до места младшего. Понижение престижности мест шло справа налево, начиная счет от места главы пиршества. Иначе говоря, совместная трапеза была одним из способов утверждения существовавших социальных отношений, различавших сотрапезников по полу, возрасту и даже социальному статусу» [Уарзиаты 1995: 143].

Звать же на пир свинопаса никому даже не приходит в голову. Примечательно, что именно царь настаивает на том, чтобы звали всех до единого, весь род человеческий, включая и тех, кому нет места на общественных собраниях. Свинопас занимает место, опускаться ниже которого уже некуда. Он практически вне общества, его и зовут-то на пиршество лишь после особого требования, или санкции, царя. Очевидно, что свинопас к тому же и в численном меньшинстве, а точнее – в абсолютном одиночестве. Между этими крайними полюсами общества и расположились все те остальные участники – народ – те, кого царь пригласил к себе на пир.

Вместе с тем в первой части нет ничего сказочного, чудесного. В сущности, все обыденно. Две старшие дочери правильно понимают волю отца, младшая же идет на поводу своей прихоти, на нее «находит блажь». Однако выбор ее неслучаен, она единственная, кто видит золотые кудри (или шапку) свинопаса, которые и покоряют ее сердце. Лишь с появлением свинопаса сказка не только обретает всех своих главных героев, по отношению к которым все остальные находятся на заднем плане и исполняют вспомогательную роль, но и получает свое чудесное, мифопоэтическое измерение. Решающее значение при этом приобретают его золотая шапка/кудри (эта путаница исполнителя, который не может точно указать, о чем, собственно, идет речь, представляется неслучайной и весьма ценной), к которым нам еще предстоит вернуться. Забегая вперед, также укажем на то, что именно свинопас проводит различие между чудесными животными, органы

которых возвращают царя к жизни, и животными обыкновенными (ос. *æнæуи хуы*, *æнæуи рувас*, *æнæуи фыр*), доступными всякому и потому бесполезными.

Главная часть. Старость царя.

Старость царя, приближение его смерти служит новым отсчетом в разворачивающемся действии, которое вновь обретает источник развития. По сути, мы имеем дело с биологическими фазами человеческой жизни. В первой части это биологическое время было связано с наступлением поры для царских дочерей выходить замуж. Теперь же, напротив, время связано не с развитием, ростом, а с увяданием – старостью. Кстати, и в первой части содержится косвенное указание на смерть царской жены: у сестер к поре их замужества уже не было матери.

Так вот, трем царским зятьям предстоит добыть целебные средства, которые бы могли отодвинуть срок его кончины, продлить его жизнь. Справиться с этой задачей оказывается по силам лишь опальному свинопасу. Именно он, выполняя задания царя, благодаря помощи хромого коня, оказывается способен выйти за географические границы обыденного мира: пересечь море, бьющиеся скалы и высокие горы. Эти походы за целебными снадобьями заслуживают более подробного рассмотрения.

Прежде всего, следует указать на то, что речь идет о внутренних органах разных диких животных. В первом случае – о печени, во втором – о сердце (или печени, поскольку исполнитель не уверен, о чем именно шла речь), в третьем – о производительных органах. Все вместе они должны либо остановить приближающуюся смерть, либо дать царю вторую жизнь, омолодить его, образуя в своей совокупности подобие полноценного биологического организма. Здесь, конечно же, следует учитывать то обстоятельство, что в народной культуре признается прямая связь между анатомическим органом и связанной с ним жизненной функцией. В силу данного обстоятельства и существует, например, группа отыменных глаголов, производных от обозначений частей тела, интерпретируемых именно как орудия:

- *k'ax* 'нога' > *k'axun* | *k'axun* 'копать';
- *nyx* 'ноготь' > *nyxun* 'чесать' [ИЭС I: 620].

Таким образом, можно предполагать три жизненные сферы, отождествляемые с вышеперечисленными органами: печень – пищеварение, сердце – кровоснабжение, производительные органы не требуют комментария.

Далее, представляют бесспорный интерес и сами животные, за которыми идет охота, и места их обитания. Черная свинья (ос. *сау хуы*) обитает за Черным морем-океаном (ос. *Сау дон-денджыз*). Вообще в осетинской сказочной традиции свинья часто связана

с водной стихией¹¹. С пространственной точки зрения, это самый низ. Рыжая лиса (ос. *бур рувас*) живет за двумя горами, которые бьются, как бараны. Здесь обозначено движение в горизонтальной плоскости: горы расходятся в разные стороны. В сказках лиса может быть связана со стихией огня¹² (да и сам цвет ее к этому располагает). В случае с бараном горы движутся вверх и вниз, то есть движение указывает на вертикаль, что позволяет отнести барана к пространственному верху. В итоге свинопас не только добывает необходимые органы, но также и осваивает топографическое пространство мироздания и соотносимые с ним стихии: океан, огонь и воздух.

Эпilog. Определение царского преемника.

Конечным итогом всех разворачивающихся в сказке событий становится то, что низший по происхождению, презираемый обществом свинопас занимает место царского наследника. Для понимания мифопоэтической сути перипетий сказки и ее финала следует вновь вернуться к золотой шапке/чубу свинопаса.

Действительно, именно эту золотую шапку/чуб (ос. *сызгъæрин худ, сызгъæрин гоцора*) видит младшая царская дочь, когда делает свой неожиданный выбор, создавая интригу сказки. Ее предчувствие оказывается полностью оправданным, поскольку в итоге она вместе со своим избранником и оказываются царскими наследниками. Можно даже предполагать, что ее провидческие ожидания были не проявлением простого девичьего своеволия, а связаны с хорошим знанием народной культуры. Дело в том, что в осетинской традиционной культуре с волосами/шерстью неразрывно связано представление о плодородии: как растительном, так и животном. Основанием для данного мифопоэтического отождествления является представление об их изобилии, их плодоносящей силе. Заметим, что в первой части сказки взрослеющие дочери предстают на общем фоне того всеобщего процветания, которое характерно для царя: табуны лошадей, скот и т. п. Собственно, в этом следует видеть высокий социальный статус, который предполагает материальное благоденствие.

Даже сама путаница исполнителем шапки и чуба свинопаса находит почти полное совпадение в осетинской лексике двух слов: 'волос' *q°yn* | *gun*, 'шерсть', откуда устойчивое словосочетание *sary q°yn* 'волосы на голове'. Более того, в данный ряд следует включить также еще одну лексему *q°yna* | *guna* 'мох', 'плесень'.

¹¹ См., например, такие сказки, как «Дзæргы аргъау» («Сказка о свинье»), «Дзæргъ» («Свинья») и «Дзæргъ æмæ бирæгъ» («Свинья и волк») [ЦА 1998: 51-55], в которых свинья всегда встречается с волком именно у воды, потому что накануне съела что-то соленое, обычно рыбу.

¹² См. сказку «Цæргæс, робас æма хуймон» («Орел, лиса и пахарь») [ЦА 1998: 108-109], где эта связь ясно обозначена.

С точки зрения этимологии, согласно авторитетному мнению В. И. Абаева, они идентичны, поскольку в принципе взаимозаменяемы, о чем свидетельствуют выражения *qædy q°yna* или (д.) *gædi gun* 'древесный мох' (буквально «древесная шерсть»). Что касается конечного -а, то в осетинском известны случаи, когда, по его мнению, одно и то же слово может выступать либо с наращением, либо без него, ср.: *sa gæas* | *sa gæasa* 'раздумье' [ИЭС II: 326-328]. Существует также и сказочное чудовище, которое не дает людям доступа к воде – *kæf-q°yn-dar* буквально «рыба шерстью покрытая» [ИЭС I: 576]. Таким образом, благодаря лексике вместе сведены человек (волосы), животные и рыбы (шерсть), растения (мох) и споры (плесени).

Укажем также на осетинскую загадку об усах (ос. *рихитæ*):

Нæ уæлкъæсæр пыхсы къутæр. [Тм.: 80]

(У нас на дверной притолоке густые заросли.)

Вновь мифопоэтическое отождествление растений и человеческих волос.

Л. А. Чибиров сообщает интересную этнографическую подробность: «В качестве заверения обязательного возвращения долга к установленному сроку берущему было достаточно вырвать волос (*æрду*) из усов» [Чибиров 1995: 53]. Укажем также на строки из стихотворения Таймураза Хаджеты «Мæ Иры къæс» [Хаджеты 1987: 4]:

Æууæнчы гæххæтты дзы нæ агуырда лæг:

Йæ рихийы иу æрду – йе 'ууæнк.

(Никто здесь не давал расписок:

В залог было достаточно одного волоса из усов.)

В свете соотношения волос и изобилия данный жест может трактоваться как своего рода божба: «Чтобы мне лишиться волос, то есть изобилия!»

Сошлемся также на осетинскую обрядность, где отождествление волос и растений непосредственной связано с продуцирующей магией. «Наряду с вербальной магией, характерной для всех обрядовых праздников, праздник «хор-хор» – «хумидайæн» был богат продуцирующими магическими элементами и действиями, в частности: хозяин бывал одет в большую *длинношерстную* шубу; иногда подростки также надевали такие шубы, обильно разбрасывали зерна, обязательно обмазывали друг друга кашей (*купси*), обливали пивом. На эти действия никто не обижался. Нелегко приходилось женщине с *длинными косами*; их обмазывали кашей, произнося заклинание:

«Пусть колос пшеничный,

Колос ржаной вырастут такими (же) длинными!» [ОП: 8]

Характерно описание красавицы, встречающейся в сказках и эпосе: «Еу кизгæ йимæ [Орозмæгмæ] æрбахудтонцæ, æ конд, æ уиндæн кæмæн нæ адтæй,

уæхæн, æ сугъæрийнæ дзиккотæ цетенидзаг адтæнцæ, хори тунтæ кастæй æ хъури бунтæй» [ОГЭ I: 106] (Одну девицу ему [Орозмагу] засватали, красоты несравненной, золотые косы ее были такими [пышными], что наполняли без остатка плетеную корзину). Золотые косы в корзине суть амбары, полные запасов зерна.

Обрядность, связанная с траурными событиями, также содержит случаи подобных мифопоэтических отождествлений. Вот места, которые представляют интерес в этнографическом очерке К. Л. Хетагурова «Особа»:

«По дороге к кладбищу на более просторном месте процессия останавливается для литии. Едва успевают опустить носилки на землю, как вереница женщин уже принимается опять за хлопанье себя по щекам, мужчины тоже вновь проделывают попарно битье плетью своих шей. Более близкие родственницы здесь же обрезают себе *косы* и кладут их рядом с покойником».

«Кладбища обыкновенно находятся далеко от аулов. В некоторых аулах зимою положительно нельзя добраться до кладбища, и покойники до весны остаются в аулах зарытыми в *солому*» [ОП: 348].

В текстах посвящения коня покойнику (ос. *фæлдыстытæ*) встречаем просьбу, которая объясняет связь между отрезанной косой и умершим.

«Рохсаг уо! Хуцау дин батæрегъæд кæнæд!
Зад хумæ, зад игуæрдæнбæл нин бауодæ!
Рохсаг уо! Дзенети фæббадæ!» [ОП: 151]
(Будь светел! Да смилостивится над тобой Хуцау!
Нам же обеспечить обильную ниву, обильные покосы!

Будь светел! Да пребудешь ты в раю!)

В основе просьбы глагол *ūdyn | odun* 'стараться', 'усердствовать', 'заботиться'; в иронском обычно в срощении с превербом а-: *aūdyn* 'покровительствовать', 'действовать на пользу кому-либо' [ИЭС IV: 11]. Здесь же уместно привести и обычное пожелание покойнику: «Сыгъæрин талатæ суадз!» (Да прорости тебе золотыми побегами!), повторяющее этот мотив¹³.

Смерть и будущий урожай зерновых, скота – вот центральная идея рассматриваемой нами сказки. Для ее выражения и нужны два главных героя. Царь и свинопас не только обозначают социальные полюса, они переводят противопоставление знатного и низкого из социального (в данном случае обыденного) в мифологическое пространство: отмирающего (достигшего завершения в своем развитии) и нарождающегося (исполненного жизненных сил).

Из этих двух образов первоочередного рассмотрения заслуживает царь. Он источник сюжета, он неподвижно следит за развитием событий, тогда как

все остальные участники сказки находятся в движении, в действии: дочери смотрят с балкона и обходят гостей, слуги исполняют его приказы, зятя отправляются за лечебными снадобьями. Только он один, давая первоначальный импульс действию, остается пассивен и отстранен.

Но именно он символизирует благоденствие. Сошлемся в этой связи на осетинскую загадку о корзине для хранения зерна (ос. *мæнæуы къуту*):

Не 'лдарыл хæлын худ. [Тм.: 123]

(На нашем алдаре барашковая шапка.)

Важно, что здесь вместе сведены мир людей (алдар), растения и животные (шапка из шкуры овцы). Заметим в этой связи, что два других царских зятя были в папах, которые им приходилось опускать все ниже и ниже, чтобы скрыть отсутствие ушей, отрезанных свинопасом. Анатомические недостатки они пытались возместить тем растительным изобилием, которое олицетворяет папаху.

Предполагаемая нами главная идея сказки находит замечательное воплощение в загадке о проросшем зерне (ос. *зад*), в которой смерть *алдара* становится источником новой жизни:

Нæ зæнхи астæу – æлдари мард. [Тм.: 95]

(Посреди наших земель – труп алдара.)

Свинопас не просто справился с трудными заданиями, он преодолел болезнь, старость, дряхление царя. Он оказался годен для той общественной роли, которую выполнял его титулованный тесть, – олицетворять благоденствие, обеспечивать процветание. В этом и заключается, на наш взгляд, основное содержание сказки, ключом к которому служат золотые локоны свинопаса. Отсюда и конечная фраза сказки о том, что «и поныне они живут да едят» (ос. *афонмæ дæр ма цæрынц æмæ хæрынц*). Теперь же мы переходим к рассмотрению второй из выбранных нами сказок.

Сказка о сыне Арчихора

(сюжетный тип 552 AA, СУС)

Осетинская сказка «Æрчыхоры фырт» («Сын Арчихора») является одной из семи сказок, составляющих репертуар Александра Зурабовича Дзантиева (Кулумбекова). Наследие этого сказочника пока еще мало известно не только любителям осетинского устного народного творчества, но и специалистам. До сих пор, и то лишь в прошлом году, в открытой печати была опубликована лишь одна его сказка¹⁴. Как и подавляющее большинство носителей осетинского устного народного творчества, он не был профессиональным

¹³ Связь похоронных обрядов и аграрных ритуалов хорошо известна этнографии. См. об этом, например, Велецкая 2003: 183-189.

¹⁴ Сказка «Две сестры» из репертуара Александра Дзантиева напечатана с нашими небольшими комментариями [Сокаева 2004г: 98-112].

сказочником. Тем более удивительным представляется его верность традиции и сохранность архаических пластов волшебной сказки.

Согласно тем сведениям, которыми мы располагаем, он родился в 1880 г. в селе Ортеу Сталининского района бывшей Юго-Осетинской АО. Его отец, Зураб Бутаевич Кулумбеков, был бедным крестьянином. Когда Александру исполнилось шесть лет, отец умер. После его смерти мальчика взяли к себе братья отца. В возрасте 35 лет он переехал в Северную Осетию и поселился в селении Брут. Здесь его усыновил

Урусби Еналдикоевич Дзантиев, давший ему свою фамилию. Сказки он слышал от 150-летнего (?) старика из фамилии Газзаевых, когда еще жил в селе Ортеу. Память у него была очень хорошая, и он рассказывал сказки, услышанные еще в детские годы¹⁵.

Ниже мы приводим текст сказки¹⁶ и сопровождаем ее переводом на русский язык. Вновь, как и в предыдущей сказке, на которую нам предстоит еще не раз ссылаться, представляется целесообразным различать в тексте три композиционные части: экспозицию, главную часть и эпилог.

Цардис иу æлдар. Уыдис ын æртæ чызджы æмæ иу фырт. Чызджытæ æппындæр никæмæн куымдтой. Æлдары фыртæн уыдис иу æрдхорд. Æрдхордæн йæ фыд уыдис æрчъитæ хуыйæг æмæ йæ уый тыххæй хуыдтой Æрчъихоры фырт.

Иу заман куы уыд, уæд æлдарæн йæ адзал æрцыд. Йæ мæлæты размæ йæ фыртæн афтæ зæгъы:

– Мæ бандоныл чи не сбада, уымæн дæ хотæй макæйы ратт.

Лæг амардис. Йæ фæстæ бирæ усгуртæ цыдис, фæлæ фыды бандоныл ничи сбадтис. Иу заман иу цæргæс æртахт æмæ фыды бандоныл абадт. Уыцы цæргæс ахаста хистæр хойы. Дыккаг бон иу цъиах æртахт æмæ та уый дæр уыцы бандоныл абадт. Уый та ахаста астæукаг хойы. Æртыккаг бон æртахт гæркъæраг æмæ кæстæр хойы ахаста. Æлдары фырт иунæгæй баззад. Хæринаг чи скодтаид, хуыссæн чи бакодтаид, уый нал уыд.

Иу хатт лæппу ныхъуыды кодта æмæ загъта: «Ныр æлдары чызджы ракурын диссаг нæу, стæй хъæздыг чызджы ракурын дæр, фæлæ авд хохы фараст уæйыджы цæры æмæ уыдоны хойы ракурын диссаг уаид».

* * *

Æхсæвы бауынаффæ кодта æмæ райсомы арвыста йе 'рдхордмæ, Æрчъихоры фыртмæ. Æрбацыд йе 'рдхорд æмæ йын загъта:

– Иунæгæй цæрын мын тынг зын у, æмæ ус курын сфæнд кодтон.

– Кæд дын истæмæн бæззын, уæд æз цæттæ дæн кæддæриддæр, – загъта Æрчъихоры фырт.

– Æлдары чызг, кæнæ хъæздыг лæджы чызг мæм диссаг нæ кæсы, фæлæ авд хохы сæр фараст уæйыгæн иунæг хо ис æмæ уый ракурын хъæуы, – зæгъы æлдары фырт.

– Разы дæн, – дзуапп радта Æрчъихоры фырт, – фæлæ цæмæй уырдагæм ацæуай, уый тыххæй хъæуы хæцæнгарз.

– Уæртæ чихаодзы¹⁷ топпытæ бирæ, æмæ дзы равзарæм, – дзуры æлдары фырт.

– Уыдон хæцæнгарз не сты, фæлæ скæнын кæнæм фат æмæ 'рдын, – загъта та Æрчъихоры фырт, – гæнæн нал ис, уæд иу пут¹⁸ æфсæйнагæй.

Æлдары фырт æрбахаста фат. Æрчъихоры фырт ыл æрбахæцтытæ кодта, æмæ фат æрбазылынтæ ис. Уæд ын афтæ зæгъы:

– Ацу Сау уæларвы Куырдалæгонтæм æмæ йын скæнын кæн фат æмæ 'рдын болат æндонæй, фæстаг кæрон æртæ путы чи ласа, ахæмтæ.

Æрбахаста та æлдары фырт фат æртæ путы болат æндонæй. Æрбахæцтытæ йыл кодта Æрчъихоры фырт, æмæ хорз куы уыдис, уæд æй къæдзæхыл ныццафта, æмæ къæдзæх фаркгай фæхаудта.

– Ай бæззы, – загъта Æрчъихоры фырт, – æмæ цæуæм.

¹⁵ Таким комментарием снабжены семь волшебных и новеллистических сказок, хранящихся в архиве и сданных туда Азой Хаджимурзаевой Шанаевой. Комментарии написаны в 50-е годы, когда и были по поручению профессора Б. А. Алборова записаны сказки от А. В. Дзантиева. В рукописный фонд СОИГСИ они были приняты в 1992 г. по рекомендации фольклориста Т. А. Хамицаевой.

¹⁶ ОРФ, ф. «Ф.», д. 633, № 1700. Там же хранится и выполненный нами перевод сказки Л. 53-73, который также приводится с некоторыми изменениями.

¹⁷ Скълад – пояснение в тексте.

¹⁸ Пут – русизм: пуд (мера веса).

Сбадтысты æмæ араст сты хохы сæрмæ усгур. Фæцæуыиц. Цас фæцыдаиккой, чи зоны, фæлæ сыл иу ран æризæр ис. Æрчыхоры фырт ныуадис рындзмæ æмæ иу сæгуыт амардта. Æрхаста йæ, æртъигъы¹⁹ æмæ æлдараы фыртмæ дзуры:

– Марадз-ма, рындзæй акæс, æмæ искуы йе цуанон уыдзæн, йе хъæддзау, йе фæндаггон, æмæ дзы зынг æрбадав. Сæгуыты мард бæргæ ис, фæлæ арт нæй, зынг нæй, цæмæй йæ сфыцæм?

– Ард дæ хæдзары бацæуа, æз ам дæ цуры тыххæй куы уæндын, уæд ацы талынджы кæдæм ацæуон, – загъта æлдараы фырт.

– Уæд та уæхстытæ акæн, – зæгъы Æрчыхоры фырт.

Йæхæдæг рындзмæ суадис. Кæсы, æмæ иу ран арты фарсмæ иу стыр лæг кафы, ин-нæрдгæй ус бады æмæ кæуы. Уæд лæг йæ кафт фæуагъта æмæ дзуры усмæ:

– Цы кæныс, цæуыл кæуыс? Цы дын нæ фаг кæны? Тыххæй дæ, мыййаг, куынæ рахастон.

Уæд æм ус дзуры:

– Æмæ æз уый тыххæй куы ницы зæгъын. Фæлæ мæ иунæг æфсымæр, авд хохы сæрыл фараст уæйыджы цæрыиц, уыдонæн ис иунæг хо, æмæ уымæ рацыдис усгур, æмæ цы фæуы-дзæнис, ууыл кæуын.

Уæд æм лæг дзуры:

– Уый цы фæуыдзæнис, уый дын æз зæгъдзынæн. Куы схæццæ уой, уæд сæм уырс рауадздысты æмæ хъæр кæндзысты, ма ауадзут, зæгъгæ. Уыдон æй æрцахсдзысты, æмæ йыл де 'фсымæр куы абада, уæд йæ уæлæ цъæх арт суадздзæнис.

Уæд æм ус дзуры:

– Уæдæ ме 'фсымæр ахæм æнæзонд нæу, æмæ æнахуыр хъæуы бæхыл чи сбада.

Уыцы ныхæсты фæстæ Æрчыхоры фырт бацыдис, салам радта, ракуырдытæ сæ цæхх æмæ зынг. Йæхи сын нæ бацамыдта, афтæмæй рацыдис.

Ссыдис йе 'мбалы фарсмæ, скодтой арт, физонæг, сæхи хорз федтой, сæ фæллад суагъ-той, стæй та дарддæр араст сты. (Æрчыхоры фырт йе 'мбалæн ницы схъæр кодта йæ хойы тыххæй.) Райсомы та араст сты сæ фæндагыл. Куы æризæр ис, уæд та Æрчыхоры фырт ацуан кодта æмæ та иу саг амардта. Уæд та дзуры йе 'мбалмæ:

– Ауай æмæ искуы зынг ссар.

Уæд æм лæппу дзуры:

– Ам дæр дæу тыххæй куы лæууын, уæд мæ кæдæм æрвитыс? – дзуапп радта æлдараы фырт.

Уæд æм Æрчыхоры фырт дзуры:

– Цу уæдæ, сугтæ рамбырд кæн.

Йæхæдæг та суадис рындзмæ. Кæсы, æмæ та иу ран цæхæрыл кафы иу сау лæг, йæ фарсмæ бады ус æмæ кæуы. Уæд та лæг йæ кафт фæуагъта æмæ усмæ дзуры:

– Цы кæныс, цы дæ хъæуы? Дæ цард дæ зæрдæмæ цæмæй нæ цæуы?

Ус ын дзуапп радта:

– Æз уый тыххæй куы ницы зæгъын, фæлæ нын æртæ хойæн иу æфсымæр, æмæ авд хохы сæрмæ фараст уæйыджы хомæ усгур рацыдис, æмæ цы фæуыдзæн, уый нæ зонын.

– Цы фæуыдзæн, уый дын æз зæгъдзынæн, – загъта йын йæ лæг. – Куы сæм бацæуа, уæд æй къæлæтджын бандоныл бадын кæндзысты, æмæ кæд ууыл сбада, уæд цъæх арт суадз-дзæн, кæд не сбада, уæд ын ницы уыдзæн.

Уæд ус ныххуртис æмæ загъта:

– Ме 'фсымæр ахæм æнæзонд нæу, æмæ хъæуы хистæрты разæй къæлæтджын бандо-ныл чи сбада.

Уыцы ныхæстæ та фехъуыста Æрчыхоры фырт, фæлæ та æлдараы фыртæн не схъæр кодта.

Æртыккаг бон дæр та куы баузæр ис, уæдмæ та Æрчыхоры фырт æхсæвæйраг амард-та æмæ та дзуры æлдараы лæппумæ:

– Цу-ма, марадз, искуы зынг ссар.

¹⁹ Æртъигъы – неясное слово.

Уæд æм лæппу дзуры:

– Æмæ ам дæу раз дæр куынæ уæндын, уæд мæ ды та изæрыгон зынгагур æрвитыс?

Цы та ма загътаид Æрчъихоры фырт, æмæ та йæхæдæг ацыд зынгагур. Къуыбырæй акаст æмæ кæсы, хъæды астæу арт судзы. Бацыд арты размæ, кæсы, æмæ дзы цæхæрыл уу гыццыл лæг кафы, арты фарсмæ та бады уу сылгоймаг æмæ йæхи кæуынæй мары.

Уæд æм лæг дзуры:

– Цы кæныс, цæуыл кæуыс, мæ кафынмæ мард дæр куы схуддзæн, исты дæ тыххæй рахастон?

– Æз ууыл нæ кæуын, – загъта ус, – фæлæ нын æртæ хойæ уу æфсымæр ис, æмæ уый сфæнд кодта фараст уæйиджы хойы ракурын, æмæ цы бауыдзæн, ууыл кæуын.

– Цы бауыдзæн, уый дын æз зæгъдзынæн, – загъта йын йæ лæг. – Куы сæм бацæуа, уæд æм нуазæн дæтдзысты аходынмæ. Куы дзы ацахода, уæд цæвддур фестдзæн.

– Æмæ мæнæн ме 'фсымæр ахæм æнæзонд нæу, – загъта ус, – æмæ хъæуы кæстæрты разæй нуазæн чи ацахода.

Уыцы ныхæстæ дæр та фехъуыста Æрчъихоры фырт, фæлæ æлдары фыртæн ницы загъта.

Бон куы æрбарухс, уæд сæхи срæвдз кодтой æмæ ацыдысты дарддæр. Цас фæцыдысты, чи зоны, фæлæ уахæмы бахæццæ сты уæйгуыты бæстæм. Уæйгуытæ сæ куы федтой, уæд сын уырс сæ размæ рауагътой, сæхæдæг хъæр кæнынц:

– Гъæйтт, лæппутæ, ма ауадзут, нæ уырс алыгъд æмæ нын йæ æрцахсынмæ феххуыс кæнут!

Уый куы фехъуыста æлдары фырт, уæд уайтагъддæр рацахста уырсы.

Уый куы федтой уæйгуытæ, уæд та йæм хъæр кæнынц:

– Сбад ыл æмæ йын хорз йæ фынк акал!

Æлдары фырт ыл абадынмæ хъавыд, фæлæ йæ Æрчъихоры фырт фæурæдта:

– Фæлæуу, ма йыл сбад, – загъта уый. – Зæгъ сын, кæд уæ, зæгъ, уæ бæх хъæуы, уæд рацæут æмæ йæ акæнут. Мæнæн мæхи бæх дæр хорз у.

Æлдары фырт сын æцæг дæр афтæ загъта. Сæхицæй уу æрцыдис, æмæ йыл куы сбадтис, уæд фæнык фестад.

Хæстæгдæр куы бацыдысты, уæд сæ уæйгуытæ фæрсынц:

– Цы стут, цæвæр адæм стут?

– Усгуртæ стæм, – загътой лæппутæ.

Уæд сæ уæйгуытæ мидæмæ бакодтой æмæ загътой, цæмæй æлдары фырт къæлæтджын бандоныл сбадтаид. Уæд сын Æрчъихоры фырт афтæ зæгъы:

– Махмæ усгур къæлæтджын бандоныл нæ фæбады, хъуамæ дзы сбада хъæуы хистæр.

Хистæр уыцы бандоныл куы æрбадт, уæд цъæх арт суагъта æмæ басыгъдис.

Куы ракуывтой, уæд загътой, цæмæй фыццаг нуазæнæй æлдары фырт ацахода. Фæлæ сын Æрчъихоры фырт загъта:

– Афтæ раст нæу, хъуамæ дзы хъæуы кæстæр ацахода раздæр.

Уыдон уæрдæм, адон иннæрдæм, æмæ Æрчъихоры фырт, нуазæн кæй къухы уыд, уый цонг басхуыста, æмæ нуазæн хъæуы кæстæрыл бакалд, æмæ цæвддур фестад. Уырдыгæй сын сæ бон куы ницы бацис, уæд сын уæйгуытæ загътой:

– Цуаны цæуæм мах фарастæй, сыхах та дыууæйæ æмæ мах йас куынæ амарат, уæд уæ бахæрдзыстæм.

– Нæ, афтæ нæ, – загъта Æрчъихоры фырт, – æз цæуын унæгæй, сыхах та сæдæйæ, лæппу æмæ чызджы та ам уадзæм.

Уæйгуытæн дæр ма цы гæнæн уыд æмæ сразы сты. Цуаны куы ацыдысты, уæд Æрчъихоры фырты ныуагътой фыдуаг сырджын комы, сæхæдæг кæдæм нæ бауæндыдысты, уым. Æрчъихоры фырт нæ фæтарст. Комы цыдæриддæр сырдаей уыд, уыдон айнæгмæ стардта, иннæрдыгæй сæ размæ фæцис æмæ сæ былæй ракалдта, стæй сæ фæдыл æргæпп кодта, æмæ ма дзы æгасæй чи баззад, уыдон кæрæдзиуыл ныццæфтæ кодта æмæ сæ фæмæрдтытæ кодта. Стæй уæд хъæр кæны уæйгуытæм, рацæут, зæгъгæ. Уыдон та уæдмæ дыууæ йеддæмæ нæ амардтой.

Уæйгуытæ цуаны куы цыдысты, уæд лæппу æмæ чызгмæ радтой аст уатæй дæгъæлтæ. Æрмæст, дам-уу, æстæм уаты дуар ма бакæнут. Иннæ авд уаты куы фæрацу-бацу кодтой, уæд лæппу загъта, зæгъгæ, дам, мын, ацы уаты цы ис, уый æнæ фенгæ нæй. Чызг дæр æй нæ уагъта, фæлæ уæддæр бакодта дуар. Дуар куы бакодта, уæд кæсы, æмæ дзы къуымы баст авдсæрон уæйыг, иннæ къуымы та æвæрд йæ хæринаг. Уæйыг уыдис тынг мæллæг, æмæ йын лæппу тынг фæтæригъæд кодта.

– Кæд мын афтæ тæригъæд кæныс, уæд мын мæ хæринаг мæ размæ æрбакæн, – загъта йын уæйыг.

Чызг æй нæ уагъта, фæлæ йын уæддæр лæппу хæринаг радта. Уæйыг хæрд куы фæцис, уæд, цы уыд, авд ахæмы фестад. Лæппумæ фæлæбурдта æмæ йæ суанг хъæды атъыста, чызгмæ фæлæбурдта æмæ йæ ахаста. Уæйгуытæ куы æрбацыдысты, уæд кæсыниц, æмæ чызг æмæ лæппу не сты. Уæйгуытæ уый куы федтой, уæд Æрчъихоры фыртмæ хыл кæнын райдыдтой, æцæг æм къухæй бавналын нæ уæндыдысты, асайдтай нæ, нæ хойы нын аскъæфын кодтай, зæгъгæ.

– Нæ, мæнæн ахæм æфсымæр нæй, æмæ æнæ мæн чи алидза, рацагурут-ма йæ, – загъта Æрчъихоры фырт

Кæсыниц, æмæ æлдары фыртæн йæ къæхтæ царæй дæлæмæ зæбул-зæбул кæныниц æмæ йæ уырдыгæй райстой. Уæйгуытæ сæ марыныл систы. Уæд сæм Æрчъихоры фырт дзуры:

– Æртæ азы мын рæстæг раттут, кæд уæдмæ не 'рыздæхон, уæд-уу мын ме 'фсымæрæн, цы уæ фæнда, уый бакæнут.

Ацыдис Æрчъихоры фырт, уæдæ цы уыдаид. Цас фæцыдис, чи йæ зоны, фæлæ иу ранмæ бахæццæ æмæ кæсы, иу лæг дыуадæс цæдæй хуым кæны æмæ, цы ауæдзтæ фæлдæхта, уыдон хордта.

– Дуне чи скодта, уыцы иунæг Хуыцау, – загъта Æрчъихоры фырт, – цы федтон – федтон, фæлæ дзы ахæм диссаг нукуыма федтон. Æз иу кæрдзыны æрдæг куы бахæрын, уæддæр куы бафсæдын, уæд уый цавæр хабар у, дыуадæс цæды фæстæ цы зæхх ис, уый куы хæры, уæддæр куынæ æфсæды.

– Уый ницы диссаг у, – загъта лæг, – диссаг уый у, æмæ авдсæрон уæйыг йæ чынды кæмæн фæхæссы æмæ йæ чи нæ зоны.

– Уый æз дæн, – загъта Æрчъихоры фырт. – Цом, мемæ æмбалæн рацу.

Лæг сразы æмæ дарддæр ацыдысты дыууæйæ. Цас фæцыдысты, чи зоны, фæлæ иуахæмы кæсыниц, æмæ иу лæгæн дыууæ хохы йæ 'ккойы, афтæмæй хъæргæнгæ æрбацæуы:

– Афтидæй куы цæуын, уæд ма цы ахæссон?

Æрчъихоры фырт дисгæнгæйæ зæгъы:

– Дуне чи сфæлдыста, уыцы иунæг Хуыцау, ай æз мæ фат ме 'рдын хæссын куынæ фæразын, уæд уый къæдзæхтæ куы хæссы æмæ ма уæддæр, афтидæй цæуын, зæгъгæ, хъæр куы кæны.

– Уый ницы диссаг у, – загъта лæг, – диссаг уый у, æмæ авдсæрон уæйыг йæ чынды кæмæн фæхæссы æмæ йæ чи нæ зоны. Абон ауылты æруадысты.

– Уый æз дæн, – загъта та Æрчъихоры фырт. – Баххуыс мын кæн, цом мемæ æмбалæн.

Лæг сразы, уæдæ цы уыдаид. Æмæ та дарддæр ацыдысты сæ фæндагыл æртæйæ. Цæуынц æмæ кæсыниц, иу лæг зæххыл йæ хъус сæвæрдта æмæ цæмæдæр хъусы. Куы йæм бахæццæ сты, уæд æй фæрсынц:

– Хорз лæг, цы кусыс уый, цæмæ сæвæрдтай дæ хъус зæххыл?

– Дæлæ дæлзæххы мæлдзгуытæ фæхыл сты æмæ дзы иуæн йæ син асаст, иннæмæн йæ астæу. Тæрхон сын кæндзысты, æмæ цы бауыдысты, уымæ хъусын.

– Уый диссаг нæу, – загъта Æрчъихоры фырт, – мæнæн мæ разы цы фæдзурынц, уый дæр хорз нæ хъусын, уый та, дæлзæххы цытæ цæуы, уыдонмæ хъусы.

– Уый диссаг нæу, – загъта лæг, – диссаг уый у, æмæ авдсæрон уæйыг йæ чынды кæмæн фæхæссы æмæ уый чи нæ зоны.

– Æмæ цы федтай? – бафарста йæ Æрчъихоры фырт.

– Раст знон изæрæй ауылты æруадысты, – загъта лæг.

– Æз уый дæн, – загъта Æрчъихоры фырт, – æмæ дæ кæд фæнды, уæд уал цом мемæ æмбалæн.

Лæг сразы, æмæ ныр цыппар баисты. Дарддæр цæуынц æмæ кæсынц, уу лæг уæларвмæ кæсы. Æрчыхоры фырт дæр йæ цæстытæ асæрфта æмæ хæрдмæ скаст, фæлæ дзы ницы федта.

– Хорз лæг, цæмæ кæсыс уæларвмæ, æз дзы куы ницы уынын?

– Мæ фат фехстон, æмæ арвы дуары ныссагъди, æмæ цæй æрæгмæ здæхы, ууыл дис кæнын.

– Дуне чи скодта, уыцы Хуыцау, æз уу верстмæ дæр куынæ уынын, уæд ды, уæларвты цытæ цæуы, уый куыд уыныс?

– Уый диссаг нæу, – загъта лæг, – диссаг уый у, æмæ йæ чынды авдсæрон уæйыг кæмæн ахаста æмæ йæ чи нæ зоны.

– Æмæ цы федтай? Мах уыдон стæм, – загътой йын фæндаггæттæ.

– Раст знон ауылты æруадысты, – загъта та уый.

– Цом, немæ дæ æмбалæн хонæм.

Лæг сразы ис, æмæ та дарддæр ацыдысты. Цæуынц, цæуынц, æмæ Æрчыхоры фырт, дардмæ чи уыдта, уымæн афтæ зæгъы:

– Акæс-ма, кæдæм та бахæццæ сты?

Лæг акаст æмæ загъта:

– Æхсæз хохыл ахызтысты, æвдæмыл лæууынц, æмæ нæ цыд фæтагъддæр кæнæм.

Сæ цыдыл бафтыдтой æмæ æвдæм хохмæ бахæццæ сты. Дардмæуынæг та акаст æмæ сæ нал федта. Уæд зæххыбынмæхъусæгмæ дзурынц:

– Байхъус-ма зæхмæ, кæд дæлзæхмæ ацыдысты.

Байхъуыстытæ кодта æмæ загъта:

– Мæнæ раст ам ныцыдысты дæлзæхмæ.

– Дæ сæр мæ бахъуыд, – дзуры, хæхтæ чи хаста, уымæ. – Дыууæ хохы куы хастай, уæд ма, «цы ахæссон, цы ахæссон», куы хъæр кодтай.

Уæд лæг къæдзæхыл схæцыд æмæ йæ иннæрдæм афæлдæхта. Куы йæ афæлдæхта, уæд къæдзæхы бын дуар байгом ис. Дуарæй хæрдмæ калдис судзгæ цæхæртæ (æхсидæвтæ). Уæд раздæр ауагътой дæлзæхмæ, ауæдзтæ чи хордта, уый, стæй та дардмæуынæджы æмæ афтæ дарддæр, фæлæ сæ уу [дæр] тæвдæн нæ бафæрæзта. Уæд Æрчыхоры фырт йæхæдæг ныххизын сфæнд кодта æмæ загъта:

– Куы хъæр кæнон, судзын, зæгъгæ, уæд мæ-уу ноджыдæр дæлдæр уадзут.

Йæ æмбæлттæ æцæгдæр афтæ бакодтой. Авдсæрон уæйыг кæм уыдис, уырдагмæ ныхæццæ Æрчыхоры фырт, кæй зæгъын æй хъæуы. Уæйыг уыд фынæй. Йæ дзыхæй тахтысты судзгæ æхсидæвтæ. Йæ разы бадтис фараст уæйыджы хо.

– Адон ууылдæр уыдысты де 'нæзонд æфсымæры хъуыддæгтæ, – загъта чызг. – Кæд æй марыс, уæд æй фынæйæ амар, кæннод ын хъалæй дæ бон ницы бауыдзæн, – загъта та йын чызг.

Æрчыхоры фырт фат фехста æмæ уæйыгæн йæ авд сæры дæр атæхын кодта. Уæйыджы куы амардта, уæд ын йæ мулк уæларвмæ слæвæрдта. Стæй чызгæн афтæ зæгъы, рацу æмæ уал дæу сæрвитон уæларвмæ, зæгъгæ.

– Нæ, – загъта чызг, – де 'мбæлттæ дыл гадзрахатæй рацæудзысты.

– Нæ, – загъта лæппу, – мæнæн ме 'мбæлттæ ахæттæ не сты.

Чызджы раздæр слæвæрдта, уæдæ цы уыдаид. Лæппуйы æмбæлттæ чызджы куы федтой, уæд лæппуйыл фæстæмæ къæдзæх рафæлдæхтой, æмæ лæппу дæлзæххы баззад, уæдæ цы уыдаид. Лæппу дæлзæххы куы баззад, уæд катай кæнын райдыдта. Хæдзары къуымты рацбац кæны. Стæй цуахæмы кæсы, æмæ къуымы уу сæдæазыккон зæронд ус хуыссы, йæ цæсгоммыл дынджыр къозотæ разад фырзæрондæй, йæ уу ссыр – дæларвмæ, иннæ – уæларвмæ, афтæмæй. Лæппуйы куы федта, уæд æм дзуры:

– У, лæппу, ма мæ амар, цы зæгъай, уый дын сæххæст кæндзынæн.

– Уæдæ-уу, дæ фырт уæлзæхмæ цæмæй фæцæуы, уый мын зæгъ, – загъта Æрчыхоры фырт.

– Уæртæ скъæттæ бацу æмæ дзы ис сау æмæ бур фыр. Сау фыры сыкъатыл куы фæхæст уай, уæд дæ авд дæлзæххы бынмæ фехсдзæн. Бур фыры сыкъатыл куы фæхæст уай, уæд та дæ уæлзæхмæ фехсдзæн, – загъта зæронд ус.

Лæппу сæм куы бацыд, уæд æй Хуыцау сау фыры сыкъатыл фæхæст кодта æмæ йæ авд дæлдзæхы бынмæ цæппæрста. Куы йæ цæппæрста, уæд уым иу зæронд усмæ бафысым кодта.

– Нана, æххормаг мын у æмæ мæ истæмæй хорз куы фенис, – дзуры йæм Æрчыхоры фырт. Зæронд ус феенæлдта, ссад алуæрста арынды æмæ йæ сæрмæ дзуццæджы абадт.

– У, нана, ма фæмиз, æз дзы нæ бахæрдзынæн.

– Дон нæм нæй уæдæ, донь кæфхъуындар ныббадт.

– Æри-ма ведратæ, æз æрбадавон.

Зæронд ус æм ведратæ нæ лæвæрдта, кæфхъуындар дæ бахæрдзæн, зæгъгæ, фæлæ лæппу уæддæр ацыдис. Бахæццæ суадоны былмæ. Дон куы систа, уæд кæсы, æмæ йæм кæфхъуындар рацæуы дзургæ:

– Чи куыдз, чи хæрæг, ардæм чи æрбауæндыд, цъуу атæхын дæр мæ сæрты куынæ уæнды, уæд?

Уæд æм Æрчыхоры фырт дзуры:

– Зæронд дæ æмæ дын уый хатыр фæуæд.

– Дæуæн та уазæджы хатыр фæуæд фыццаг хатт, – загъта йын кæфхъуындар.

Донæй зæронд ус хæринаг скодта. Хъæуы адæм куы базыдтой, дон сæм ис, уый, уæд сын æнгуырстуаны дзаггай ахастой. Дон куы байуæрста зæронд ус, уæд йæ рудзгуытæ æхгæнын байдыдта.

– Цæмæн æхгæныс дæ рудзгуытæ, цы æрцыдис? – дзуры йæм лæппу.

– Абон паддзахы рад у кæфхъуындарæн хъалон фидын, æмæ цæмæй уый чызджы, стæй мад æмæ фыды тæригъæд ма фенон, уый тыххæй сæ æхгæнын, – загъта йын зæронд ус.

Паддзахы [чызджы] раластой, уæдæ цы уыдаид. Æмбисвæндагмæ куы бахæццæ сты, уæд сæ хъалондæттæ²⁰ фæстæмæ аздæхта, ардыгæй фалдæр цæуæн нал ис, зæгъгæ.

Адæм куы аздæхтысты, уæд Æрчыхоры фырт багæпп ласта, чызджы цы файтоны ластой, уырдадæм.

– Ахиз тагъд, – дзуры йæм хъалондæттæ²⁰, – мæнæн йеддæмæ уырдадæм цæуæн никæмæн ис!

– Бирæ ма дзур, кæннод дын дæ къабызыл фæхæцдзынæн æмæ дæ фехсдзынæн, – загъта йын Æрчыхоры фырт æмæ йæ раппæрста файтонæй.

Доны былмæ куы бахæццæ сты, уæд кæфхъуындар йæ сæр донæй сдардта, йæ дзыхныххæлиу кодта æмæ йæм дзуры:

– Æрбаппарут æй мæ дзыхмæ.

– Махæн нæ туг нæ цæстытæй кæсы æмæ ма дын æй æххæст æууылдæй дæ дзыхы куыннæ бавæрдзыстæм. Кæд дæ хъæуы, уæд рац æмæ йæ ахæсс, – загъта йын Æрчыхоры фырт.

Кæфхъуындар донæй куы рацæйцыд, уæд ын Æрчыхоры фырт йæ хъæлæсы фат ныццавта, æмæ кæфхъуындар цыппар цыппæрæмхайы фæхаудта.

Фæстæмæ куы рацæйздæхтысты, уæд хъалонисæг чызгмæ бартхъирæн кодта:

– Зæгъ-иу мæнæй, уый йæ амардта, зæгъгæ.

Сæхимæ куы баздæхтысты, уæд паддзах ныккатай кодта:

– Адæм дойнайæ мæлгæ куы кæнынц, уæд ма йæ фæстæмæ цæмæн æрбаластат?

– Кæфхъуындары амардтон, – загъта йын хъалонисæг.

– Ау, куыд æй амардтай?

– Амардтон æй.

– Уæдæ уæд уæртæ галтæ Цикар æмæ Къоборы ауадзут, æмæ кæд уыдон донæй бафсæдой, уæд раст зæгъы, æмæ дын мæ чызджы ратдзынæн, – загъта æлдар.

Галты ауагътой, уæдæ цы уыдаид. Æмæ Къобор фырдоннызтæй донь был нытътæпп кодта, Цикар та, сæ кæртмæ куы æрбахæццæ, уæд, æмæ сæ кærты цад ссис. Уæд æлдар йæ чызгæн загъта, хъалонисæгæн дæ дæттын, зæгъгæ. Уæд ын чызг загъта:

– Кæмæн мæ дæттыс, мæ фыд? Кæфхъуындар амардта, уæлæ уыцы зæронд усмæ иу лæппу ис, æмæ уый.

Паддзах уый куы базыдта, уæд æм арвыста. Лæппу куы æрцыд, уæд ын паддзах загъта:

– Ме 'ртæ чызгæй дæ кæцы хъæуы, уый, стæй дын мæ паддзахад.

– Дæ чызджытæн дæр хорз амонд сæ хай, дæ паддзахадæй дæр хайыр фен, фæлæ æз уæлзæххон лæг дæн æмæ, кæд исты амал ис, уæд мæ схæццæ кæн, – загъта лæппу.

²⁰ Оговорка исполнителя: вместо хъалондæттæг следовало бы ожидать хъалонисæг (см. ниже).

Паддзахæн тæхæг мæргътæ иууылдæр йæ къухы уыдысты æмæ сæ æрæмбырд кодта æмæ сæ фæрсы, уæлзæхмæ уæ ничи цæуы, зæгъгæ. Фæлæ уыцы рæстæг ничи цыдис.

– Ацæут, кæд ма искуы исчи баззад.

– Уæлæ ма хохы цъассы иу зæронд цæргæс ис, æндæр ничиуал, – загътой паддзахæн.

– Ацæут æмæ йæ æркæнут.

Зæронд цæргæсы куы æрластой, уæд æй бафарстой, кæд уæлзæхмæ цæуы, зæгъгæ.

– Мæнæн мæ бон ницыуал у, фæлæ залиаг калм ме æммадæлоны цот нæ уадзы, ныр дæр ис Хуыцауы раз, кувынмæ йæм ацыдис.

– Уæдæ кæм цæрут, уырдем-ма мæ акæн, – загъта йын лæппу.

Ацыдысты, æмæ йæ цæргæсы лæппынтæ куы федтой, уæд сцъиах-цъиах кодтой:

– Ды та ма цæмæн ссыдтæ, мах сæфæм æмæ æгъгæд нæу, абон нæм залиаг калм хæрынмæ æрцæудзæн.

– Ма тæрсут, – загъта сын Æрчъихоры фырт.

Иуцасдæр куы рацыд, уæд кæсыни, æмæ залиаг калм футтытæгæнгæ æрцæуы, йæ дымгæйæ цад сыстад. Уæд Æрчъихоры фырт фат фелвæста æмæ йын æй йæ иу цæстыл ныццафта, стæй та иннæуыл. Куырм калм йæхи хохыл сцафта, æмæ йæ сæр ныппырх. Æрчъихоры фырт æрхызт, скарста йæ æмæ йæ иу ран самадта.

– Ныр нæ мад куы æрцæуа æмæ дын фырцинæй исты куы кæна, – загътой лæппынтæ.

Уалынды кæсыни, æмæ тынг уарын рацыд, арвыл мигъы къуыбар нæ уыд, афтæмæй.

– Ай цы диссаг у, арвыл мигъы къуыбар куынæ уыд, афтæмæй.

– Ай цы диссаг у, арвыл мигъы къуыбар нæ уыд, уæд ацы уарын кæцæй рацыд? – загъта Æрчъихоры фырт.

Уый нæ мад Хуыцауы разæй рацыд æмæ уый кæуы, уыцы афтид хæдзармæ та чи цæуы, зæгъгæ, загътой йын цæргæсы лæппынтæ.

Уæд уалынмæ хур ракаст, æмæ та лæппу ныддис кодта.

– Уый нæ мад æруыдта æмæ зæгъы, Хуыцау, дæуæй разы, удæгасæй сæ ныййафдзынæн, – загътой лæппынтæ.

Дарддæр дымгæ рацыд, æмæ та сæ фæрсы, уый цуу, зæгъгæ.

– Уый нæ мад æрхæццæ кæны, æмæ уый базырты дымгæ у.

Уалынмæ мад æрхæццæ æмæ сæ фæрсы, залиаг калм æрхæццæ кæны, зæгъгæ.

– Ам цу лæг уыдис æмæ йæ уый амардта, – загътой йын лæппынтæ.

– Ау æмæ йæ æнæ мæн фенгæ цæмæн ауагътат, – загъта мад.

– Мыййаг ын исты куы кæнай, зæгъгæ, йæ нæ ныуурæдтам.

– Ау æмæ йын цы кодтаин, мæнæй дунемæ цот чи рауагъта, уымæн.

– Уæдæ зæгъ, кæй ницы йын кæндзынæ, уый, – загътой йын лæппынтæ.

– Ме 'нæном хойы стæн, ницы, – загъта цæргæс.

Цæргæс атахт æмæ калмы дзидзайæ схаста æмæ дзы йæ лæппынты бафсæста. Стæй йæм уæд равдыстой лæппуы. Цæргæс æй фырцинæй æртæ ныхъуырды акодта, стæй йæ раппæрста æмæ йын загъта:

– Мæнæ дын сызгъæринæй хæдзар, сызгъæрин сынтæг æмæ ам цæр.

– Нæ, – загъта Æрчъихоры фырт, – æз уæлзæххон адæймаг дæн æмæ мæ фæнды, уæлзæхмæ мæ куы схæццæ кæнис.

Уæд ын цæргæс загъта:

– Уæлзæхмæ фæндаггагыл нæ сæххæсдзынæ.

– Уый дæу хъуыддаг нæу, цас хъæуы, уый зæгъ, – загъта Æрчъихоры фырт.

– Сæдæ сæры кусæрттæгтæ, дыууæсæдæ ведрайы нозт, – загъта цæргæс.

– Кæцы бонмæ?

– Абон майрæмбон, иннæ майрæмбоны ам куыд уай, афтæ, æмæ уæд араст уыдыстæм.

Лæппу æрцыдис паддзахмæ æмæ йын загъта, цы йæ хъуыдис, уый. Паддзах срæвдз кодта, цы хъуыдис, уый æмæ йæ æд æфсæдтæ афæндараст кодта, кæдæм хъуыд, уырдем. Хохрæбыны сæ иууылдæр цæргæсы æккой сæвæрдта, лæппуы та йæ бæрзæйыл.

Стæй цæргæс загъта:

– Цал хъуахъхъы кæнон, уал уæнджы æмæ ведрайы мын мæ дзыхы кал.

Тæхынц, тæхынц, æмæ цæргæс цал хъуахъхъы кодта, уал хатты йын лæппу йæ дзыхы хæринаг æппæрста. Иу версты бæрц ма сæ куы хъуыдис, уæд хæринаг фæцис. Уæд лæппу кард фелвæста æмæ йæ зæнджы фæлмæнæй ракодта æмæ йæ цæргæсы дзыхы акодта. Цæргæс æй базыдта æмæ йæ йæ дæлбазыр бакодта. Уæлзæхмæ куы схæццæ сты, уæд цæргæс зæгъы Æрчыхоры фыртæн:

- Ацу уал ды, кæннод дæ мæ дымгæ ахæсдзæн.
- Нæ, æз нæ ацæудзынæн, ды хистæр дæ.
- Æмæ къуылых та цæмæн дæ? – бафарста йæ цæргæс.
- Мæ къæхтæ бандзыг сты дæ бæрзæйыл бадынæй.

– Рæвдис-ма уæдæ?

Цæргæс æркаст, æмæ зæнджы хæцъæф лыг.

- Цы дын кодта уый? – бафарста йæ цæргæс.
- Хæринаг нал фаг кодта æмæ йæ дæ дзыхы атъыстон.

– Оу, мæнæ диссаг, мæн нæ фæндыдис, ды махæй куы рацыдаис, уый, æндæр мæн æвæстагæй чи нæ ныуагъта, уымæй уыйас хæринæгтæ истон?

Уыйадыл йæ æвзаджы бынæй фелвæста фыд, Æрчыхоры фырты зæнғыл æй авæрдта æмæ йæ базырæй æрсæрфта, æмæ зæнг, цы уыд, авд ахæмы фестад. Стæй йæ уæд цæджындыл бабаста, цæмæй, цæргæс куы стæха, уæд æй йæ дымгæ ма ахæсса. Цæргæс атахт, уæдæ цы уыдаид, Æрчыхоры фырт дæр йæхи райхæлдта æмæ йæ фæндаг адардта. Иуахæмы бахæццæ иу ранмæ æмæ кæсы, иу хуыгæс йæ хуыты алыварс кафы.

– Цæуыл кафыс, цы хорздзинад дыл æрцыдис? – бафарста йæ Æрчыхоры фырт.

– Абон мæ хæдзары хицау чындзæхсæв кæны, авд уæйыджы хойы æрхаста, æмæ ацы хуытæ иууылдæр æргæвддысты æмæ сæ къæдзилтæ мæн уыдзысты, – загъта хуыгæс.

– Мæнæ мæ дзауматæ скæн, мæнæ дын мæ фат, ме 'рдын æмæ каф хъазты, æз та дæ бæсты хуытæ ахыздынæн.

– Æмæ сæ хидыл куы тæрай, уæд сын сæ къæдзилты бынтæн батæ хъæуы, – загъта хуыгæс.

– Гъемæ хорз, – загъта лæппу.

Изæры хуытæ куы фæцæйтæрдта хидыл, уæд æм-иу хуытæ фæлæууыдысты, кæд сын апъа кæнид, зæгъгæ. Фæлæ сын-иу хъилтæй сæ синтæ ныддаудта, æмæ-иу иннæрдывгæй абадтысты. Куы сæ æрбатæрдтой, уæд сæ æргæвдын райдыдтой æмæ сын уый сæ къæдзилтæ голлагмæ æппарын райдыдта. Фынғыл куы 'рбадтысты, уæд уый дæр кæронæй æрбадтис. Æцæг хуыгæс та йæ уæле бадтис. Йæ фатмæ йын ракæс-бакæс кæнынц æмæ дис кодтой, ай цавæр диссаджы фат у, зæгъгæ.

– Æриут-ма, æз дæр æй фенон, – дзурæ сæм Æрчыхоры фырт.

Уæд ыл уæйгуытæ худын райдыдтой, ды та дзы цы кæныс, дæ бон йæ сисын дæр куынæ бауыдзæн, зæгъгæ. Радтой йæм æй, уæдæ цы уыдаид. Куы йæ райста, уæд фæхъавыд æмæ йæ уæйгуыты иу рæнхъыл ауагъта йæ фат, æмæ сæ сæртæ зæххы абадтысты. Стæй та уæд иннæ рæнхъыл, – æмæ уыдон дæр афæлдæхта. Ныуагъта ма дзы фарагст уæйыджы. Хæдзары цыдæриддæр мулк уыдис, уыдон авд уæйыджы æккойы бацамадта. Чызг æмæ йæхæдæг та иннæ дыууæ уæйыгыл сбадтысты, æмæ сын загъта:

– Æртæ мæйы бонмæ авд уæйыджы хæдзары куынæ уæм, уæд уæ амардзынæн.

Цæуынц, цæуынц æмæ, цас фæцыдаиккой, чи зоны, фæлæ ма сæ цалдæр верст куы хъуыдис, уæд сæ рæстæг фæцис. Уыцы рæстæг та уæйгуытæ æлдары фырты марынмæ рацæй кодтой. Уæд Æрчыхоры фырт фат фехста, æмæ авд уæйыджы хæдзары къæсæрыл ныссагъд. Уæд уæйгуытæ дæр бамбæрстой, уый Æрчыхоры фырты фат кæй у, уый, æмæ йæ фæстæмæ мидæмæ бакодтой, цынадтой йæ, хорз æй федтой æмæ йын загътой, цæмæй Æрчыхоры фыртæн мацы зæгъа.

* * *

Уалынмæ Æрчыхоры фырт æмæ уæйгуыты хо дæр æрбахæццæ сты. Тынг сыл фæцин кодтой. Авд бонæ æмæ авд æхсæвы минас фæкодтой, стæй уæд сыл хæрзбон загътой. Сæ мулк уæйгуытыл самадтой æмæ сæхимæ дзæбæх, æнæнизæй æрбахæццæ сты. Чындзæхсæв скодтой, авд хохы æддейæ уызджытæ æрхуыдтой. Иу абонæй иннæ абонмæ минас фæкодтой æмæ афонмæ дæр дзæбæх, æнæнизæй цæрынц.

В осетинском тексте внимания заслуживает русизм *верст*, в котором без труда распознается мера длины «верста», а также некоторые особенности орфографии, не совпадающие с литературной нормой.

Перевод сказки о сыне Арчихора на русский язык таков. Вновь обозначим в тексте его композиционную структуру: экспозицию, главную часть и эпилог.

Жил один алдар. И было у него три дочери и единственный сын. Дочери ни за кого не соглашались выходить замуж. У сына алдара был названный брат. Отец его занимался шитьем арчи, обуви из сыромятной кожи, поэтому названного брата алдарского сына называли сыном Арчихора.

Пришло время и алдар умер. Перед смертью он завещал сыну:

– Тому, кто не сядет на мою скамью, не отдавай в жены ни одну из сестер.

Алдар умер. После его смерти много женихов приходило, но на скамью отца никто не сел.

Как-то раз прилетел какой-то орел и сел на скамью отца. Этот орел унес старшую сестру. На следующий день прилетела галка и тоже села на скамью алдара. Галка унесла среднюю сестру. На третий день прилетела сорока и унесла младшую сестру.

Сын алдара остался один. Некому стало ему готовить и стелить постель.

Как-то раз юноша задумался и говорит: «Не удивительно жениться на дочери алдара и вообще жениться на богатой невесте, удивительным было бы жениться на сестре девяти великанов, живущих на вершинах семи гор».

* * *

Вечером он решил, а утром послал за своим названным братом, сыном Арчихора. Пришел к нему его названный брат, и говорит ему сын алдара:

– Мне очень трудно жить одному, я решил жениться.

– Если я могу тебе чем-нибудь помочь, я всегда готов, – отвечает сын Арчихора.

– Я не хочу жениться ни на дочери алдара, ни на дочери богатого человека, я хочу жениться на сестре девяти великанов, живущих на вершинах семи гор, – говорит сын алдара.

– Я согласен, – отвечает сын Арчихора, – но чтобы отправиться туда, нужно взять с собой оружие.

– Вон на складе много ружей и давай выберем из них, – говорит сын алдара.

– Это не оружие, нужно попросить сделать лук и стрелу из одного пуда железа, – говорит сын Арчихора, – другого выхода нет.

Сын алдара принес стрелу. Сын Арчихора попробовал ее на прочность и стрела погнулась. Тогда сын Арчихора говорит сыну алдара:

– Отправляйся к Курдалагону черного неба и попроси его сделать лук и стрелу из булатной стали, чтобы наконечник ее весил три пуда.

Принес сын алдара стрелу в три пуда из булатной стали. Сын Арчихора проверил стрелу на прочность, и когда она оказалась хорошей, он ударил ею по скале, и скала разлетелась на части.

– Это годится, – говорит сын Арчихора, – пойдём.

Сели на коней и отправились в горы за невестой. Едут. Сколько они проехали, кто знает, но вот наступил вечер. Сын Арчихора пошел на гребень горы и убил косулю. Принес ее, освежевывает и говорит сыну алдара:

– Пойди-ка посмотри с выступа горы, и где-нибудь будет или охотник, или дровосек, или путник, и попроси у него огонь. Туша косули есть, но нет костра, нет огня, чтобы ее сварить.

– Что б тебе неладно было, я рядом с тобой быть боюсь, как же я пойду в такую темноту, – отвечает сын алдара.

– Тогда сделай вертелы, – говорит сын Арчихора.

А сам пошел на выступ горы. Смотрит, в одном месте рядом у костра танцует какой-то рослый мужчина, а с другой стороны сидит жена и плачет. Мужчина прекратил танцевать и спрашивает жену:

– Что с тобой, почему плачешь? Чего тебе не хватает? Я же не насильно тебя унес.

Тогда жена отвечает:

– Об этом я ничего не говорю. Но мой единственный брат отправился за невестой, за сестрой девяти великанов, живущих на вершинах семи гор, и я плачу – что с ним будет.

Муж ей отвечает:

– О том, что с ним случится, я тебе расскажу. Когда они туда доберутся, к ним выпустят жеребца и будут кричать «не упустите!». Путники поймают его, и если твой брат сядет на него, то станет, сидя на жеребце, гореть синим пламенем.

Жена говорит мужу:

– Мой брат не такой бестолковый, чтобы сесть на коня из незнакомого села.

После этого разговора сын Арчихора подошел к ним, поздоровался, попросил у них соли и огня. Не сказав им, кто он, ушел.

Добрался сын Арчихора до своего друга, они развели костер, сделали шашлыки, наелись, отдохнули и отправились дальше. Сын Арчихора ничего не сказал своему другу о его сестре.

Утром отправились они в путь. Когда свечерело, сын Арчихора пошел на охоту и убил одного оленя. Затем он говорит своему другу:

– Пойди и найди где-нибудь огонь.

Сын алдара отвечает ему:

– Я здесь нахожусь из-за тебя, а ты меня куда отсылаешь?

Сын Арчихора говорит ему:

– Тогда иди и собери дрова.

Сам пошел на выступ горы. Смотрит, опять в одном месте на горящих углях танцует какой-то черный мужчина, рядом с ним сидит его жена и плачет. Мужчина прекратил танцевать и спрашивает жену:

– Что с тобой, почему ты плачешь? Чем тебе не нравится твоя жизнь?

Жена отвечает:

– Я о жизни своей ничего не говорю, но у нас, у трех сестер, есть единственный брат, он отправился на вершины семи гор за невестой, сестрой девяти великанов, и я не знаю, что с ним будет.

– О том, что с ним случится, я тебе расскажу, – говорит ей муж. – Когда он зайдет к ним, его будут сажать на кресло с изогнутой спинкой, и если он сядет на него, то запыхает синим пламенем, если не сядет – ничего не случится с ним.

Тогда жена засмеялась и говорит:

– Мой брат не такой бестолковый, чтобы сесть раньше старших этого села на кресло с изогнутой спинкой.

Этот разговор подслушал сын Арчихора, но сыну алдара ничего не сказал.

На третий день к вечеру сын Арчихора убил дичь к ужину и опять говорит сыну алдара:

– Иди, живо найди огонь.

Сын алдара отвечает ему:

– Я боюсь здесь находиться рядом с тобой, а ты меня посылаешь за огнем на ночь глядя.

Что мог ответить на это сын Арчихора, и сам отправился на поиски огня. Посмотрел с холма и видит, посреди леса горит костер. Подошел к костру, видит, на углях танцует какой-то маленький мужчина, около костра сидит женщина и рыдает.

Мужчина спрашивает ее:

– Что с тобой, почему ты плачешь, над моим танцем даже мертвый посмеется, или я тебя насильно унес?

– Я не об этом плачу, – говорит женщина, – у нас, троих сестер, есть единственный брат, он задумал жениться на сестре девяти великанов, и я не знаю, что с ним будет, поэтому плачу.

– О том, что с ним случится, я тебе расскажу, – говорит ей мужчина. – Когда он зайдет к ним, ему будут предлагать пригубить из бокала старшего. Если он пригубит, то окаменеет.

– Мой брат не такой глупый, – говорит женщина, – чтобы пригубить раньше, чем младшие села.

Этот разговор сын Арчихора опять подслушал, но сыну алдара ничего не рассказал. Наступило утро, они собрались и отправились дальше. Как долго они шли, кто знает, но через какое-то время они дошли до страны великанов. Увидев путников, великаны выпустили к ним жеребца, а сами кричат:

– Эй, юноши, не упустите, наш жеребец убежал, помогите нам его поймать.

Услышав это, сын алдара сразу поймал жеребца.

Увидели это великаны и кричат сыну алдара:

– Садись на него и хорошо покатайся на нем.

Сын алдара хотел было уже сесть на жеребца, но сын Арчихора его остановил:

– Подожди, не садись на него, – говорит он, – скажи им: «Если вам нужен этот конь, выйдите и уведите его. У меня свой конь хороший».

Сын алдара так им и сказал. Из своих кто-то пришел, сел на жеребца и превратился в пепел. Путники пошли дальше в жилище великанов, и великаны спрашивают их:

– Кто вы, откуда?

– Мы женихи, – отвечают юноши.

Великаны завели их в жилище и попросили посадить сына алдара на кресло с изогнутой спинкой.

Сын Арчихора тогда говорит:

– У нас жених не садится на кресло, на него подобаает сесть старшему.

Когда старший сел на этот стул, он запылал синим пламенем и сгорел.

Произнеся тост, великаны решили первым дать пригубить бокал сыну алдара. Сын Арчихора говорит им:

– Это неправильно, первым пригубить бокал должен младший.

Одни и другие замешкались, и сын Арчихора толкнул руку того, в чьих руках было питье, оно выплосось на младшего сына, и он окаменел. Когда у великанов ничего не получилось, они говорят путникам:

– Мы девятером идем на охоту, а вы вдвоем, и если вы не убьете столько же дичи, сколько мы, мы вас съедем.

– Нет, так не пойдет, – говорит сын Арчихора, – я иду один, а вы – в количестве ста человек, а юношу и девушку давайте оставим здесь.

Что оставалось великанам, как не согласиться с условием. Уже в горах они оставили сына Арчихора в ущелье, где водится резвая дичь и куда сами сунуться не посмели. Сын Арчихора не испугался. Всю дичь, находившуюся в ущелье, он загнал на скалу, забежал сверху навстречу дичи и скинул дичь с обрыва. Затем он прыгнул за дичью. Тех, которые остались живы, он ударил друг о друга и умертвил их. Затем он позвал великанов, чтобы они показались. Они к этому времени убили только двух животных.

Перед тем как уйти на охоту, великаны дали юноше и девушке ключи от восьми комнат, но с условием не открывать дверь восьмой комнаты. Девушка с юношей походили по семи другим комнатам, после чего юноша говорит, дескать, нельзя не увидеть, что же находится в этой восьмой комнате. Девушка не пускала его, но он все равно открыл дверь. Открыв дверь, он увидел – в углу привязан восьмиголовый великан, в другом углу лежит его пища. Великан был очень худым, и юноша его пожалел.

– Если ты так жалеешь меня, положи мою еду около меня, – говорит ему великан.

Девушка не разрешала этого делать, но юноша все равно дал великану пищу. Закончив есть, великан стал в семь раз больше. Он бросился к юноше и засунул его между балок на потолке, затем схватил девушку и унес с собой. Возвратившись, великаны увидели, что юноши и девушки в доме нет. Увидев это, великаны стали ругать сына Арчихора, но тронуть его не посмели, они говорили, что он их обманул и позволил украсть их сестру.

– Нет, у меня нет такого брата, который бы убежал без меня, поищите его, – говорит сын Арчихора.

Смотрят, ноги сына алдара свисают с потолка, и достали его оттуда. Великаны хотели убить своих гостей.

Сын Арчихора говорит им:

– Дайте мне срок в три года, если я к назначенному сроку не вернусь, сделайте с моим братом что хотите.

Ушел сын Арчихора, иначе и быть не могло. Как долго он шел, кто знает, но он дошел до какого-то места, где увидел мужчину, пашущего двенадцатью парами быков, а борозды, которые он переворачивал, он съедал.

– Сотворивший Вселенную единый Бог, – говорит сын Арчихора, – что я видел, то видел, но такого чуда я еще никогда не видел. Я наедаюсь половиной кукурузного чурека, где же видано, чтобы человек ел землю, вспаханную двенадцатью парами быков и не наедался.

– В этом нет ничего удивительного, – говорит мужчина, – удивительно то, что семиголовый великан уносит чью-то невесту, а он об этом не знает.

– Это я, – говорит сын Арчихора. – Пойдем, будешь мне другом.

Мужчина согласился, и дальше они пошли вдвоем. Как долго они шли, кто знает, но через некоторое время смотрят: идет один мужчина, на спине несет две горы и кричит:

– Почему я иду порожняком, что бы мне еще понести?

Сын Арчихора, удивляясь, говорит:

– Сотворивший Вселенную единый Боже, я не могу нести свои стрелу и лук, как же он, неся на себе горы, все равно кричит, что идет порожняком.

– Это не чудо, – говорит мужчина, – чудо тот, чью невесту уносит семиголовый великан, а он не знает об этом. Сегодня они промчались мимо этого места.

– Это я, – говорит сын Арчихора, – помоги мне, пойдем со мной.

Мужчина согласился, как же могло быть иначе. Дальше пошли по своей дороге втроем. Идут и видят: какой-то мужчина приложил ухо к земле и к чему-то прислушивается. Когда друзья подошли к нему, то спросили его:

– Добрый человек, что ты делаешь, зачем ты приложил ухо к земле?

– Вон в подземелье муравьи поссорились, и у одного сломалось бедро, а у другого – поясница. Над ними учинят суд, и я хочу узнать, что с ними будет.

– Разве это не чудо, – говорит сын Арчихора, – я плохо слышу то, что говорят рядом со мной, а он слушает то, что происходит в подземелье.

– Это не чудо, – отвечает мужчина, – чудо то, что тот, чью невесту уносит семиголовый великан, не знает об этом.

– Что ты видел? – спрашивает его сын Арчихора.

– Вчера они промчались мимо этого места, – отвечает мужчина.

– Это я, – говорит сын Арчихора, – если хочешь, пойдем со мной.

Мужчина согласился, их стало четверо. Идут дальше и видят: какой-то мужчина смотрит в небо. Сын Арчихора тоже потер глаза, посмотрел вверх, но ничего там не увидел.

– Добрый человек, на что ты смотришь в небо, ведь я там ничего не вижу?

– Я пустил стрелу, она застряла в небесных дверях, и я не могу уразуметь, почему она так долго не возвращается.

– Сотворивший Вселенную единый Боже, я не вижу на версту, как же ты видишь то, что творится в небе.

– Это не чудо, – отвечает мужчина, – чудо то, что тот, у которого семиголовый великан украл невесту, не знает об этом.

– Что ты видел? Мы они и есть, – говорят путники.

– Вчера они промчались мимо этого места, – говорит мужчина.

– Пойдем с нами.

Мужчина согласился, и они пошли дальше.

Идут, идут, и сын Арчихора говорит дальновидящему:

– Посмотри-ка, куда они добрались?

Мужчина посмотрел и говорит:

– Они перешли шесть гор, находятся на седьмой, нам нужно поторопиться.

Они пошли быстрее и дошли до седьмой горы. Дальновидящий посмотрел снова и не увидел семиголового великана с девушкой. Тогда они обратились к землеслушателю:

– Прислушайся к земле, может быть, они отправились в подземелье.

Он послушал и говорит:

– Вот в этом месте они спустились в подземелье.

– Мне понадобилась твоя помощь, – говорит землеслушатель горноносителю. – Ты же кричал, «что бы мне понести», неся на себе две горы.

Гороноситель приподнял гору и перевернул ее на другую сторону. Когда он ее перевернул, под горой открылась дверь. Из дверного проема наверх вылетали горящие искры. Тогда в подземелье первым спустился землееда, затем дальновидящего и так далее, но никто из них не смог пробыть в жару. Сын Арчихора сам решил спуститься и говорит:

– Когда я закричу «горю», вы меня опустите еще ниже.

Друзья поступили так, как они договорились с сыном Арчихора. Сын Арчихора добрался до места, где находился семиголовый великан. Великан спал. Из его рта вылетали горящие искры. Рядом с ним сидела сестра девяти великанов.

– Все произошло по вине твоего бестолкового брата, – говорит девушка. – Если хочешь убить великана, убивай его спящим, когда он проснется, ты ничего не сможешь сделать.

Сын Арчихора пустил стрелу и снес все семь голов великана.

Убив великана, он передал его богатство наверх. Затем говорит девушке, мол, давай я тебя в первую очередь отправлю на землю.

– Нет, – говорит девушка, – твои друзья предадут тебя.

– Нет, – говорит юноша, – мои друзья не такие.

Сын Арчихора первой отправил девушку, как же иначе. Друзья сына Арчихора, увидев девушку, перевернули гору обратно на юношу, и он остался в подземелье, как же могло еще случиться. Сын Арчихора, оставшись в подземелье, стал волноваться. Он ходил из угла в угол в доме. Тут он увидел в углу спящую столетнюю старуху, на лице у нее от старости выросли большие грибы. Один клык у нее уходил в подземелье, другой – в небо. Увидев юношу, она говорит:

– У, юноша, не убивай меня, я исполню все, что ты скажешь.

– Тогда скажи мне, как твой сын добирается до земли, – говорит сын Арчихора.

– Иди в хлев, там находятся черный и бурый бараны. Если ты ухватишься за рога черного барана, он тебя бросит в седьмое подземелье. Если ты ухватишься за рога бурого барана, он тебя бросит на землю, – говорит старуха.

Когда юноша зашел в хлев, Бог его направил к черному барану, и он бросил юношу в седьмое подземелье. Оказавшись в седьмом подземелье, он был приглашен в гости к одной старой женщине.

– Нана, я проголодался, угостила бы ты меня чем-нибудь, – говорит ей сын Арчихора.

Старуха засуетилась, просеяла муку в корыте и села сверху на корточках.

– У, нана, не мочись, я не буду есть такую пищу.

– У нас нет воды, в воде сидит дракон.

– Дай-ка мне ведра, я принесу воду.

Старуха не давала ему ведра, мол, съест тебя дракон, но юноша все равно пошел. Дошел до берега источника. Он достал воду и видит: к нему приближается дракон и говорит:

– Что за пес, что за осел, кто это посмел сюда явиться, ведь даже птица не смеет пролетать надо мной.

Сын Арчихора говорит ему:

– Ты старый и тебе простительно.

– А тебе прощается на первый раз как гостю, – говорит ему дракон.

Старуха приготовила пищу на воде. Когда сельчане узнали, что у них есть вода, стали носить от них воду наперстками. Раздав воду, старуха стала закрывать окна.

– Зачем ты закрываешь окна, что случилось? – обращается к ней юноша.

– Сегодня очередь царя платить дань дракону, и чтобы не видеть горе дочери царя, матери и отца, я их закрываю, – отвечает ему старуха.

Вывели дочь царя, а как же могло быть иначе. Когда люди добрались до середины дороги, человек, сопровождающий дочь царя, повернул их обратно, от этого места, дескать, дальше идти нельзя.

Люди пошли обратно, а сын Арчихора заскочил в фаэтон, в котором везли дочь царя.

– Быстро вылезай, – говорит ему человек, сопровождающий дочь царя, – только мне можно ехать туда.

– Не разговаривай много, а то я тебя возьму да и сброшу, – сказал сын Арчихора и выбросил его из фаэтона.

Когда они доехали до берега источника, дракон высунул голову из воды, раскрыл пасть и говорит:
– Бросайте мне ее в пасть.
– У нас глаза налиты кровью, а мы должны ее положить тебе в пасть. Если она тебе нужна, то выйди и унеси ее, – говорит ему сын Арчихора.

Когда дракон вышел из воды, сын Арчихора вонзил ему стрелу в горло, и дракон разлетелся на четыре части.

На обратном пути человек, сопровождающий дочь царя, пригрозил ей:

– Скажи, что я убил дракона.

Когда они приехали домой, царь запричитал:

– Люди без воды умирают, зачем же вы ее привезли обратно?

– Я убил дракона, – говорит человек, сопровождавший дочь царя.

– Ау, как ты его убил?

– Я убил его.

– Если так, то пустите к реке быков Цикара и Кобора, если они утолят свою жажду, ты говоришь правду, и я отдам за тебя свою дочь, – говорит царь.

Отпустили быков, как же могло быть иначе. Кобор от перепития лопнул на берегу источника, а Цикар лопнул, зайдя во двор, и во дворе появилось озеро. Царь сказал дочери, что отдает ее человеку, сопровождавшему ее. Дочь отвечает ему:

– За кого ты меня отдаешь, мой отец? Дракона убил юноша, живущий вон у той старухи.

Царь, узнав об этом, послал за ним. Когда юноша явился, царь ему говорит:

– Выбирай из моих троих дочерей, какую хочешь, в жены и еще тебе мое царство.

– Желая счастья твоим дочерям, да будешь ты доволен своим царством, но я земной человек, и если ты можешь, то помоги мне туда добраться, – говорит юноша.

Все птицы были под покровительством царя, он их собрал и спросил у них, летит ли кто-нибудь из них на землю. Но в это время никто не летел.

– Пойдите, может, кто-нибудь где-нибудь остался.

– Вон еще в расщелине скалы старый орел, больше никого, – говорят царю.

– Идите и приведите его.

Старого орла привели и спрашивают, может ли он полететь на землю.

– У меня уже нет сил, но залиаг калм не оставляет в покое детей моей родной сестры, и она сейчас отправилась к Богу просить защиты.

– Отведи меня туда, где находится ваш дом, – говорит орлу юноша.

Они пошли, застали птенцов орла в беспокойстве, они пищали:

– Зачем еще ты сюда явился, мы погибаем – этого не хватит, сегодня сюда придет нас есть залиаг калм.

– Не бойтесь, – говорит им сын Арчихора.

Прошло некоторое время, и они видят: залиаг калм, фыркающая, приближается, и поднялась целая буря. Сын Арчихора вынул стрелы и всадил сначала в один глаз залиаг калм, потом в другой. Слепой залиаг калм ударился о гору и разбил себе голову. Сын Арчихора слез, разрезал его и сложил его части в одно место.

– Если наша мать прилетит, то от большой радости может тебе навредить, – говорят птенцы.

Тем временем они видят: пошел сильный дождь, тогда как на небе не было даже облачка.

– Что за чудо, на небе нет ни облачка, откуда же пошел дождь, – спрашивает сын Арчихора.

– Это наша мать возвращается от Бога и плачет, мол, вернись в пустой дом, – отвечали ему птенцы орлицы.

Затем выглянуло солнце, и юноша опять удивился.

– Это наша мать увидела все и благодарит Бога за то, что застала нас живыми, – отвечают птенцы.

Затем подул ветер, и опять юноша спрашивает у птенцов, мол, что это такое.

– Это наша мать летит и это – ветер от ее крыльев.

Тем временем прилетает орлица и спрашивает у птенцов, был ли у них залиаг калм.

– Здесь был один человек, и он убил залиаг калм, – говорят ей птенцы.

– Ау, почему вы его отпустили без меня – спрашивает орлица.

– Мы боялись, вдруг ты ему что-нибудь сделаешь.

– Ау, что бы я ему сделала, спасителю моих птенцов?

– Тогда обещай, что не тронешь его, – говорят ей птенцы.

– Клянусь своей нерожденной сестрой, ничего, – отвечает орлица.

Орлица полетела, принесла мяса залиаг калм и накормила им своих птенцов. После этого ей показали юношу. Увидев его, орлица от большой радости три раза проглотила, а затем отрыгнула его и говорит ему:

– Вот тебе золотой дом, золотая кровать, живи здесь.

– Нет, – говорит сын Арчихора, – я земной человек и хочу, чтобы ты меня доставила на землю.

Орлица ему говорит:

– Ты не сможешь достать провизию для дороги на землю.

– Это мое дело, скажи, сколько надо, – говорит сын Арчихора.

– Сто голов скота и двести ведер питья, – отвечает орлица.

– К какому дню?

– Сегодня пятница, чтобы в следующую пятницу ты был здесь, и мы отправимся.

Юноша пошел к царю и попросил у него необходимое для дороги. Царь подготовил все необходимое для дороги и с войском проводил его до назначенного места. У подножия горы всю провизию сложили на спину орлице, а юношу посадили ей на шею.

Затем орлица говорит:

– Сколько раз я буду кричать, столько кусков мяса и ведер питья ты мне забросишь в рот.

Летят, летят: сколько раз орлица кричала, столько раз юноша бросал ей в рот пищу.

Когда до конца пути оставалась верста, пища закончилась. Тогда юноша вытащил нож, отрезал икру ноги и бросил в рот орлицы. Орлица поняла, что это за мясо, и положила его под язык. Они долетели до земли, и орлица говорит сыну Арчихора:

– Ты пока иди, а то тебя снесет ветер от меня.

– Нет, я не пойду, ты старше.

– А почему ты хромаешь? – спрашивает его орлица.

– Ноги затекли, пока я сидел у тебя на шее.

– А ну, покажи?

Орлица посмотрела – икра ноги отрезана.

– Что у тебя с икрой? – спрашивает его орлица.

– Пищи не хватило, и я бросил ее тебе в рот.

– Оу, это удивительно, я не хотела, чтобы ты от нас уходил, иначе как бы я от спасителя своих детей взяла столько пищи.

Она вынула из-под языка икру ноги юноши, приложила к ноге сына Арчихора, потеряла крылом, и нога стала в семь раз лучше, чем была.

Затем она привязала юношу к столбу, чтобы при ее взлете его не унес ветер. Орлица взлетела, как же иначе, сын Арчихора отвязал себя и отправился в путь. В какое-то время он дошел до одного места и видит, как свинопас танцует вокруг своих свиней.

– Почему ты танцуешь, что хорошего с тобой случилось? – спрашивает сын Арчихора.

– Сегодня мой хозяин устраивает свадьбу, он женится на сестре девяти великанов, всех этих свиней зарежут, а хвосты достанутся мне, – отвечает свинопас.

– Надевай мою одежду, вот тебе моя стрела, мой лук и танцуй на пиру, а я вместо тебя попазу свиней.

– Когда будешь перегонять их через мост, нужно будет им поцеловать зады, – говорит свинопас.

– Хорошо, – ответил юноша.

Вечером во время перегона через мост свиньи останавливались в надежде, что юноша перецелует им всем зады. Но он прошелся палкой по их бокам, и они оказались на другом берегу. Свиней юноша пригнал, и их стали резать, а юноша собирал их хвосты в мешок. Сели за стол, юноша сел с краю. Настоящий свинопас сел в начале стола. Все смотрят на его стрелу и удивляются, что за чудесная стрела.

– Дайте мне ее, я тоже посмотрю на нее, – обращается к нему сын Арчихора.

Великаны стали потешаться над ним, а тебе, мол, зачем она нужна, ты ее даже не поднимешь. Дали ему ее, как же иначе. Взяв стрелу, юноша прицелился, пустил ее по ряду, где сидели великаны, и их головы оказались на земле. Затем пустил стрелу по другому ряду и их положил. Оставил из всех девятерых великанов. Все, что было в доме, он сложил на семерых великанов. На двоих великанов они сели с девушкой, и говорит он им:

– Если через три месяца мы не будем в доме семи великанов, я вас убью.

Идут, идут, как долго они шли, кто знает, но когда им осталось еще несколько верст, время истекло. Как раз в это время великаны вывели сына алдара, чтобы убить. Сын Арчихора пустил стрелу, она вонзилась в порог дома семи великанов. Великаны поняли, что это стрела сына Арчихора, завели сына алдара обратно в дом, искупали его, накормили и попросили его ничего не говорить сыну Арчихора.

* * *

К тому времени сын Арчихора и сестра великанов добрались до дома девяти великанов. Их очень радушно приняли. Семь дней и семь ночей все пировали, затем отправили в дорогу юношу с девушкой. Свое богатство они сложили на великанов и довольными, здоровыми добрались до дома. Устроили свадьбу, пригласили гостей из-за семи гор. Целую неделю пировали и до сего дня живут в довольстве и здравии.

Согласно указателю сюжетов волшебной сказки, рассматриваемый нами сюжет может быть определен как сюжетный тип 552 АА, СУС: «Животные-зятья: три царевны выданы за сокола, орла, ворона (и т. п.); животные помогают своему зятю в его поездке за красавицей невестой (дарят подарки, с помощью которых он завлекает красавицу); затем они же помогают ему в поисках исчезнувшей жены», хорошо известный в осетинской традиции²¹.

Помимо схемы указателей приведем краткую схему развития рассматриваемого сюжетного типа в осетинской сказочной традиции:

1. У алдара один сын и три дочери.
2. Троих дочерей отдают замуж согласно завещанию отца за первого посватавшегося.
3. Сын алдара отправляется за сестрой семи великанов со своим другом.
4. Сестры и их мужья помогают сыну алдара добиться своей цели. Не один раз его спасает его друг.
5. Сестру великанов крадет семиголовый великан.
6. Друг сына алдара с помощью приобретенных друзей и посредством подвигов, совершаемых им в седьмом подземелье, отбирает жену алдарского сына у семиголового великана.

Вновь положим в основу нашего анализа композиционную структуру сказки. При этом мы исходим

из убеждения, что вновь в основе сюжета лежит мотив выбора достойного преемника. Главное же отличие от предыдущей сказки заключается в том, что там сам выбор был сделан царской дочерью, что изначально определяло социальный статус свинопаса как царского зятя. Ему только оставалось подтвердить его мифопоэтическую составляющую. В сказке же о сыне Арчихора путь главного героя к высшему социальному статусу оказывается гораздо более долгим и тернистым. Дело в том, что ему приходится в одиночку доказывать право стать преемником умершего алдара, прерывая прямое наследование и фактически создавая новую «династию». Кроме того, сам алдар уже умер, и потому его наследником станет тот, кто подтвердит свой не столько социальный, сколько мифопоэтический статус.

Экспозиция. Смерть алдара делает его единственного сына законным преемником. В этом нет сомнений, поскольку именно он выдает замуж своих сестер. Три дочери алдара, которые прежде отказывали всем соискателям, выходят за трех птиц, как выяснится позже – мужчин²².

²² В данном случае представляется возможным говорить о косвенном мотиве «завоевания трех земель» посредством выдачи замуж трех сестер за правителей этих земель. В осетинской сказочной традиции есть текст, упомянутый нами выше, а именно – «Гибель царя», в котором цель «завоевания трех земель» обозначена прямо и четко. Содержание текста «Гибель царя» таково:

1. Рассказывается история прошедших времен о борьбе царей.

2. Могущественный царь Севера, дракон (кафкундар), владеющий запрудой, посылает гонцов к трем своим соседям – царю Востока, царю Запада, царю Юга – с приглашением и приказывает своему охотнику добыть трех диких животных приглашенным на удивление. Охотник

²¹ Он представлен, по меньшей мере, 16 сказками [Сокаева 2004б: 82-84]. В разных статьях нами рассмотрены и опубликованы в русском переводе тексты, записанные у Л. Бегизова («Гибель царя») [ОРФ: ф. «Ф.», п. 142, № 439, л. 319-325] и Дз. Гацалова («Кумааг Каба») [ОРФ: ф. «Ф.», д. 15, п. 8(2), л. 15-26], которые служат блестящим фольклорным комментарием к сюжетному типу 552 АА, СУС.

В первой части ясно обозначается высокий социальный статус алдара. Его дочери потому и отказывают женихам, что, по-видимому, не видят среди них достойного их руки. Вместе с тем условие, которое ставит покойный алдар, выдвигает в центр внимания его кресло (ос. *бандон*). Кресло это может быть не чем иным, как его трон. Судя по тому, что сестра на него удаётся одним лишь птицам, оно должно быть слишком высоким для «простых смертных». Заметим, что упоминание особого рода сиденья (ос. *кьæлæт-джын бандон*) встретится в связи с испытаниями, которые еще предстоит пройти сыну алдара. И тогда право занять это кресло с изогнутой спинкой будет иметь важное социальное значение.

Зятя алдара вновь станут участниками повествования и подтвердят свое неземное происхождение.

не может выполнить задание царя Севера, он в отчаянии. Встречает огромного орла, собирается его убить. Орел просит его не убивать и советует спрятаться у озера, куда в определенное время прилетят три дочери Солнца купаться. Орел также советует герою спрятать вещи младшей дочери Солнца, чтобы она стала ему женой и помощницей.

3. Младшая дочь Солнца помогает герою добыть чудесную птицу, посылает героя на восток к своей старшей сестре, жене царя птиц. Она дает герою золотое крыло, которое дочь Солнца превращает в золотую птицу.

4. Чудесного зверя герой по совету младшей дочери Солнца достает на западе у другой сестры, жены царя зверей.

5. Герой по совету своей жены предлагает царю свои услуги и обещает достать необыкновенную рыбу, ему помогает в этом сама дочь Солнца. Она опускает волосы в озеро, и герой достает ими рыбу. Рыбой оказывается сын Морского царя. Вскоре появляется и сам Морской царь, он просит отдать своего сына. Герой и его жена соглашаются выполнить просьбу за несколько игл из его (сына Морского царя) гребешка. Дочь Солнца превращает иглы в золотую рыбу, и герой относит птицу, рыбу и зверя царю Севера.

6. Диковинных птицу, зверя и рыбу съедают приглашенные цари и засыпают. Их связывают, а их царства, с людьми, богатством, землей, присваивает себе северный царь.

7. Герой-охотник, с целью рассказать жене о случившемся, идет на берег озера. Там он видит дворец, которого ранее не было. Дочь Солнца предсказывает удивительные события.

8. После сна приглашенным царям отрезают головы, и из туловища одного вылезает огромный змей, из туловища второго – орел, из туловища третьего – медведь. Хищники убивают друг друга.

В тексте «Гибель царя» не дается эпизод выхода за муж трех сестер, они появляются по мере необходимости при дальнейшем развитии сюжета. Интересен также тот факт, что в этом сказочном тексте, вопреки канону жанра (герой волшебной сказки обязан побеждать дракона), победу одерживает дракон. В сюжетном типе 552 АА, СУС реализуется правило фольклорной обратимости, и змееборческий подвиг совершается во втором ходе сказки, в седьмом подземелье. Кроме того, в тексте «Гибель царя» представлен паритет: дракон со своей системой

Окажется, что они обитают высоко в горах, пляшут на углях, оставшихся после костра, и знают будущее, предвидя те опасности, которые ожидают героев сказки.

Так же высоко метит и его сын, которого не интересуют дочери обыкновенных знатных и богатых людей. Он считает единственно достойной для себя партией сестру девяти великанов, обитающих на вершинах семи гор. И он подобно своим сестрам выходит за пределы людского мира, за его непроходимые границы. Тем самым он стремится подтвердить свои мифопоэтические права на наследование, которое уже обеспечено ему в силу рождения.

Главная часть. Женитьба на сестре девяти великанов.

Однако главным героем сказки суждено стать не сыну алдара, а его побратиму – сыну Арчихора,

«завоевания трех земель» и дочери Солнца, исполняющие ритуал купания в озере. Но дочери Солнца также связаны со своими мужьями, представляющими разные стороны света и разные природные стихии. Герой отрывает дочерей Солнца от мужей и связывает с системой дракона, решая задачи одной системы за счет части другой системы, ее же разрушая, как в осетинской пословице: «Башня разрушается от своего же камня».

Текст «Гибель царя» является как бы продолжением текста на тему «Животные-зятья». Он женится на одной из дочерей Солнца (начало сюжетного типа 313 АТ, СУС), тем самым нарушает триаду животных-зтей, и поскольку жены «животных-зтей» не являются ему сестрами (он вообще «свободный» охотник), то и за красавицей, как в сюжетном типе 552 АА, СУС, ему отправляться и просить помощи в ее добывании у «трех сестер» не надо. Ему нужна другая помощь от трех не его сестер, а именно помочь погубить двух из трех их мужей (третий – он сам). И в одном, и в другом тексте есть соответствие: герой – три дочери Солнца; брат – три сестры. Но то положение вещей, что животные-зятья в тексте «Гибель царя» не друзья, а враги героя повествования, меняет все акценты. Текст на тему «животные-зятья» создает одну расстановку сил, а текст «Гибель царя» ее переделывает по-своему.

Интересна, на наш взгляд, историческая привязка рассмотренной мифологемы «завоевания трех земель» к иранскому источнику «Надписи Шапура I на Ка'ба-и Зардушт и Накш-и Рустаме». Как пишет каталонский исследователь Агусте Алемань [Алемань 2003: 444], «трехязычная надпись Сасанидского царя Шапура I (243-273) в Ка'ба-и Зардушт и Накш-и Рустаме, составленная на пехлеви, парфянском и греческом и часто называемая Res Gestae Divi Saporis, по аналогии с Res Gestae Divi Augusti, сделана в честь его побед над тремя римскими императорами (Гордианом III, Филиппом Арабом и Валерианом)...».

При индивидуальном прочтении рассмотренной мифологемы получен результат, отличающийся от фольклорных образцов. В сказке «Стальной Ахсар и четыре залига змея» Е. Б. Цириховой, в которой стальной Ахсар олицетворяет Советский Союз, а четыре залига змея – его врагов во время Великой Отечественной войны, врагов героя четыре, следовательно, рисунок его пространственных перемещений является не четырехсторонним, а пятисторонним. Но сохранена оппозиция «люди – не люди». Кто знает, как еще эта древняя мифологема отразится в сознании традиционного осетина?

низкое происхождение которого ясно обозначается в сказке. Остановимся на этом более подробно.

Прежде всего, укажем на его статус, который делает возможным его общение с княжеским сыном. В сказке его статус обозначен как *æрдхорд* «названный брат, связанный клятвой». При этом сказано, что отец его зарабатывал на жизнь шитьем арчи, за что и получил прозвище *Æрчъихор*.

Хотя это прозвище и имеет ясную внутреннюю форму, его смысл не столь очевиден, как это кажется исполнителю. Действительно, оно легко членится на две части: *æрчъи* 'особый вид горной обуви' и элемент *-хор*, имеющий, согласно В. И. Абаеву, ряд значений. Первое значение ос. *-хор* в составе сложных слов – (материал) требуемый на что-либо, например, *гæрз-хор* значит 'материал на черкеску', или *æртæ чъири-хор* *ыссад* 'количество муки, чтобы спечь три пирога с сыром' и т. п. При этом существует образование, имеющее непосредственное отношение к нашей теме: *дзабыр-хор* (*сæрак*) '(сафьян) достаточный для чувяка' [ИЭС IV: 216]. Однако для того вида обуви, который был уже выше упомянут, образование синонимичного производного со значением материала, требуемого для пошива, происходит от другого суффикса, *-аг*, так что в итоге имеем *æрчъиаг* 'кожа на арчи' [ИЭС I: 177]. Даже если допустить его существование, то оно означало бы «человек (размером) с арчи», то есть небольшого роста. Все же от первого значения следует сразу отказаться, как от наименее вероятного.

Второе значение – 'поедающий', соответствующий русскому *-ед* в таких словах, как *дармоед*, *людоед* и т. п. Следует указать на целый ряд осетинских сложных образований с этим компонентом, имеющих при этом уничижительный характер: *æввонг-хор*, *лæвар-хор* 'дармоед', *гæртам-хор* 'взяточник', *фæхсын-хор* 'съедающий баранью тушу, обжора', *бын-хор* 'проедающий наследство' и т. д. Таким образом, буквальным значением могло быть «арчи-ед», и оно даже более вероятное, чем то, которое нам предлагает исполнитель. Дело в том, что в голодное время арчи вполне мог употребляться в пищу, поскольку был сшит из большого куска кожи, которую к тому же, как известно, для придания ей мягкости обычно смазывали салом.

Но это слишком уничижительное прозвище для побратима сына алдара. Исполнитель предпочитает более благородное объяснение прозвища отца, поскольку возможны и другие производные, создаваемые на случай. Таким образом, мы имеем дело с контаминацией двух значений, так что выходит уничижительное прозвище: «живущий за счет шитья арчи».

Но даже при выборе менее уничижительной версии прозвища его социальное происхождение остается низким. Более того, этот низкий статус вновь подтверждается, и даже усиливается, накануне кульминации, когда он соглашается стать свинопасом, для того чтобы его пустили в деревню.

Это низкое происхождение в любом случае неизбежно порождает сомнение в том, мог ли вообще сын «сапожника» стать названным братом княжеского сына. Ответ на этот вопрос дает нам сам исполнитель. Когда сын Арчихора является по зову своего побратима, то он занимается подбором оружия, за которым даже отправляется к небесному кузнецу Курдалагону. Затем проверяет, достаточно ли оно прочно. Заметим, что это оружие никогда больше им не пригодится, и потому столь тщательная подготовка на первый взгляд кажется излишней.

Этот пассаж действительно представляется недостаточно мотивированным с точки зрения развития сюжета. Между тем исполнитель не мог включить его в повествование без достаточно веских причин. Дело в том, что все приготовления, предпринятые сыном Арчихора, предстают подготовкой к военному походу. Судя по тому, что сын алдара имеет решающий голос в определении женихов своих сестер, он, хотя и неженатый, уже достаточно взрослый и самостоятельный. В этом случае сын Арчихора мог быть оруженосцем сына алдара, сопровождавшим его в походах и там заслужившим права названного брата. Отправляясь за невестой, он берет на себя основные хлопоты. Однако нежелание сына алдара взять на себя даже самую малость неизбежных обязанностей и разделить с ним бремя путешествия оборачивается тем, что сын Арчихора становится в центре действия и всеми своими последующими поступками подтверждает собственное право на сестру девяти великанов.

Отправляясь за огнем, он не только узнает о тех испытаниях, которые готовят великаны своему будущему зятю. Отправляясь на поиски огня, сын Арчихора видит три схожие сцены, когда сестры его побратима беседуют со своими мужьями. Действительно, в мужьях дочерей алдара без труда распознаются сосватавшие их птицы. В первом случае – это «розовый мужчина» (ос. *уу стыр лæг*), то есть орел (ос. *цæргæс*), во втором случае – «черный мужчина» (ос. *уу сау лæг*), то есть галка (ос. *цъиах*), в третьем – «мужчина маленького роста» (ос. *уу гыццыл лæг*), то есть сорока (ос. *гæркъæраг*).

Сами же сцены представляются универсальной мифопоэтической формулой брака, единства и противоположности, диффузии противоположных начал: мужского и женского, небесного (мужья – птицы) и земного

(жены – дочери смертного человека), стихии огня (мужья танцуют на углях) и воды (жены всегда плачут), активного (танец) и пассивного (жены сидят неподвижно), светлого (костер) и темного (удаление от источника света), горячего и холодного, веселого и грустного, и т. д. Эти сцены представляются нам моделью брака земного человека с высшими существами, способными знать будущее, то есть осуществлением того, о чем и мечтает сын алдара. Однако сын алдара боится темноты, пассивен, не идет за добычей, ленится идти за огнем, за дровами (за светом и теплом) и в итоге не видит и не понимает того, что открывается сыну Арчихора.

Все предостережения, которые делают мужа сестер сына алдара, оказываются провидческими. Очевидно, что все они проверяют не только ловкость и сноровку, но главным образом носят этикетный, шире – этический характер. Нельзя, не подобает садиться верхом на чужого коня, даже если тебе удалось его остановить. Нельзя, не должно пригубить из бокала во время молитвенного пиршества раньше самого младшего из хозяев. Нельзя, предосудительно сесть раньше самого старшего. Таковы неписанные правила, которым надлежит следовать гостю и с которыми оказывается хорошо знаком сын Арчихора. Следует также обратить внимание и на те угрозы, которые таят в себе эти испытания. В первых двух случаях ошибка грозит огнем (сушью), в третьем случае – малоподвижностью, превращением в камень.

Однако пока еще сын Арчихора остается в тени, подсказывая сыну алдара правильные ответы на предложения великанов, после которых за сыном алдара признается право претендовать на руку их сестры. Когда же дело переходит от слов к делу, то сын алдара вновь пасует. Он отказывается идти на охоту. Более того, он губит все дело, проявляя неподобающее ему любопытство. Его невесту похищают, а он остается в вынужденном плену у великанов, безропотно ожидая решения собственной участи. Тем самым он утратил право на свою невесту, он выбыл из игры, и сестра девяти великанов-уаигов достанется тому, кто окажется в силах ее вернуть.

Между тем сын Арчихора, превзошедший великанов в искусстве охоты, отправляется на поиски похищенной девушки. Эти поиски, завершающиеся обретением желанной невесты, подтверждают его права на сестру девяти великанов, а с нею на место умершего алдара. Однако теперь он уже не оруженосец, а глава дружины, которую собирает по пути. Знаменательно, что те товарищи, которые соглашались ему служить, наделяют его самого важнейшими качествами, связанными с интуитивно-чувственным восприятием

человека: силой, зрением, слухом. Сами же его злоключения в поисках похищенной невесты повторяют ту модель поведения мужчины, которая была уже указана выше. Опускаясь под землю, сын Арчихора преодолевает жар, засуху, открывает доступ к воде, изобилию.

Не случайно в конце ему предстоит стать свинопасом. Как мы уже отмечали, в осетинской традиции эти животные связаны с водной стихией (он и переводит их стадо через мост). Обретение невесты происходит после возвращения в мир людей, при переходе через условную границу – реку. Знаменательно и то, что настоящий свинопас садится во главе стола, иллюстрируя ту социальную инверсию, которая стала возможной с сыном Арчихора.

Эпилог. Свадьба, венчающая собой все события. Невеста достается достойному, благоденствие обеспечено до тех пор, пока сам сын Арчихора не состарится.

Таково, на наш взгляд, основное содержание сказки о сыне Арчихора.

Подведем итог. Проведенное исследование, как представляется, подтверждает предположение о том, что типологическое своеобразие осетинской волшебной сказки заключается в мифопоэтическом воплощении социальных отношений. При этом главенствующим мотивом для сюжета двух рассмотренных нами сказок оказался выбор достойного преемника царя/алдара, то есть лица, занимающего высшее положение в социальной иерархии. Оказалось, что преемник должен осуществлять не только «сословные» обязанности, но, что имеет главенствующее значение при его выборе, мифопоэтические функции правителя: обеспечение благоденствия и процветания общества. В обеих сказках справиться с этой задачей оказалось по силам лишь выходцу из социальных низов, наделенному достаточной социальной мобильностью и обладающему в силу своего низкого положения необходимым запасом жизненной динамики. В непосредственной связи с этими представлениями следует, по-видимому, рассматривать и такой хорошо известный осетинский обычай, как атальчество, когда мальчики из знатных семей отдавались на воспитание людям менее высокого происхождения.

Рассмотренный нами сюжетный тип, который может быть определен как «выбор достойного преемника», весьма вероятно, не является единственным для осетинской волшебной сказки, изучение которой только в самом своем начале. Однако само его выявление указывает на один из возможных и, как представляется, перспективных путей для продвижения в этом направлении.

Источники и литература:

- АА – Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Алемань 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Велецкая 2003 – Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 2003.
- ИЭС – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. М., 1996.
- Малиев 1995 – Малити Геуæрги. Гъонгæси фурт мæгур Мæхæмæт // Ирæф. Дзæуæгигъæу, 1995. С. 28-32.
- Мелетинский и др. 2001 – Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 11-121.
- ОГЭ-I – Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 1. М., 1990.
- ОП – Трудовая и обрядовая поэзия осетин: Серия «Памятники народного творчества осетин» / Сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1992.
- ОРФ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ.
- Пермяков 1970 – Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970.
- Пропп 1969 – Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969.
- Сокаева 1998 – Сокаева Д. В. Пространственная организация сказки «Кумаг Кааба» // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12. СПб., 1998. С. 45-55.
- Сокаева 1999 – Сокаева Д. В. Сравнительно-историческое изучение русской и осетинской волшебной сказки (Сюжет 313 АТ, СУС): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1999.
- Сокаева 2004а – Сокаева Д. В. Сюжет волшебной сказки. Владикавказ, 2004.
- Сокаева 2004б – Сокаева Д. В. Указатель осетинских волшебных сказок по системе Аарне-Андреева. Владикавказ, 2004.
- Сокаева 2004в – Сокаева Д. В. Пространственная организация осетинской волшебной сказки // Тезисы Международного конгресса востоковедов. ИКАНАС–37. Т. 2. М., 2004. С. 617-618.
- Сокаева 2004г – Сокаева Д. В. Дыууæ хойы // Мах дуг. 2004. № 11. С. 98-112 (на осет. яз.).
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.
- Тм. – Осетинские народные загадки: Серия «Памятники народного творчества осетин» / Сост. Дз. Г. Тменова. Владикавказ, 2000.
- Хамицаева 2005 – Хамицаева Т. А. Некоторые итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ, 2005. С. 48-75.
- Хаджеты 1987 – Хаджеты Т. Мæ Иры къæс // Фæндæгты фарн: Æмдзæвгæтæ. Орджоникидзе, 1987. С. 3-4.
- Хетагуров 1989 – Хетагуров К. Л. Особа (этнографический очерк) // Избранное. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 388-427.
- ЦА – Цæрæгойты аргъæуттæ (Сказки о животных): Серия «Памятники народного творчества осетин» / Сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1998.
- Чибиров 1995 – Чибиров Л. А. Осетинский аул и его традиции. Владикавказ, 1995.
- Уарзиаты 1995 – Уарзиаты В. С. Праздничный мир осетин. М., 1995.
- АТ – Antti Aarne. The types of the folk-tale / Translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1928.

ЗВУКОВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

М. Э. Мамиев

Дискуссии

Историографическая традиция и письменные источники о православном христианстве в средневековой Алании

Сложность изучения религиозных воззрений осетин заключается в сосуществовании двух основных компонентов единой религиозной системы: христианства и гораздо более древней религии, восходящей к древнеиранской эпохе. Поэтому изучение истории христианства в Осетии предполагает комплексное исследование обеих составляющих в их динамичном и, на наш взгляд, достаточно гармоничном взаимодействии и взаимовлиянии.

В подавляющем большинстве работ, опубликованных по данной теме, не учтена необходимость подобного подхода. Кроме того, не принимается в расчет объективное наличие разных этнических особенностей внутри православного христианства, которые, не затрагивая догматической части вероучения, находят реализацию в календарной, обрядовой и др. сферах религии, создавая свою, неповторимую православную культуру. При рассмотрении христианства в Алании исследователи, как правило, оказываются под воздействием определенного стереотипа, когда за эталон для сравнения принимается смешанный комплекс из русского (в основном), греческого и грузинского православия. Любое несоответствие существовавшего в Алании христианства греческой (русской, грузинской) православной традиции автоматически классифицируется как проявление «аланского язычества». Однако каждая православная культура имеет отличия от других, существующих в различных автокефальных церквях, имеет свои выработанные веками традиции, присущие данному этносу, – и это ни в коей мере не противоречит православному вероучению. Разумеется, в Алании никогда не было автокефальной церкви, но полная политическая независимость страны, обладавшей собственной государственностью и значительным политическим влиянием, совершенно неизбежно подразумевала своего рода культурную автономию Аланской епархии в рамках Константинопольского патриархата, оплота ортодоксального восточного христианства.

В подавляющем большинстве работ, посвященных рассматриваемой проблеме, утвердился тезис о

«поверхностной христианизации» аланского общества, якобы остававшегося «языческим» на всем протяжении своего существования. Хорошо прослеживаемая априорность подобных утверждений не согласуется с имеющимся материалом, и при ближайшем рассмотрении проявляется их изначальная, впрочем уже забытая, идеологическая направленность. Обратимся к истории изучения аланского христианства, в которой выявляется несколько историографических этапов.

Первый этап характеризуется накоплением материалов, специальные работы отличаются описательностью и относятся преимущественно к этнографии осетин. За нижнюю временную границу данного периода следует принять 1742 г. а именно дату написания «Донесения грузинского архиепископа Иосифа и архимандрита Московского Знаменского монастыря императрице Елизавете Петровне о возможности проведения осетинского народа в православную веру и принятия им русского подданства» [РОО-1: 29-31]. В тексте этого чрезвычайно важного по своему значению документа, относящегося к началу процесса присоединения Осетии к России, содержатся интересные сведения о религиозном состоянии страны и первое обоснованное письменное утверждение об исторической принадлежности осетин к православному вероисповеданию. Впоследствии подобная информация приводится в официальной переписке середины – второй половины XVIII в., связанной с подготовкой и деятельностью Осетинской духовной комиссии [РОО-1: 37-38, 41, 74-75 и др.].

В конце XVIII и на всем протяжении XIX в. Осетию посетило значительное число исследователей, занимавшихся решением как научных, так и военно-административных задач. В работах некоторых из них содержатся краткие сообщения о древних памятниках церковной архитектуры и отдельных элементах христианства, сохранившихся внутри бытовавшей религиозной системы, – прежде всего следует назвать Л. Штедера, Я. Рейнеггса, Ю. Клапрота, А. Яновского, К. Коха, Е. Зичи [ОГРИП: 30, 33-35, 92-93, 100-101, 104, 142-143, 164-165, 267-270, 288-289; Яновский 1993: 18-19, 23].

Описательная информация других авторов отличается гораздо большей насыщенностью и обстоятельностью, среди них – И. Бларамберг, псевдо-Шегрен, В. С. Толстой, В. Б. Пфаф [Бларамберг 1992: 152-155; Шегрен 1998: 40-68; Толстой 1997; Пфаф 1871].

В 1822 г. Ю. Клапротом был прочитан доклад, в котором впервые научно обосновывалась идентичность осетин и средневековых алан. Здесь же содержится наиболее раннее утверждение о принадлежности алан к христианству, опирающееся на данные некоторых письменных источников [Клапрот 1992: 236-237]. Спустя четверть века митрополит Макарий в первом томе «Истории Русской Церкви» предпринимает попытку специального рассмотрения истории христианства у алан, отождествляя их, впрочем, со скифами, массагетами, сарматами и хазарами [Макарий 1994: 131-137]. На неудачность этой попытки указывал еще Ю. А. Кулаковский [Кулаковский 2000: 166-167].

Необходимо отметить важность изысканий В. Б. Пфафа, попытавшегося проследить историю и динамику взаимодействия христианства и более ранней, традиционной, религии древних осетин путем применения ретроспективного метода [Пфаф 1872: 119-134].

Наиболее полные и систематизированные сведения содержатся у В. Ф. Миллера, посвятившего описанию религиозных верований современных ему осетин одноименную главу во второй части своего фундаментального исследования [Миллер 1992: 421-425].

Особое место занимает исторический очерк протоиерея А. Г. Гатуева «Христианство в Осетии», подводный, условно говоря, некоторый итог более чем вековым исследованиям. Особенно важно отметить, что специальная работа А. Г. Гатуева переводила указанную тематику в практическое русло. В 1891 г. очерк был опубликован в газете «Терские ведомости», а в 1901 г. вышел отдельным изданием [ППКОО-3: 265-301; Гатуев 1901].

В XIX в. происходило становление этнографического осетиноведения. В периодике появляются многочисленные статьи, посвященные различным аспектам материальной и духовной культуры народа, в том числе и сфере религии. Публикуются информативно насыщенные (хотя и написанные подчас в публицистическом жанре) статьи С. Каргинова, С. Жускаева, Н. Берзенова, Г. Чурсина, С. Кучеревского и др., в том числе анонимных авторов [см.: ППКО-1, ППКО-2, ППКО-3]. Зародившиеся на этом этапе научное и публицистическое направления в описании осетинских религиозных верований продолжали существовать и развиваться на протяжении всех историографических периодов.

Начало **второго этапа** связано с научной деятельностью известного русского византиста Ю. А. Кулаковского. В 1898 г. он публикует русский перевод

так называемого «Аланского послания» епископа Феофора, ставшего в дальнейшем одним из основных письменных источников по рассматриваемой проблеме. Тогда же выходит специальная статья «Христианство у алан», а спустя год – свод письменных сведений, составивший, благодаря научным комментариям, полноценное историческое исследование, – «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» [Кулаковский 2000: 43-164].

Занявшись изучением аланской проблемы, Ю. А. Кулаковский применил давно устоявшийся в византиноведении подход, основанный на широком привлечении и научном анализе письменных источников. Его работы стали основой для многих последующих исследований и не потеряли своего научного значения до наших дней.

В 1903 г. вышла еще одна значительная, но, к сожалению, почти забытая работа – книга А. Н. Кодзаева «Древние осетины и Осетия» [Кодзаев 1903]. Она представляет собой монографическое исследование, в историографическом разделе которого автор обосновывает иранское происхождение алан-осетин, а затем обращается к традиционной религиозной системе и истории христианства в Алании. Книга А. Н. Кодзаева стала логическим продолжением исторических разработок Ю. А. Кулаковского, а также религиозно-исторических (имея в виду попытку анализа взаимодействия христианских и традиционных элементов в современной автору системе религиозных и мифологических воззрений осетин) исследований В. Б. Пфафа и В. Ф. Миллера.

Определенный интерес представляет работа З. Чичинадзе «История Осетии по грузинским источникам», изданная в 1915 г. на грузинском языке, а в русском переводе вышедшая в 1993 г. [Чичинадзе 1993].

Работы ученых конца XVIII – начала XX в. подготовили прочный фундамент для дальнейших перспективных исследований. Однако появление новой идеологии, вызванное событиями 1917 г., надолго приостановило ожидаемое продолжение изучения проблемы. Христианская, да и вообще религиозная, тематика стала откровенно непопулярной и вышла из сферы научного изучения.

На протяжении 20–30-х гг. XX в. публикуются лишь отдельные этнографические работы, посвященные некоторым проявлениям религиозных воззрений осетин [подробнее см.: Чибиров 1984: 14]. В 1928 г. увидело свет исследование Г. А. Кокиева «Склеповые сооружения горной Осетии», в котором впервые обоснован подтвердившийся впоследствии вывод о влиянии склеповой архитектуры на некоторые памятники церковного зодчества [Кокиев 1928: 57].

Третий этап. Возвращение к изучению религиозной тематики в конце 1940-х гг. было вызвано изменением отношения советского государства к церкви,

произошедшим во время Великой Отечественной войны. Однако к тому времени идеологизация исторической науки уже произошла. Все интерпретации исходили из марксистской схемы развития общества. Естественно, что в таком же русле продолжилось изучение христианства в Алании. Был выдвинут тезис о поверхностной христианизации аланского языческого общества, что, во-первых, легко увязывалось с марксистской формационной схемой и, во-вторых, отвечало государственной идеологии, навязанной общественному сознанию. Таким образом, однажды появившись, указанный тезис оказался принятым и продолжал развиваться в течение нескольких десятилетий. Причем собственно источниковая база почти не пополнялась и продолжала оставаться на уровне конца XIX – начала XX в.

Первым рассматриваемую теорию, быстро принявшую аксиоматические черты, сформулировал, по-видимому, Б. В. Скитский в 1947 г. в своей книге «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года» [Скитский 1947]. Сам этот труд стал первой значительной попыткой обобщающего осмысления осетинской истории с точки зрения марксизма. Предложив общую концепцию истории Осетии и создавая формационную периодизацию, автор включил временной отрезок с X по XIII в. в дофеодальный период, что автоматически придавало средневековой Алании черты слабо развитого государственного образования, в принципе не готового к восприятию какой бы то ни было мировой монотеистической религии. Совершенно логичным и закономерным результатом применения подобного подхода стала следующая формулировка: «Христианизация алан была чрезвычайно поверхностна. Она ограничивалась постройкой немногих храмов и усвоением некоторых обрядов и праздников, усвоением названий (так в тексте. – М. М.) святых и Девы Марии. Произошел синкретизм старого язычества и нового христианства, точнее сказать, образовался очень тонкий налет христианской религии на вполне устойчивых языческих верованиях, которые сохранились во всей своей целостности в жизни осетин до позднейшего времени» [Скитский 1947: 59]. Для подтверждения сказанного процитированы три автора XIII в. – Рубрук, Юлиан и епископ Феодор. Эти цитаты продолжают и сегодня оставаться едва ли не основным звеном в цепи обоснований правильности выдвинутой Б. В. Скитским теории. Интересно, что Ю. А. Кулаковский, использовавший в свое время приведенные источники, подобных выводов не сделал.

Сформулированная теория оказалась востребованной и послужила определенной установкой для последующих исследований, которые, в сущности, свелись к ее дальнейшему развитию и обоснованию. Обозначенное направление отвечало утвердившемуся марксистскому подходу и органично вписывалось в господствующее в обществе мировоззрение.

В 1949 г. теория Б. В. Скитского была использована В. И. Абаевым в статье «Историческое в нартском эпосе» [Абаев 1949].

В 1959 г. вышло монографическое исследование З. Н. Ванеева «Средневековая Алания», имеющее хорошо различимую идейную схожесть с работой Б. В. Скитского. В главе, посвященной христианской тематике [Ванеев 1989: 261-268], автор принимает выдвинутую теорию и дает ей дальнейшее развитие, определяя пути распространения христианства: «Таким образом, по приведенным данным на востоке Алании преобладало грузинское влияние, а на западе – греческое. Впрочем, в эпоху существования аланской епархии доминирующим следует считать греческое влияние. После падения Византии Осетия (восточная часть Алании) в религиозном отношении находится под влиянием одной Грузии» [Ванеев 1989: 267]. Дело в том, что, находясь на позициях марксистского учения, З. Н. Ванеев вслед за Б. В. Скитским обосновывал отсутствие развитого аланского государства и существование дофеодального государственного образования [Ванеев 1989: 235-261]. Поэтому требовалось объяснение пусть даже поверхностной, но все же состоявшейся христианизации аланского общества, четко фиксирующейся на протяжении нескольких веков. Предложенное объяснение этого факта заключается в утверждении о постоянном религиозном влиянии (своего рода стабильной подпитке) со стороны двух развитых феодальных государств того времени – Византии на западе и Грузии на востоке.

Таким образом, рассматриваемая теория приобретает оформленный вид и становится неотъемлемой частью всех работ третьего этапа, так или иначе затрагивающих тему христианства в Алании (Осетии). А. Х. Магомедов в своем масштабном этнографическом исследовании, вышедшем в 1968 г., адаптирует ее к этнографическому материалу [Магомедов 1968: 469-490], а В. И. Абаев использует в религиозно-исторических интерпретациях лингвистических фактов [Абаев 1990: 123-136].

С выходом работ В. А. Кузнецова теория Скитского-Ванеева приобретает характер аксиомы. Она детализируется и уточняется, причем для обоснования своих выводов автор использует в основном два комплекса источниковых материалов – письменные свидетельства и памятники церковной архитектуры. Первые применяются для подтверждения идей Б. В. Скитского, вторые – для обоснования дополнений З. Н. Ванеева.

Тема христианства в Алании затрагивается В. А. Кузнецовым в нескольких монографиях [Кузнецов 1971; Кузнецов 1977; Кузнецов 1990; Кузнецов 1992; Кузнецов 1993; Кузнецов 2003]. В специальной работе 2002 г. [Кузнецов 2002] сводятся воедино, дополняются

и корректируются все предыдущие разработки автора. Здесь теория Скитского-Ванеева-Кузнецова получила наибольшую детализацию. Ее основные положения могут быть сформулированы следующим образом. Христианизация Алании была длительной, сопровождалась жесткой борьбой с традиционно бытовавшим здесь язычеством. Процесс классообразования и становления феодального государства приводит к официальному принятию новой религии, способствующей централизации власти и консолидации племен. Инициатором христианизации выступает правящий социальный слой. Как следствие, заключается определенный компромисс между двумя враждебными религиозными системами. Образовавшееся вероисповедание является христианским по форме и языческим по содержанию. Проводниками и источниками постоянной «религиозной подпитки» стали Византия и Грузия. Крушение аланской государственности, вызванное монгольским завоеванием, привело к возвращению старых политеистических верований. Длительность существования Аланской епархии объясняется наличием прочной социальной базы.

Важным историографическим рубежом стали два издания «Истории Северо-Осетинской АССР» [История 1959; История 1987]. Включение в них тезиса о «поверхностной христианизации» было равнозначно его официальному принятию. На всем протяжении 70–80-х гг. XX в. рассматриваемая теория активно использовалась в осетиноведческих исследованиях [Тменов 1985; Кантария 1989; и др.], в том числе в этнографии – в работах А. Х. Магометова [Магометов 1968: 489–490; Магометов 1974: 298–337], Л. А. Чибирова [Чибиров 1976; Чибиров 1984: 201] и других авторов. Принципиально важно то, что ее положения принимались априори, без обсуждения их обоснованности, остававшейся на уровне конца пятидесятих годов по причине отсутствия новых подтверждающих материалов. Изначальная идеологическая направленность теории Скитского-Ванеева-Кузнецова нашла практическое применение и в некоторых пангрузинских работах [Гамрекели 1961; Гамбашидзе 1976; Гамбашидзе 1977; Долидзе 1954; и др.].

Переход к **четвертому этапу** обусловлен ослаблением, а затем и исчезновением господствовавшей идеологии и повышением интереса к аланской (осетинской) христианской тематике. Специальные работы, опубликованные с начала 1990-х гг., можно разделить на две группы: написанные с прежних позиций [Гутнов 1992; Тменов 1992; Биджелов 1992; Аржанцева, Албегова 1999; Албегова 2000; Гассиева 2000; Тменов и др. 2000: 25–70; Дзаттиаты 2002: 216–218; Емельянова 2003: 11–30, 46–50] и пока немногочисленные, но растущие в числе публикации, выводы которых в большей или меньшей степени идут вразрез с устоявшейся теорией

[Уарзиаты 1995; Биазарти 1998; Блиев, Бзаров 2000: 113–120; Сланов 2004; Белецкий 2004; Пищулина, Аликов 2004; и др.]. По своему идейному содержанию новые исследования приближаются к искусственно превращенной традиции второго историографического этапа.

Почти во всех специальных исследованиях по истории христианства в Алании базовой информацией служат данные письменных источников, причем для подтверждения поверхностности христианизации аланского общества используются свидетельства, почерпнутые из сочинений нескольких средневековых авторов (Ибн Рустэ, Масуди, епископ Феодор, Юлиан, Рубрук), обычно без анализа текстологического и исторического контекста. В то же время существуют сообщения других авторов, не согласующиеся с устоявшейся в науке теорией. В качестве яркого примера подобного противоречия приводим цитату из новейшей работы В. А. Кузнецова: «"Аланы христиане только по имени", "отличия моих пасомых – убийство прежде всего и прочие виды смертей", – пишет епископ (Феодор. – М. М.) в своем послании. Это весьма яркая и, главное, достоверная характеристика аланского христианства, история которого к тому времени насчитывала уже до 300 лет. В свете приведенных фактов и оценок трудно согласиться с М. В. Бибиковым в том, что в XIII в. Алания в византийских источниках представляется, подобно Руси, оплотом православия в Европе. О каком "оплоте" может идти речь?» [Кузнецов 2002: 61].

Для того чтобы не оказаться в плену подобных противоречий, попробуем обратиться непосредственно к основным письменным свидетельствам, освещающим рассматриваемую проблему. Необходимо отметить, что они немногочисленны и носят отрывочный характер. Тем не менее, при совокупном рассмотрении имеющихся источников, выстроенных в хронологическом порядке, появляется возможность получить общую картину истории христианизации аланского общества и оценить степень восприятия им православия.

Не будем останавливаться на письменных свидетельствах раннехристианского периода. Они единичны и практически не затрагивают территорию северокавказской Алании. Однако для полноты картины необходимо привести следующую информацию. Согласно церковной традиции, история христианства в Алании восходит к I в. и связывается с апостольской проповедью [Макарий 1994: 131; Гедеон 1992: 15–17]. В армянской агиографии сохранилось хорошо известное житие святых Сукиасянцев, аланских вельмож, принявших крещение в Армении от учеников апостола Фаддея [Армянские источники 1985: 43–46]. Во времена Великого переселения народов в Западной Европе просияли св. Алан Лаворский, основатель монастыря

в Галлии, и св. Гоар [Бахрах 1993: 109-110, 118-121], на востоке – св. Сармат Писпирийский [игумен, ученик Антония Великого] и св. Сармата Египетская [Христианство 1995: 674]. Эти данные позволяют сделать вывод об очень раннем знакомстве алан с христианством. Ограничившись этим утверждением, перейдем к рассмотрению предлагаемого свода письменных источников, расположив их в хронологическом порядке.

Источники VII века

Наиболее ранние свидетельства по истории христианства в Алании относятся к VII в. и напрямую связаны с драматическими событиями, произошедшими в Византии. В этот период империя переживала церковную смуту, вызванную монофелитской ересью, поддержанную самим императором. В результате из страны был выслан защитник православия св. Максим Исповедник. В описании истории его ссылки содержатся ценнейшие сведения по рассматриваемой проблеме. К сожалению, текст источника остался для нас недоступным, поэтому воспользуемся его сокращенным изложением, опубликованным В. А. Кузнецовым:

«История ссылки Максима Исповедника изложена в "Scholion sive Hypomnesticum", сохранившейся в коллекции Анастасия апокрисиария и вошедшей в патрологию Ж. Миня (PG, t. 90 и 129). Приводим этот документ в переводе С. П. Шестакова и в сокращенном варианте. Прибыв со спутниками в страну лазов, больной Максим на плетеных носилках был доставлен в место заключения "Схемарий – укрепление по соседству с племенем аланов" вместе с двумя своими учениками – Анастасием апокрисиарием и Анастасием монахом. Затем изгнанники были разлучены: Анастасия монаха заключили в крепость Скоторий в Апсилии, а Анастасия апокрисиария – в крепость мисимиан Букул (Buculus) "на границе с выше упомянутыми аланами". Отмечено, что "это именно укрепление те же аланы в настоящее время захватили и удерживают в своих руках". 18 июля 662 г. обоих Анастасиев перевели в Мухирис, но здесь они вновь расстались. Анастасий монах был доставлен в укрепление Свани, где через несколько дней умер. Анастасий апокрисиарий был заключен в крепость Тацيريا (Thacyria) "близ Иверии". После двухмесячного заключения он из Тацирии властителем области переводится в пределы Апсилии и Мисимианы и попадает в крепость Фуста (или Пуста). Здесь с Анастасием апокрисиарием происходят интересные информативно важные для нас приключения. Анастасий рассказывает о заступничестве за него авазгийской (абхазской. – В. К.) знати

перед властителем Алании, бежавшим из своей области, при помощи авазгов восстановленным на престоле и вновь изгнанным. Суть этих споров, вероятно, состоит в том, что абхазы, давно ставшие православными христианами, сочувствовали Анастасию апокрисиарию и не хотели отдавать его в нехристианскую Аланию. Однако властитель алан, изменив данным вазгийской знати обещаниям, снова послал Анастасия в тот Схемарий (Himar), где Максим Исповедник скончался 13 августа 662 г. Анастасий еще не доехал до Схемария, когда в Алании произошел новый политический переворот и к власти пришел "богобоязненный и христоролюбивый" Григорий. Обстановка изменилась в пользу Анастасия. Он был возвращен, не достигнув Схемария, доставлен в спокойное место, "поистине подобающее для монахов", на расстоянии около пяти миль от резиденции властителя алан Григория. В схолии это место охарактеризовано довольно подробно: "в крепости, именуемой Thusume, расположенной выше хутора Mochoes, на границах области Апсилии, на востоке Понта, у самой подошвы Кавказских гор, близ страны христоролюбивых авазгов, у племени алан, около пяти миль от поместья Зихахория (Zichachorio), т. е. резиденции (prima domus) истинно христоролюбивого патриция и правителя той самой области Алании"» [Кузнецов 2002: 29-30].

Согласно тексту другого источника, находясь в ссылке, Анастасий апокрисиарий написал письмо, адресованное некоему пресвитеру Феодосию Гангрскому, находившемуся тогда в Иерусалиме. После смерти Анастасия пресвитер побывал в Париже и крепости Тусуме. На обратном пути он получил это послание «от Григория, настоятеля монастыря Иоанна Крестителя, так называемого Βεταραπεος в Алании, 20 августа 668 года» [Кузнецов 2002: 30].

Изложенные выше свидетельства позволяют сделать несколько важных выводов.

1. Некоторая часть правителей западной части Алании уже к середине VII в. исповедовала православие. Это вполне согласуется с сообщениями арабских авторов X в. Масуди и Абу эль-Касима о том, что аланские цари приняли христианство в начальный период правления Аббасидов [Караулов 1908: 53; Алемань 2003: 214].

2. Естественно, что христианское вероисповедание части высших правящих слоев аланского общества свидетельствует об определенных успехах проповеди среди населения страны. Здесь мы солидарны с мнением В. А. Кузнецова [Кузнецов 2002: 30, 32], что уже в рассматриваемый период в Алании, вне всякого сомнения, существовали православные храмы и духовенство, обслуживающее христианскую часть населения.

3. Наличие монастыря позволяет предполагать, что вне зависимости от этнической принадлежности его настоятеля игумена Григория по крайней мере значительную часть насельников должны были составлять аланы. Это, в свою очередь, свидетельствует о существовании аланского монашества (возможно, на стадии его зарождения) уже в середине VII в. К тому же нет оснований утверждать, что число обителей ограничивалось только упоминаемым монастырем Иоанна Крестителя, само посвящение которого весьма символично.

4. Крещеная часть аланского общества продолжала исповедовать именно ортодоксальное христианство и не поддерживала монофелитскую ересь, захлестнувшую территорию Византийской империи.

Источники VIII века

Восьмое столетие, как известно, является наименее освещенным письменными источниками периодом существования раннесредневековой Алании. Это относится и к ее христианской истории. Здесь можно упомянуть только эпизод о крещении и мученической кончине легендарного вавилонского (багдадского) царя Мавия и трех аланов, находившихся на его службе, о чем рассказывается в византийской агиографии – в «Житии Феодора Эдесского». Данный сюжет подробно разобран в специальной статье С. Н. Малахова, который, собственно, и ввел его в кавказоведческую литературу [Малахов 1992а].

Источники IX века

К этому времени относится чрезвычайно важное сообщение, опубликованное в исследовании С. Б. Бернштейна [Бернштейн 1984], посвященном жизни и деятельности великого византийского ученого и просветителя Константина Философа, в церковной традиции более известного как св. равноапостольный Кирилл, учитель Словенский. Несмотря на принадлежность источника к житийной литературе, его историческая достоверность не вызывает особых сомнений. Подобный вывод можно сделать исходя из авторства рассматриваемого жития [Бернштейн 1984: 11-12] и самого тщательного анализа источника, проделанного в упомянутой работе.

В житии, в частности, повествуется об известной поездке Константина Философа в Венецию, где в 867 г. он имел диспут с триязычниками-пилатниками. Обосновывая необходимость перевода богослужебной литературы на славянский и другие языки, Константин Философ сказал:

«Мы же знаем многие народы, имеющие письменность и славящие Бога на своем родном языке. Это народы: армяне, персы, абхазы, грузины, аланы,

готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие» [Бернштейн 1984: 65].

Принципиальное значение имеет определение смысла фразы «славить Бога». Один из обоснователей учения триязычников Исидор Севильский (ок. 570-639 гг.) в своей «Этимологии» писал: «... три языка священные: еврейский, греческий, латинский, которые во всем мире больше всего возвышаются. Это потому, что на этих трех языках на кресте Христа Пилатом была написана его вина» [Бернштейн 1984: 95].

Эта же идея присутствует и у оппонентов Константина Философа: «Скажи нам, как ты теперь создал славянские книги и учишь по ним, о которых никто не знал, ни апостолы, ни римские папы, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин. Мы же знаем только три языка, которыми в книгах можно славить Бога: еврейский, греческий и латинский» [Бернштейн 1984: 95].

В письме от 863 г. в связи с успехами просветительской деятельности Константина Философа и его брата Мефодия византийский император Михаил III поздравляет князя Моравии: «... чтобы вы были причислены к великим народам, которые славят Бога своим языком» [Бернштейн 1984: 87-88].

Из приведенных цитат видно, что смысл фразы «славить Бога» имеет совершенно четкую христианскую направленность и в данном контексте может рассматриваться только в значении христианского богослужения. Поэтому мы присоединяемся к мнению М. М. Блиева и Р. С. Бзарова: «Эти слова означают, что церковная служба проходила на аланском языке и делались переводы христианской богослужебной литературы. Константин был выдающимся греческим ученым и перед созданием славянского алфавита долго изучал системы письма, существовавшие в его время» [Блиев, Бзаров 2000: 115-116].

Сведения и выводы такой принципиальной важности могут быть дополнительно подтверждены данными других письменных источников, относящихся к более позднему периоду аланской истории.

Один из сирийских манускриптов конца XIV в. содержит в себе анонимный текст «Гражданской истории», написанной около 1240 г. А. Алемань приводит пересказ двух пассажей, один из которых имеет непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

«"Гражданская история", которая начинается с сотворения мира, в рассказе о патриархах после потопа говорит, что среди пятнадцати языков мира, которые имеют буквы и письменность, шесть произошли от Иафета – греки, иберы, франки, армяне, миды и аланы» [Алемань 2003: 502].

Впрочем, А. Алемань тут же отмечает: «Следует относиться с осторожностью к сообщению о существовании письменности у аланов (...) поскольку

автор этой хроники, описывая второй крестовый поход, называет германского монарха Конрада III Гогенштауфена "королем аланов"» [Алемань 2003:502]. Приводится также пересказ отрывка из энциклопедии арабского автора ал-Надима (ум. в 990-991 гг.), где содержится прямо противоположная информация:

«Отрывок из энциклопедии (...) перечисляет народы, не имеющие письменности: тюрки, болгары, блага, бургаз, хазары, ллан (=ab-Lan "аланы") и племена с маленькими глазами и белокурыми волосами» [Алемань 2003: 352].

Казалось бы, взаимоисключающие свидетельства как бы уравнивают полученную информацию. Однако из шести упоминаемых в сирийском источнике народов пять к XIII в. уже имели письменность – это надежно установлено. Ал-Надим ошибался, по меньшей мере, трижды – в отношении тюрков, болгар и хазар.

Еще одно сообщение содержится в сочинении Гильома де Рубрука, лично общавшегося с крымскими аланами в 1253 г. В источнике говорится о них так:

«...христиане по греческому обряду, имеющие греческие письма и греческих священников» [Плано Карпини и др. 1997: 104].

Мы еще вернемся к данному автору с полным приведением главы, из которой используем здесь лишь краткую цитату. Пока же отметим, что Рубрук был вполне образованным человеком [Плано Карпини и др. 1997: 16-17] и не мог не обратить внимания на факт существования письменности в поразившей его своим варварством стране татар [Плано Карпини и др. 1997: 91]. Разумеется, фразу «греческие письма» (в тексте оригинала *litteras grecas* [Алемань 2003: 502], т. е. 'греческие буквы') можно понимать двояко – либо это греческая письменность как таковая, либо же греческий алфавит, взятый за основу для создания собственной, оригинальной системы письма. В пользу второй гипотезы говорит хорошо известная зеленчукская надпись, выполненная греческими буквами на аланском языке и датируемая в пределах X-XII вв. [Миллер 1893: 10-118; Абаев 1949а: 260-270; Турчанинов 1990: 164-168; Zgusta 1987]. Позволим себе еще одно наблюдение. За день до встречи с аланами францисканец вручил грамоту византийского императора одному из местных татарских правителей, Скатаю. Тот, не имея при себе людей, умеющих читать по-гречески, отправил ее для прочтения в Солдаию [Плано Карпини и др. 1997: 104], находящуюся в двух-трех днях пути [Плано Карпини и др. 1997: 91]. В случае, если бы аланы использовали греческую письменность, Скатаю мог воспользоваться именно их услугами, выиграв тем самым несколько дней.

Еще одно косвенное подтверждение сведений об аланской письменности содержится у Иоганна Шильтбергера (пер. пол. XV в.), немецкого дворянина, попавшего в плен к туркам в 1396 г. И. Шильтбергер служил

Баязиду I, а после поражения последнего в битве при Анкаре (1402 г.) – Тимуру и его преемникам. Пробыв в плену более 30 лет, И. Шильтбергер побывал во многих странах, в том числе и на Кавказе. Его воспоминания об увиденном дошли до нас в изложении одного из современников [Адыги-1974: 37]¹. В 56-й главе читаем:

«Кстати замечу, на каких именно языках служат Богу по греческому вероисповеданию: первый язык греческий, на котором написаны священные книги последователей этого исповедания. Турки этот язык называют *урум*; второй язык русский, по-турецки – *урус*; третий – болгарский, у язычников – *булгар*; четвертый – венецианский, у язычников – *арнаут*; пятый – валахский, у язычников – *ифлак*; шестой – ясский, у язычников – *ас*; седьмой – готский, у язычников – *там*; восьмой – зихский, у язычников – *черкес*; девятый – абхазский, у язычников – *апкас*; десятый – грузинский, у язычников – *гюрджи*; одиннадцатый – менгрельский, у язычников он обозначается этим же названием».

В приведенных сведениях заметны некоторые неточности, однако в целом они верны, поэтому присутствие в перечислении аланского (ясского) языка является ценной и вполне достоверной информацией.

Существует еще одно любопытное сообщение, содержащееся в «Житии Маштоца», написанном Корюном. При описании просветительской деятельности Месропа Маштоца, создателя армянского алфавита, автор жития приводит следующие сведения:

«...приехал к нему некий иерей, албанец по имени Бениамин. Он (Маштоц) расспросил его, расследовал варварские слова алуанского языка, затем со своей обычной пронизательностью, ниспосланной свыше, создал письма (для алуанцев) и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил» [цит. по: Мартиросян 1988: 163].

А. Мартиросян довольно убедительно обосновывает неверность записи этнонима *албанец* вместо *алан* [Мартиросян 1988: 163]. Действительно, подобная путаница не редкость, и это неоднократно отмечалось в литературе [Бибиков 2001: 284; Алемань 2003: 218]. В случае верности предположения А. Мартиросяна мы получаем вероятное свидетельство попытки создания аланской письменности по инициативе аланского же духовенства в V в.

Конечно, приведенные выше свидетельства могут быть приняты лишь в качестве косвенных подтверждений, доказательством должны явиться памятники аланского письма. Они действительно существуют. Это уже упоминавшаяся зеленчукская надпись, а также недавно обнаруженные аланские глоссы на полях греческого ветхозаветного пофетологиона, переписанного в 1275 г. Глоссы

¹ В данном издании год бегства И. Шильтбергера из плена указан неверно – 1417 вместо 1427 г.

написаны на полях манускрипта XIV или XV в. и представляют собой сокращенные заголовки литургического содержания, выполненные на аланском языке греческими буквами. Исследователи манускрипта С. Энгберг и А. Лубоцкий определили родной язык глоссатора как аланский [Engberg, Lubotsky 2003: 41–46]. Следовательно, мы имеем записи духовного (православного) содержания, выполненные аланским письмом на основе греческого алфавита. Такое определение вполне соответствует сведениям письменных источников, в том числе и сообщению Рубрика.

Источники X века

X век стал переломным периодом в христианской истории Алании. Принято считать, что в период патриаршества св. Николая Мистика (901–907 и 912–925 гг.) православие становится государственной религией Алании и, соответственно, образуется Аланская епархия в составе Константинопольского патриархата [Кулаковский 2000: 177; Кузнецов 2002: 39–44; Малахов 1992а: 149]². Данные выводы основываются на сведениях, содержащихся в переписке Николая Мистика [Кулаковский 2000: 167–177] и, косвенно, документах патриархии [Малахов 1992а].

Определенный интерес представляет рассмотрение других письменных свидетельств указанного периода.

В географическом труде арабского автора Ибн Рустэ «Книга драгоценных украшений», написанном между 903–913 гг., сообщается следующее:

«Сам царь Аланов христианин, а большая часть жителей царства его кяфиры и поклоняются идолам» [Караулов 1903: 49].

Другой арабский автор первой половины X в. Ал-Масуди приводит более полную информацию:

«После провозглашения ислама в царствование династии Аббасидов цари аланов приняли христианство, а до этого они были язычниками, но после 320 года они отвратились от христианства и изгнали бывших прежде епископов и священников, присланных к ним царем румским» [Караулов 1908: 53].

Эти же сведения находим и у Абу эль-Кассима, современника Ал-Масуди:

«Один из его (царя алан. – М. М.) предшественников принял христианство в первое столетие династии Аббасидов. До этого времени аланы были язычниками; но через несколько лет они отреклись от христианской веры и прогнали епископов и священников, которые им были присланы византийским императором» [Гаглойти 2000/3: 214].

Упомянутая в обоих источниках депортация византийских церковнослужителей носила чисто политический характер. Она явилась следствием неудачного

нападения Алании на Хазарский каганат, спровоцированного империей, дипломатия которой использовала, в том числе, и успехи миссионерской деятельности времен Николая Мистика [Артамонов 2001: 489–490]. Поэтому последовавшая после военного поражения высылка духовных лиц не имела значительного влияния на религиозную ситуацию внутри страны. На это, в частности, указывает активное храмовое строительство и скорое возведение Аланской епархии из архиепископии в ранг митрополии [Кулаковский 2000: 178; Кузнецов 1992: 318; Малахов 1992а: 149].

В книге Константина Багрянородного «Церемонии византийского двора», составленной, по-видимому, вскоре после 932 г., приводится формула обращения к аланскому монарху:

«Эксуиократору Алании (следует посылать) золотую печать в два солида (с эпитафией): «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, одного и единственного Бога нашего, Константин и Роман, верные в Боге императоры ромеев к имярек, экскусиасту Алании и духовному нашему сыну» [Алемань 2003: 243].

Понятно, что вероисповедание монарха, вошедшее в формулу официального приветствия, отражает общую религиозную ситуацию в государстве.

В анонимном персидском географическом сочинении «Хадуд ал-алам» («Области мира»), составленном в 982–983 гг., одна глава посвящена описанию Алании:

«Эта страна среди пропастей и гор, и это приятное место. Царь их христианин. У них тысяча больших селений. Среди них есть христиане и идолопоклонники. Часть народа живет в горах, а часть на равнине» [Алемань 2003: 467].

Источники XI века

Грузинский автор первой половины XVIII в. Вахушти Багратиони, описывая события XI в., сообщает следующее:

«Переводчиками книг в это время были: Иоанн или Илларион Туалели, наставник Георгия Мтацминдели, Георгий Шекенебули, наставник Георгия, тоже Георгий, и Георгий Олтисели» [Гаглойти 1995/2: 152].

Имя Иоанна Туалели (осет. *Туаллаг*) однозначно указывает на его аланское происхождение. Представляется целесообразным привести комментарий Ю. С. Гаглойти: «Имя Иллариона или Иоанна Туалели впервые упоминается во второй половине XI в. в числе деятелей Афонского монастыря, занимавшихся переводами церковных книг на грузинский язык. О его роли в этой деятельности и в церковной жизни Грузии в период царствования Баграта IV можно судить хотя бы по тому, что он был учителем и наставником такого

² Подобную точку зрения не поддерживает А. Алемань (Алемань 2003: 257–259, 317).

крупного деятеля церкви средневековой Грузии, как Георгий Мтацминдели. В документах Афонского монастыря он характеризуется как «великий Илларион Туалели, который подобно вершине, среди собрания отцов Афонского монастыря, и благословение и деятельность которого трудно представить» [Гаглойти 1995/2: 169]. Тогда же в Грузии жили и другие туалельцы, переписчики церковных книг – Микел, Иоанн и Симон [Гаглойти 1995/2: 169].

Источники XII века

Интересная информация содержится в панегирике византийского богослова и писателя XII в. Никифора Василяки, составленном в честь императора Иоанна II Комнина и его приверженцев. Одним из них был Адриан Комнин, Патриарх Болгарии, племянник Исаака I (1057-1059 гг.) и брат Алексея I (1081-1118 гг.). Мать Адриана Ирина принадлежала к аланскому царскому дому. В части, посвященной царевне Ирине, читаем:

«... что может заслуживать большего восхищения, величие ее народа или знатность ее происхождения? Ее народ – аланы; мать (Адриана) их царица; и как подобает аланам, древнего богатства. Там, у подножия высокого Кавказа, пасутся стада многих племен этого великого народа, который я бы назвал паствой Христовой, цветом скифов и первым плодом Кавказа. Они самый воинственный народ среди кавказцев; если ты посмотришь на их множество, то найдешь отвагу, которой нет нигде более; если ты заметишь их доблесть в бою, то ни во что поставишь мириад врагов. Ибо иные народы выделяются множеством своих сил, а другие храбростью и воинским умением, но этот победил их всех и служит только Христу. Ибо они были пленены Его всесвятыми словами и ныне славятся среди нас соблюдением обрядов и своим христианством, и рады называться слугами Христа, друзьями и союзниками христиан» [Алемань 2003: 304-305].

Конечно же, жанр произведения обязывал автора к некоторому приукрашиванию действительности. Однако приведем для сравнения отрывок из другого, грузинского, панегирика – «История и восхваление венценосцев», составленного в начале XIII в. В части, посвященной браку будущего царя Грузии Георгия III и дочери аланского царя Худдана Бурдухан (первая половина XIII в.), написано следующее:

«В период своего царствования отец (Дмитрий I, 1125-1156 гг.) привел Георгию в жены дочь царя Худдана по имени Бурдухан, равную своему солнцеликому и львopodobному мужу. Сама она по красоте была солнцем солнц. (...) Имея в виду ее преданность Христу, я боюсь и стесняюсь искать подобный ей образ среди женщин,

бывших предметом любовного преклонения в этом мире...» [Гаглойти 1993/2: 121].

Даже учитывая жанровые преувеличения, нельзя не заметить, что общая информация этих независимых друг от друга источников полностью совпадает. Их представление о религиозной ситуации в стране и, в частности, внутри царского дома Алании подтверждается и предшествующей историей правящей династии. Например, в XI в. в период расцвета Аланской державы ею правили православные монархи – Урдур, Доргогел (Гавриил), Росмик (Андрей) [Малахов 1995: 376-378; Биазарти 1998].

Для большей полноты картины процитируем еще одно свидетельство, относящееся, правда, к более позднему периоду – второй половине XIII в. Речь идет о грузинской хронике «Памятник эриставов», составленной в начале XV в.:

«В жены Шалва (ксанский эристав. – М. М.) привел дочь царя овсов, по имени Ширди, которая возвеличила достоинство этого (Ларгвисского) монастыря и ввела для церковной службы различную утварь: золотые и серебряные чаши, подносы, лампаду и все другие украшения, оковала образа и украсила икону Богоматери святыми мощами и различными украшениями» [Гаглойти 1995/1: 172].

Как видно из приведенного пассажа, автор хроники не дает восторженной характеристики аланской царевны, ограничиваясь описанием ее практической деятельности, вполне отражающей религиозное состояние аланского правящего дома.

Источники XIII века

XIII в. представлен наибольшим количеством письменных источников по рассматриваемой проблеме. Свидетельства авторов именно этого времени в основном и используются для подтверждения «поверхностного восприятия» христианства аланским обществом. Поэтому, прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению имеющихся источников, попытаемся определить исторический контекст содержащейся в них информации.

В XIII в. Алания переживает эпоху феодальной раздробленности: ослабевает центральная власть, страна распадается на множество постоянно враждующих княжеств, одновременно испытывая экспансию северных кочевников – кипчаков [Малахов 1992а: 159-160; Блиев, Бзаров 2000: 107-108]. Сложившуюся ситуацию наиболее ярко иллюстрирует следующий пассаж из так называемого «Рассказа» Юлиана, доминиканского монаха, побывавшего в Алании около 1235 г.:

«Сколько (там) селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного положения к другому. Там постоянно идет война вождя против

вождя, села против села. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе также и жнут, и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса или другая работа, то они равным образом идут все и при оружии. (...) А если кто из них по какому-либо случаю убивает человека, то за это не получает ни кары, ни благословения; у них человекоубийство не считается ни за что» [Адыги-1974: 31].

В тот же период на западе происходят события чрезвычайной важности. В 1204 г. крестоносцы захватывают Константинополь, и Византийская империя на время перестает существовать – вплоть до ее восстановления в 1261 г. Патриарший престол «передается» католическому прелату [История Европы 1992: 340]. Сотириуполь, ставший центром Аланской епархии после ее объединения с Сотириупольской архиепископией, оказывается на территории новообразованной Трапезундской империи. Падение Византии и образование на ее территории нескольких враждующих (либо соперничающих) друг с другом государств ослабляет власть Константинопольского Патриарха, находящегося теперь в Никее. Соперничество Никейской и Трапезундской империй отразилось на отношениях Патриарха и трапезундского митрополита. Последний претендовал на самостоятельность и считал сферой своего влияния епархии Крыма и Кавказа, что, конечно же, подразумевало и самовольное назначение епископов [Малахов 1992а: 155-156].

За короткое время в Аланской епархии сменилось несколько епископов [Малахов 1992а: 156, 173], причем собственно Алания, составлявшая часть территории епархии, какое-то время оставалась вообще без правящего архиерея, о чем сообщается в так называемом «Аланском послании» еп. Феодором [Кулаковский 2000: 209]. Понятно, какое отражение должны были получить все эти события на аланской пастве, также переживавшей глубочайший кризис, охвативший все общество и государство.

Составив некоторое представление об общем историческом фоне, перейдем к рассмотрению интересующих нас письменных источников. Хронологически первым из них является упоминавшееся «Аланское послание» епископа Феодора. Конечно же, этот интереснейший источник заслуживает специального и весьма тщательного анализа, чего, однако, не позволяют ни объем, ни задачи предлагаемой работы. Поэтому ограничимся лишь смысловым анализом текста в ракурсе рассматриваемой проблемы, тем более что разбор «Аланского послания» уже предпринимался в литературе [Кулаковский 2000: 193-198; Кузнецов 2002: 320-323; Малахов 1992а: 156-157].

Забегая вперед, заметим, что при внимательном прочтении источника оказывается, что еп. Феодор не характеризует степень восприятия православия аланским обществом. Главная интрига его произведения заключается в мотивации поведения самого автора и фактологическом описании кризисного состояния страны. Такой вывод, при всей кажущейся на первый взгляд неожиданности и парадоксальности, при ближайшем рассмотрении оказывается вполне закономерным. Во избежание голословности обратимся к самому источнику, но сначала попытаемся раскрыть историю и причины его появления.

Итак, Аланская епархия становится одной из причин раздора между Никеей и Трапезундом, что должно объясняться не столько стремлением к первенству в духовном окормлении паствы, сколько политическим соперничеством двух небольших, но амбициозных империй. Традиционные союзнические отношения Алании и Византии по целому ряду причин были выгодны Константинополю, что с особенной яркостью проявляется во времена правления Комнинов (1081-1204 гг.), потомки которых основали династию Великих Комнинов в Трапезунде. Географическое расположение Трапезундской империи делало неизбежным ее стремление сохранить тесные экономические и политические связи с Кавказом и Крымом, хорошо отлаженные еще во времена существования Византии. Естественно, что Алания не являлась исключением. Еще в конце XI – начале XII в. предположительно из Нижнего Архыза (западная часть Алании) в Сотириуполь, на будущую территорию Трапезундского государства, переместилась архиерейская кафедра Аланской епархии [Малахов 1992 II: 151-153]. В общей канве борьбы за самостоятельность Трапезундского митрополита от Никейского патриаршего престола империя стремилась использовать местопребывание аланских владык для подчинения вверенной им епархии [Малахов 1992а: 156]. Подобная церковная политика должна была диктоваться государством, стремящимся к укреплению своих позиций в Алании. Великие Комнины сохраняли политический курс византийских Комнинов на тесное взаимодействие с аланским государством.

С другой стороны, Никейский патриарший престол не мог допустить потери епархии, находящейся в его законной юрисдикции. Да и светская власть стремилась сохранить традиционные сферы интересов Византии в Крыму и на Кавказе. В 1222 г. на никейский престол вззошел Иоанн III, выдающийся государственный деятель, подготовивший почву для воссоздания Византийской империи. В том же году Патриархом становится Герман II, предпринимавший самые энергичные меры для укрепления православия. Оказывая покровительство церкви, император стремился к контролю над ней,

что вполне соответствовало давней византийской политической традиции. Таким образом, оба первоиерарха – светский и церковный – проводили единую политику, направленную на усиление Никейской империи, что подразумевало восстановление позиций константинопольского патриаршего престола, переместившегося в новую столицу. Столкновение интересов Трапезунда и Никеи в Алании было закономерным результатом проводимой ими политики. Вполне вероятно, что именно религиозное влияние и являлось наиболее оптимальным, а возможно, и единственным рычагом воздействия на суверенное Аланское государство. Поэтому Трапезунд предпринимает энергичные действия для переподчинения епархии (об этом ниже). Герман II реагирует на это оперативно – уже в январе 1223 г. [Малахов 1992а: 156], т. е. спустя всего несколько месяцев после своей интронизации, он спешно отправляет в Аланию Феодора, незадолго до этого возведенного в сан епископа. Цель этой поездки вполне очевидна – сохранить страну в составе патриархата, что диктовалось не только церковными, но и государственными интересами. Таким образом, епископ выполнял не только пасторскую, но и политическую миссию [Малахов 1992а: 156-157].

Возможно, именно поэтому стиль «Аланского послания» (иносказательность, обильное привлечение символов) подчас затрудняет понимание упоминаемых событий и фактов. Потому и предлагаемое ниже концептивное изложение «Послания» не во всем совпадает с пересказами, существующими в литературе [Кулаковский 2000: 195-197; Кузнецов 1992: 320-322; Малахов 1992а: 156-157, 166-167]. Это вполне естественно, т. к. сам текст в силу своей специфики не дает возможности немедленного и однозначного понимания. Отметим, что и существующие пересказы, не говоря уже об интерпретациях, разнятся в деталях. Перейдем к поглавному изложению источника.

Глава 1. С самого начала завуалированно формулируются вопросы, интересующие адресата (Патриарха):

«...каков был наш путь, как (совершилось) наше продолжительное странствие, что приключилось и особенно, как направлял нас Святой Дух» [Кулаковский 2000: 198].

Затем в вопросительной форме формулируются своего рода пункты дальнейшего повествования:

«Было ли легче наше странствие, нашли ли мы прямой путь к нашей пастве? Или же, попавши в руки разбойников, бежали мы ради спасения жизни? Как обстоят дела и благополучны ли наши обстоятельства? Кончилось ли наше скитание или же мы еще пребываем в странствии? И в каком пункте одного из этих двух (мы пребываем)? Или мы еще и доселе не достигли нашей цели?» [Кулаковский 2000: 198-199].

Везде речь идет непосредственно о еп. Феодоре и его спутниках. Нигде нет и намек на епархию и ее паству. В центре внимания личность самого автора послания. Причина объяснена им в следующем пассаже:

«И я убежден, что это дело важное и заслуживающее немалого внимания, если кто вникнет в наши обстоятельства. Обычные приключения в подобного рода случаях готова разнести людская молва, хотя бы без всякого точного расследования» [Кулаковский 2000: 199].

Вероятно, патриархия имела негативную информацию о деятельности епископа Феодора и возглавляемой им миссии. Ему же важно оправдаться, что он и стремится сделать в письме к Патриарху.

Глава 2. Автор вновь констатирует, что речь пойдет о нем самом, т. к. это интересует столицу:

«Так как вы, отче и союз братства, которых единит Святой Дух, хотя бы они были и далеко друг от друга, желаете (знать обо мне), то я не знаю, как мне держать самый верный путь, который бы ознакомил вас с положением моих дел» [Кулаковский 2000: 199].

Глава 3. Определяется время написания (1225 г.) и указывается, что одно краткое письмо уже отправлялось «некоторым» – вероятно, в Никею. Далее в иносказательной форме тезисно излагаются злоключения членов миссии на начальном этапе путешествия, последовательно упоминаются двое их гонителей.

Глава 4. Еп. Феодор и его спутники высылаются (откуда?) вторым из гонителей и прибывают в Херсон, встретивший их поначалу благожелательно. Но целенаправленная деятельность преследовавшего их врага восстанавливает против них власти города и его жителей. В это время начинается какая-то смута, и члены миссии спасаются бегством.

Глава 5. Они спасаются в аланском селении близ города:

«...мы были беглецами в аланском селении неподалеку от Херсона» [Кулаковский 2000: 202].

Их гонитель по имени Цаман захватывает Херсон и, жажда смерти членов миссии, требует у алан их выдачи, угрожая в противном случае войной.

«Этот богоненавистный сделал набег и, очутившись в Херсоне, грозил войной малым аланам, если они нас не выдадут» [Кулаковский 2000: 202].

В итоге, после неудачной попытки сделаться тираном, Цаман бежит из города.

Глава 6. Следует довольно подробное описание крымских алан:

«Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонесцев, словно новое ограждение и охрана (города). Их я

увидал и они сами радостно сбегались вокруг родного пастора и окружали его. Желая чтобы мы гостили у них, они оказывали нам всяческие услуги. А мы воздавали им словом увещания, чтобы они жили согласно христову званию. Они же по истине (не постыжусь сказать и да не будет это для меня проявлением малодушия) – были стадо, рассеянное по горам, пустыням и пропастям земным, не имеющие ни стойла, ни навеса, выставленное на пожранье (диким) зверям. Не было пасущего их, хотя благовестие было для многих. Но это не было бы дозволено и желающим, ибо они вовсе не слышали, каким должен быть епископ» [Кулаковский 2000: 203].

Глава 7. Херсонский епископ, давно занимавший кафедру, возмущился контактами еп. Феодора с аланами и самим его пребыванием в Херсоне:

«Этот старец из давнего времени епископствовавший, считал для себя смертью, что аланы были у нас, или скорее, что мы были в Херсоне» [Кулаковский 2000: 203].

Епископ возмущился вторжением на его территорию. В результате члены миссии предаются суду.

Глава 8. Состоялся весьма пристрастный суд с обвинительными речами херсонского епископа и объяснением еп. Феодора. Приводится интересная реплика, ему же и адресованная:

«Но пропади ты с нечестивыми безбожными аланами, которые хуже скифов» [Кулаковский 2000: 204].

Толпа грозит расправой, но некий влиятельный местный житель спасает подсудимых.

Глава 9. Получив свободу, они на корабле отправляются в Боспор, претерпевая в пути многочисленные трудности.

Глава 10. Однако князь города, несмотря на мольбы горожан, из ревности не впустил отца еп. Феодора, также епископа.

Глава 11. Отец-епископ среди всевозможных лишений и трудностей остается с несколькими аланами:

«Отец (мой) остался там среди самого небольшого числа алан, перенося всякие бедствия, бедность, поношения, обиды, ибо не все приемлют слово духовное» [Кулаковский 2000: 206-207].

Остальные отправляются в Аланию, куда и попадают через 60 дней пути.

Глава 12. То, что еп. Феодор застаёт здесь, перекрывает все его предыдущие впечатления. Он потрясен увиденным.

Глава 13. В иносказательной форме описывается плачевное состояние паствы.

Глава 14. Следует повествование о драматических событиях, постигших епархию после смерти

правлящего добродетельного епископа. Тем, что «Церковь аланская была лишена украшения иметь главу», воспользовался некий иностранец, устроивший церковную смуту. При помощи подкупа он создает себе поддержку в местной среде. Используется и кризисная ситуация, существовавшая тогда в Алании:

«И каковы были ухищрения его и коварства; он восхищает бешенство стяжания в неких, склонных помогать ему, выставляя на вид простоту этого народа и трудность времен и то, что аланское племя легко может быть совращено» [Кулаковский 2000: 209].

Глава 15. Следует более детальное изложение событий, описанных в предыдущей главе. Местный аристократ, близкий родственник упоминавшегося епископа, по чьему-то наущению формирует группу иностранных авантюристов, в которую входит и некий лаз, принявший вид епископа. Воспользовавшись отсутствием архипастыря, он обманом захватывает церковную власть в стране:

«Найдя (аланскую церковь) пустую и лишённую всеисполняющего духа благого, вступает в нее свободной стопой, и последнее стало горше первого» [Кулаковский 2000: 209].

Узурпация церковной власти оказывается хуже ее отсутствия. При поддержке представителей аристократии лаз провозглашается епископом, они же взамен требуют от него вознаграждения.

Глава 16. Лаз правил деструктивно, попирая церковные каноны, и не было никого, кто бы разоблачил самозванца. Он незаконно рукоположил большое число иереев, после чего поспешно вернулся в Лазику.

Глава 17. Невероятность данной истории поразила еп. Феодора, узнавшего о ней по сторонним рассказам, а затем и по личным расспросам. Он не может понять, каким образом все это произошло, как паства забыла о еще недавно бывшем у них епископе; почему рукополагаемые не увидели всех производимых нарушений.

Глава 18. Вся вышеизложенная история правдива, но настолько невероятна, что еп. Феодор не осмеливался доложить о ней ранее.

Глава 19. В иносказательной форме автор описывает свое тяжелое положение, вызванное сложившейся ситуацией.

Главы 20-22. Не имея возможности обратиться к кому-либо за советом или инструкциями, еп. Феодор на свой страх и риск решает рукоположить некоторых иереев, т. к. их первое «рукоположение» не имело никакой законной силы. Автор дает подробное обоснование своим действиям, вызванным безвыходностью ситуации.

Глава 23. Констатируется трудность стоящей перед Феодором задачи – исправить положение, в котором оказалась аланская паства:

«Кто я, что бы мне быть вынужденным врачевать проповедью бедствия, одолевшие аланский народ?» [Кулаковский 2000: 215].

Глава посвящена иносказательному изложению этой мысли в различных вариациях. Отмечается, что при всех имеющихся трудностях ереси в Алании не появилось. Далее говорится о каком-то «злом заблуждении», постигшем паству, следом сообщается:

«...Кланяются они не изваяниям, но неким идолам на высоких местах» [Кулаковский 2000: 216].

Глава 24. Не изменяя стиль, автор продолжает развивать основную идею предыдущей главы. Первое же предложение является ее логическим завершением:

«Аланы христиане только по имени» [Кулаковский 2000: 216].

Затем сообщается, что небольшая часть пасомых не уклонилась от истинного пути.

Глава 25. Совершается плавный переход к очердному описанию трудностей, вставших перед автором «Послания».

Глава 26. Епископ Феодор с вполне прозрачным подтекстом просит молитв Патриарха и других представителей церковноначалия.

Итак, «Аланское послание», ставшее одним из основных источников по рассматриваемой проблеме, рисует яркую картину религиозной жизни в кризисный период раннесредневековой аланской истории. Отдельные фразы, взятые из этого произведения, стали, так сказать, «железным» обоснованием «поверхностной христианизации» аланского общества. При этом, как правило, игнорируется контекст. Более того, «Послание» ставится (на наш взгляд, совершенно искусственно) на службу изложенной выше теории. Показательным примером может послужить следующий отрывок из работы В. А. Кузнецова: «Таким образом, Юлиан свидетельствует о том же, что наблюдал и с такой экспрессией описал епископ Феодор: часть алан – христиане, но большая часть язычники» [Кузнецов 1992: 323]. **На самом деле ни еп. Феодор ни, забегая вперед, Юлиан этого не писали.** Подтверждение тому – тексты самих источников. Другими словами, не «Послание» и другие источники формируют научные выводы по аланской христианской истории, а сама устоявшаяся схема перекраивает смысл письменных свидетельств в стремлении адаптировать их в своих жестко очерченных границах.

Содержание «Аланского послания» позволяет определить характер данного источника – перед нами своего рода оправдательное письмо епископа Феодора, адресованное Константинопольскому (Никейскому) Патриарху. В центре повествования находится сам автор, обосновывающий мотивы своего поведения в двух

неординарных ситуациях – при столкновении с Херсонским епископом и при ликвидации последствий деятельности лазского «епископа». Центральным сюжетом произведения является рассказ о «повторных» рукоположениях с эмоциональным объяснением необходимости их совершения. Композиционно этот сюжет становится апогеем постепенно нарастающего пафоса повествования. Здесь четко прослеживается особый стилистический прием, при котором, образно говоря, плач рассказчика переходит в рыдания. Такому всплеску эмоций подчинены периферийные сюжеты, формирующие единый смысловой фон, который, в свою очередь, определяет причину «воплей» автора. Другими словами, обоснование необходимости (т. е. оправдание) «повторных» рукоположений требовало свидетельств о катастрофическом состоянии православия в Алании. Вполне естественно, что сгущение красок становится неизбежным, а общая картина рисуется со значительными искажениями, которые и позволяют рассказчику оправдать необходимость своих действий.

Попытаемся реконструировать последовательность и смысл описываемого епископом Феодором, опираясь на известные исторические факты.

Как уже говорилось, события 1204 г. привели к ослаблению власти Патриарха, чем, вероятно, и поспешил воспользоваться Трапезундский митрополит для подчинения епархий Крыма и Кавказа. Смерть преданного Никейскому (Константинопольскому) патриаршему престолу епископа Алании, последовавшая в это смутное время (гл. 14), вызвала спешный отъезд еп. Феодора в январе 1223 г. [Малахов 1992а: 156], командированного непосредственно Германом II. По-видимому, для решения схожей задачи в Боспор был отправлен другой епископ, отец (?) Феодора.

С самого начала какие-то люди всеми силами пытаются помешать миссии достичь пунктов своего назначения (гл. 3). Лишь путем преодоления значительных препятствий путешественники оказываются в Херсоне. Однако выясняется, что город ориентируется на Трапезунд, а не на Никею, и одному из преследователей, Цаману, удается настроить против миссии горожан, от которых еп. Феодор и его спутники спасаются бегством (гл. 4). Они находят защиту близ Херсона, причем именно среди аланского населения, которое хотя и несет охрану города, но в данный период находится в конфронтации с его властями.

Продолжая преследование, Цаман захватывает город и, угрожая объявлением войны, требует у алан выдачи никейских посланцев, но безуспешно. Вскоре он сам вынужден бежать из города, так и не достигнув своих целей в отношении миссии.

Вероятно, именно в силу выбранной в этот переломный период политической ориентации местные

аланы не окормлялись херсонским епископом, чем, превысив свои полномочия, и пытался воспользоваться еп. Феодор (гл. 6). Аланы проявили себя как твердые сторонники Патриарха, в то время как херсонский епископ ориентировался на трапезундского митрополита. В результате за свою деятельность среди и без того своевольного аланского населения еп. Феодор был предан суду. Судьи, естественно, настроены категорически против посланцев Германа II. В данном контексте и следует рассматривать приводимую реплику херсонского епископа, брошенную в адрес алан, единственных верных союзников еп. Феодора: «Но пропади ты с нечестивыми и безбожными аланами, которые хуже скифов» (гл. 8; «скифами» здесь скорее всего именуется какие-то тюркские кочевники). Совершенно очевидно, что мы имеем дело с политическим обвинением, а не с характеристикой религиозного состояния.

Спасшись от расправы толпы, миссия в сопровождении и под охраной алан отплывает в Боспор. Однако оказывается, что и здесь Никейский престол утратил свои позиции – правитель города не впустил присланного епископа. Тогда, удалившись из города, миссия разделилась – боспорский епископ с несколькими аланами остается на месте, а еп. Феодор, по всей видимости также сопровождаемый аланами, отправляется к месту своего назначения (гл. 9-11).

Достигнув наконец Алании после еще двухмесячного странствия, еп. Феодор обнаруживает, что опоздал, несмотря на всю возможную поспешность. Трапезунд более оперативно среагировал на отсутствие в стране правящего архиерея. В Аланию был отправлен специальный агент, целью которого являлась дестабилизация внутри местной церковной организации, что могло стать хорошим поводом для обвинения Никеи в неспособности управлять отдаленной епархией (с последующим ее переподчинением трапезундскому митрополиту). Понятно, что все это диктовалось государственными интересами молодой империи.

Социально-экономический кризис в Алании, усугубленный военным поражением 1222 г. от монгольской армии, и отсутствие правящего епископа, способного удержать вверенную ему церковную организацию от угрожавшего ей хаоса, способствовали частичной реализации планов Трапезунда. Используя выделенные империей денежные средства, лаз привлекает на свою сторону представителей местной аристократии, основную поддержку он получает со стороны очень влиятельного родственника покойного епископа (который, соответственно, и сам был аланом). Каким-то образом, используя созданную здесь же группу иностранных авантюристов, лаз провозглашает себя епископом и узурпирует церковную власть. Он правит нарочито деструктивно и намеренно совершает многочисленные

незаконные «рукоположения», которые как нельзя лучше могли бы внести хаос и подорвать влияние патриархии. Однако весть о приближении законного владыки заставила самозванного епископа поспешно вернуться в Трапезундскую империю.

По прибытии на место еп. Феодор застаёт плачевную картину последствий разрушительной деятельности трапезундского агента. Для их ликвидации первоочередной задачей становится решение вопроса о незаконно рукоположенных иереях, поэтому после долгих колебаний епископ все же решается на совершение «повторных» рукоположений, что подразумевало приведение появившегося вдруг «духовенства» к послушанию Патриарху, а значит – и постепенному восстановлению позиций Никеи в Алании (гл. 17-22). Еп. Феодор кратко сообщает в столицу о части произошедших событий (гл. 3), однако до Германа II доходит какая-то другая информация (гл. 1), компрометирующая епископа. Естественно предполагать, что в Аланию был отправлен запрос о деятельности лично еп. Феодора в ходе порученной ему миссии (гл. 1). После этого и рождается «Аланское послание» – письмо, в котором автор пытается оправдаться перед патриархией. Отсюда и избранный стиль изложения – описание всевозможных трудностей и жалобная образность, позволяющая сглаживать нежелательные эпизоды. Автор пытается объяснить, почему не доложил ранее обо всем, что произошло в Алании (гл. 18), и затем оправдывает свои действия, связанные со «вторичными» рукоположениями, экспрессивно описывая сложившуюся кризисную ситуацию (гл. 19).

Очевидно, что Никею в первую очередь интересовали два аспекта деятельности епископа: во-первых, эпопея в Херсоне, где им были явно превышены полномочия, что вполне могло обострить и без того сложные отношения с Трапезундом; во-вторых, история с рукоположениями в Алании. Известно, что повторное проведение таинства рукоположения над одним и тем же лицом незаконно, а неоднократное повторение подобного нарушения можно считать чем-то из ряда вон выходящим. Этим и объясняется стремление еп. Феодора оправдать свои действия. Необходимым подспорьем для подобного оправдания и должно было послужить явное **преуменьшение** степени христианизации аланского общества. В самом деле, судя по тексту источника, аланы являлись единственными сторонниками и защитниками миссии. Кроме того, автор неоднократно намекает, что описываемая им религиозная ситуация носит именно кризисный характер и для него самого достаточно неожиданна (гл. 11-14, 23). Этот подтекст и следует усматривать во фразе: «Аланы христиане только по имени» (гл. 24), выдержанной в оправдательной стилистике и занимающей свое место в общей композиционной структуре произведения.

Гораздо больший интерес представляет завершающее предложение предыдущей главы: «...и кланятся они не изваяниям, но неким идолам на высоких местах» (гл. 23). Вспомним, в следующей же главе отмечается, что аланское общество избежало ереси. Следовательно, процитированный пассаж относится к проявлению традиционных арийских культов, которые, во-первых, в принципе не могли полностью исчезнуть за несколько веков христианской истории алан и, во-вторых, должны были усилиться в период кризиса церковной организации.

Дохристианская арийская традиция и ее влияние на религиозную ситуацию в Алании – предмет специального исследования. Здесь же напомним, что дохристианские представления обладают большой жизнеспособностью и существуют в культуре различных православных народов в течение многих веков. Никого не удивляет, что наследие политеистических и даже демонических культов сохранялось в России или, например, в Грузии еще в XIX в. [Сагарадзе 1899; Рыбаков 2001; Рыбаков 2002], а в отдельных своих проявлениях продолжает существовать и в наши дни.

Таким образом, использование отдельных цитат, вырванных из контекста «Аланского послания», без учета исторических реалий и жанровых особенностей текста, непродуктивно и не может служить для объективной реконструкции религиозной ситуации в аланском обществе рассматриваемого периода.

Еп. Феодор вернулся в Никею к февралю 1226 г. [Малахов 1997а: 157], а спустя всего несколько лет, в 1238 г., Герман II в своем послании в Рим, написанном по повелению императора Иоанна III, сообщает следующее:

«Одно только добавлю и этим кончу, что, как явствует, существуют многие великие народы, которые веруют, как и мы, и с нами, греками, схожи во всем. Во-первых, те, что живут в ближней части Востока: эфиопы, затем сирийцы и прочие, еще более значительные и сильные, а именно: иберы, лазы, аланы, готы, хазары, неисчислимый народ Руссии и победоносное королевство улгар. И все они как будто послушны матери нашей (церкви), до сих пор пребывая неизменно в древней ортодоксии» [Матфей Парижский].

Несмотря на некоторые преувеличения, вызванные чисто политическим характером послания, Патриарх, естественно, должен был иметь какие-то основания для подобной характеристики алан. Как видно, этому не помешала информация, содержащаяся в письме еп. Феодора, – тем более что по прибытии в Никею он наверняка имел встречу с Германом II.

Обратимся к другим авторам XIII в. Выше уже приводился пассаж из так называемого «Рассказа Юлиана», иллюстрирующего кризисное состояние аланского

общества и государства. Приведем теперь отрывки, в определенной степени характеризующие степень христианизации самых широких слоев общества:

«Тут пришли они в страну, что называется Аланией, где живут вместе и христиане и язычники. (...) И всю неделю (люди. – М. М.) не могут никоим образом в малом числе выйти из своих селений за чем бы то ни было без личной опасности, за исключением единственно воскресного дня с утра до вечера; этот день так у них читится, что тогда всякий, сколько бы зла он не имел, в безопасности может невооруженный или в оружии ходить даже среди тех, у кого родителей убил или кому причинил иной вред. Те, кто там считаются христианами, соблюдают (обыкновенно) не пить и не есть из сосуда, в котором случайно издохла мышь или ела собака, прежде чем их священник не благословит сосуд, а кто поступает иначе, отчуждается от христианства. (...) Кресту оказывают такое почитание, что бедные люди, местные или пришлые, кто не может иметь многочисленных спутников при себе, во всякое время безопасно ходят и среди христиан и среди язычников, если водрузят на копье хоть какой-нибудь крест и будут нести, подняв кверху» [Адыги-1974: 31-32].

В известном труде «История монголов», написанном папским легатом Плано Карпини после его путешествия в Монголию (1245-1247 гг.), имеется интересное сообщение, касающееся населения Орнаса.

«Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно хазар, русских, аланов и других, а также сарацин [Плано Карпини и др. 1997: 51].

Бенедикт Поляк, один из спутников Плано Карпини, сообщает следующее:

«...братья, которые шли через Комания, имели справа от себя землю саксинов, которых мы считаем готами и которые являются христианами; далее, аланов, которые христиане; затем газаров, которые христиане» [Алемань 2003: 208].

Со слов членов свиты Карпини называет алан христианами и францисканец Фра К. де Бридиа [Алемань 2003: 208-210; Христианский мир 2002: 111].

В 1253 г., в ходе дипломатической миссии в Карокорум (1253-1255 гг.), с аланами столкнулся другой францисканский монах, посланник французского короля Людовика IX – Гильом де Рубрук. В описании своего путешествия Рубрук приводит интересные сведения, касающиеся рассматриваемой темы. Они относятся как к крымским аланам, с которыми автор встречался непосредственно, так и собственно к кавказской Алании, на территории которой он не был, но обладал определенной информацией, полученной,

видимо, при путешествии через южнорусские степи. Пожалуй, наибольший интерес представляет следующий отрывок, содержащий описание крымских алан:

«Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие аланы, которые именуются там аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмена и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц. Они принесли нам вареного мяса, прося покушать их пищи и помолиться за одного усопшего их. Тогда я сказал им, что теперь канун столь великого праздника и что в такой день мы не будем есть мясо, и объяснил им этот праздник, чему они очень обрадовались, так как не знали ничего имеющего отношения к христианскому обряду, за исключением только имени Христова. Спрашивали также они и многие другие христиане, русские и венгры, могут ли они спастись, потому что им приходилось пить кумыс и есть мясо животных или павших, или убитых сарацинами и другими неверными, что даже сами греческие и русские священники считают как падаль или как принесенное в жертву идолам, а также потому, что они не знали времени поста и не могли соблюдать его, даже если бы знали. Тогда я разъяснил им, как мог, научая и наставляя их в вере» [Плано Карпини и др. 1997: 104-105].

В приведенном отрывке содержится несколько любопытных деталей. С самого начала констатируется православное вероисповедание алан, наличие у них письменности и православного (греческого) духовенства, веротерпимость к христианским конфессиям. Затем следует неожиданное заявление о практически полной безграмотности в отношении христианского вероучения. Судя по тексту источника, подобный вывод был сделан на основании: казуса с преподнесенным не вовремя мясом; предрассудками, касающимися употребления кумыса и пр.; личного общения. Посмотрим, насколько весомы доводы францисканца.

Дело в том, что дни постов в православном и католическом церковных календарях совпадают далеко не всегда. В православном календаре день накануне Пятидесятницы постным не является. Поэтому отказ Рубрука и его спутников отведать вареного мяса и их наставления относительно самого праздника должны были вызывать удивление и вежливое внимание, продиктованное отмеченной автором веротерпимостью. Более того, день католического поста оказался неизвестным греческому и русскому духовенству, представителей которого Рубрук также наставлял в вере (!).

Теперь о предрассудках в отношении употребления кумыса и определенного мяса. Здесь явно проглядывает проявление антагонизма «завоеватель –

побежденный», не имеющего никакого отношения к сущности христианства. Кроме того, данная традиция была характерна для самых разных народов и их духовенства. Наглядным подтверждением может служить следующий отрывок из книги францисканца:

«Он (Скатай, татарский предводитель. – М. М.) так же спросил у нас, хотим ли мы пить кумыс, то есть кобылье молоко. Ибо находящиеся среди них христиане, русские, греки и аланы, которые хотят крепко хранить свой закон, не пьют его и, даже когда его выпьют, не считают себя христианами, и их священники примиряют их тогда (со Христом), как будто они отказались от христианской веры» [Плано Карпини и др. 1997: 104].

Далее. Личное общение Рубрука с аланами не могло быть достаточно информативным. Понятно, что разговор происходил только с помощью переводчика, которому сам францисканец дает крайне низкую оценку. Приведем две цитаты, позволяющие подтвердить сказанное. «Тогда я изложил ему (Скатаю. – М. М.) как мог, при посредстве своего толмача, человека вовсе не развитого и не обладавшего никаким красноречием, Символ веры» [Плано Карпини и др. 1997: 104]. «Но больше всего удручало меня то, что я бессилён был сказать им какое-нибудь слово проповеди; мой толмач говорил: "Вы не можете заставить меня проповедовать, потому что я не умею говорить таких слов". И он говорил правду. Ибо впоследствии, когда я начал немножечко понимать язык, я узнал, что, когда я говорил одно, он говорил совсем другое, что ему приходило в голову. Тогда, видя опасность говорить при его посредстве, я предпочел больше молчать» [Плано Карпини и др. 1997: 107].

Касательно кавказской Алании Рубрук сообщает следующее:

«К югу от нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, черкисы и аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар. За ними, вблизи моря или озера Этили, находятся некие сарацины, именуемые лесгами, которые равным образом не подчинены (татарам)» [Плано Карпини и др. 1997: 109].

Еще один пассаж может касаться как крымских, так и кавказских алан:

«Что касается до Сартака (хан Золотой Орды, сын Бату. – М. М.), то я не знаю, верует ли он во Христа или нет. Знаю только то, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан, то есть русских, валахов, болгар Малой Булгарии; солдаинов, керкисов и аланов, которые все проезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан» [Плано Карпини и др. 1997: 114].

И, наконец, последний источник, относящийся к XIII в. Это небольшой отрывок из работы персидского автора Джувейни (1226-1283 гг.), приводимый в пересказе А. Алеманя:

«Поскольку монгольский император Гуюк (1246-1248 гг.) благосклонно относился к христианам благодаря влиянию своего приближенного Кадака и канцлера Чинкая (которые были несторианцами), Священнослужители Дамаска, Рума, Багдада, страны Ас и страны Рус обратили свои лица к его двору, когда разнеслась весть об этом» [Алемань 2003: 476].

Источники XIV века

Абульфедда (1273-1331), арабский географ:

«...аланы являются тюрками, которые приняли христианство... В соседстве находится народ тюркской расы, называемый асами; этот народ того же происхождения, той же религии, что и аланы» [Гаглойти 2000/3: 220-221].

Определенную настороженность могло бы вызвать отнесение алан к числу тюркских народов, однако далее тюрками называются и русские [Гаглойти 2000/3: 221].

Приведем еще одно свидетельство – отрывок из компилятивного труда сирийского шейха Ал-Димашки (в пересказе А. Алеманя):

«...аланы и дунайские болгары (...) так же как и западные черкесы (...) граничат с русскими и, как считается, являются их братьями: все они – христиане» [Алемань 2003: 336].

Источники XV века

Из работы доминиканца, архиепископа Султанийе (северо-западная Персия) Иоанна III, законченной в 1404 г.:

«...в этой стране (Великой Татарии) много христиан, а именно: греки, много армян, зики, готы, таты, влахи, русские, черкесы, леки, асы, аланы, авары, карикумыки и почти все они говорят на татарском языке» [Алемань 2003: 222].

Греческий автор Лаоник Халкондил (ок. 1432-1490 гг.) свидетельствует:

«С городами верхней Иверии граничат аланы, гунны и амбы. Аланы, по-видимому, простираются до подножия Кавказа; они славятся как отважные воины, искуснейшие в военном деле и делают превосходные латы. Они также чтут Господа Иисуса Христа, говорят на особом своем языке и из бронзы изготавливают оружие, называемое аланским» [Алемань 2003: 301-302].

Иосафат Барбаро (нач. XV в. – 1493 г.), венецианский дворянин, в 1436-1452 гг. живший в г. Тане

(устье р. Дон), был неплохо осведомлен не только о крымских и кавказских аланах, но, вероятно, и о донских. Не вызывает сомнений, что за время своего шестнадцатилетнего пребывания в Тане венецианец имел неоднократные встречи с аланами, к тому же он совершил путешествие в Орду [Адыги-1974: 41].

«Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются Ас. Они – христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, побережьях, на равнинах; там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого, цельного камня. Эти курганы бесчисленны...» [Барбаро 1971: 137-138].

«Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и как бы смешали свое имя с именами аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, так же и черкесы» [Гаглойти 2000/4: 249].

Сведения еще одного автора XV в., И. Шильтбергера, уже приводились при рассмотрении вопроса о существовании богослужения и письменности на аланском языке.

Завершая свод письменных данных по истории христианства в Алании, следует оговорить, что в него вошли не все известные свидетельства, часть из них оказалась для нас недоступной. Приведенные источники отражают общую динамику религиозных процессов, происходивших в аланском обществе на протяжении нескольких веков.

Необходимо затронуть принципиальный вопрос об аланах «язычниках», упоминаемых несколькими современными авторами средневековья, а именно Ибн Рустэ (начало X в.), Масуди и Абу эль-Кассимом (середина X в.), неизвестным автором труда «Худуд ал-алам» (конец X в.) и Юлианом (первая половина XIII в.).

Важно отметить, что ни один из перечисленных авторов не называл язычниками алан как таковых. Во всех случаях существует четкое разделение – часть «христиане», часть «язычники». При попытке проследить во времени изменения в численном соотношении этих групп получаем следующую картину.

Начало X в. (Ибн Рустэ): «...большая часть жителей (...) кефиры и поклоняются идолам» [Караулов 1903: 49].

Конец X в. («Худуд ал-алам»): «Среди них (алан. – М. М.) есть христиане и идолопоклонники» [Алемань 2003: 467].

Первая половина XIII в. (Юлиан): «Тут пришли они в страну, что называется Аланией, где живут вместе и христиане, и язычники» [Адыги-1974: 31].

Даже столь скудные сведения и ограниченное число авторов (Масуди и повторяющий его эль-Кассим сообщают только о вере аланских царей) позволяют получить некоторое представление об общей тенденции изменения численности представителей разных конфессий. Фиксируется численный рост последователей христианства за счет количественного уменьшения представителей другого вероисповедания, что хорошо согласуется с информацией приведенных письменных свидетельств. Однако следует констатировать устойчивое сохранение определенной части аланского общества, продолжавшего при держиваться так называемого «язычества». Полученная картина вполне логична и не вызывает особых

вопросов. Поначалу отдельные группы аланского общества проходят стадию постепенной христианизации, а после утверждения православия в качестве государственной религии начинается процесс его широкого распространения. Подобная схема достаточно универсальна и известна в истории многих христианских народов.

Таким образом, информация, содержащаяся в предлагаемом своде письменных источников, свидетельствует, на наш взгляд, о неправомерности утверждений о «поверхностной христианизации» аланского общества. Напротив, Алания предстает одним из развитых православных государств, входивших в зону влияния Византийской цивилизации. Данный вывод можно подтвердить комплексом материалов археологии и церковной архитектуры, но это должно стать темой отдельного исследования.

Библиография:

- Абаев 1949 – Абаев В. И. Историческое в нартском эпосе // Нартский эпос. Сборник статей. Дзауджикау: Гос. изд-во СОАССР, 1949.
- Абаев 1949а – Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: АН СССР, 1949.
- Абаев 1990 – Абаев В. И. Избранные труды. Т. 1. Владикавказ: Ир, 1990.
- Адыги-1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974.
- Албегова 2000 – Албегова З. Х. Палеосоциологическое исследование религии алан V-XII вв.: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 2000.
- Алемань 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003.
- Аржанцева, Албегова 1999 – Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культурные камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Армянские источники 1985 – Армянские источники об аланах / Сост. Р. А. Габриелян // Центр науч. информац. по обществ. наукам. Сер. 1, № 3 (45). Вып. 1. Ереван, 1985.
- Артамонов 2001 – Артамонов М. И. История хазар. Изд. 2-е. СПб.: Лань, 2001.
- Барбаро 1971 – Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
- Бахрах 1993 – Бахрах Бернард С. Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья) / Пер. с англ. И. Б. Санакоева. М.: Ард, 1993.
- Белецкий 2004 – Белецкий Д. В. Заметки о нузальском храме // Историко-филологический архив. № 2. Владикавказ, 2004.
- Бернштейн 1984 – Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Бизарти 1998 – Бизарти Б. К. Православная Алания // Православный Владикавказ. 1998. № 24.
- Бибиков 2001 – Бибиков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб.: Алетейя, 2001.
- Биджелов 1992 – Биджелов Б. Х. Социальная сущность религиозных верований осетин. Владикавказ: Ир, 1992.
- Бларамберг 1992 – Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992.
- Блиев, Бзаров 2000 – Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ: Ир, 2000.
- Ванеев 1989 – Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. 1. Цхинвал: Ирыстон, 1989.

- Гаглойти 1999/2000* – Гаглойти Ю. С. Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах // Дарьял. 1999, № 1-4; 2000, № 1-4.
- Гаглойти 1992/93/95* – Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах // Дарьял. 1992, № 1-2; 1993, № 1-2; 1995, № 1-3.
- Гамбашидзе 1976* – Гамбашидзе Г. Г. Памятники грузинской культуры в Двалетии // Сабчота Хеловнеба. 1976. № 3 (на груз. яз.).
- Гамбашидзе 1977* – Гамбашидзе Г. Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.
- Гамрекели 1961* – Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. н. э. Тбилиси, 1961.
- Гассиева 2000* – Гассиева М. Б. О некоторых обрядах, связанных с культом Аларды // Известия ЮОНИИ. Вып. XXXVI. Цхинвал: Ирыстон, 2000.
- Гатуев 1901* – Гатуев А. Христианство в Осетии. Исторический очерк. Владикавказ, 1901.
- Геден 1992* – Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.; Пятигорск, 1992.
- Гутнов 1992* – Гутнов Ф. Х. Социальные аспекты эволюции религиозной системы алан // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ, 1992.
- Дзаттиаты 2002* – Дзаттиаты Р. Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002.
- Долидзе 1954* – Долидзе В. О. «Хозита–Майрам» – документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа // Сообщения АН ГССР. Т. XV. № 2. 1954.
- Емельянова 2003* – Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.: РИК, 2003.
- История Европы 1992* – История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М.: Наука, 1992.
- История 1959* – История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1959.
- История 1987* – История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1987.
- Кантария 1989* – Кантария М. В. Некоторые стороны традиционно-ритуальной религии осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе: Ир, 1989.
- Караулов 1901-1903* – Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. Вып. 29, 1901, Отд. 1, с. 1-73; Вып. 31, 1902, Отд. 1, с. 1-57; Вып. 32, 1903, Отд. 1, с. 1-63; Вып. 38, Отд. 1, с. 1-130.
- Клапрот 1992* – Клапрот Г.-Ю. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан // Аланы и Кавказ. Владикавказ. Цхинвал, 1992.
- Кодзаев 1903* – Кодзаев А. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.
- Кокиев 1928* – Кокиев Г. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.
- Кузнецов 1971* – Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.
- Кузнецов 1977* – Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977.
- Кузнецов 1990* – Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990.
- Кузнецов 1992* – Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Изд. 2-е. Владикавказ: Ир, 1992.
- Кузнецов 1993* – Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X-XII веках. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993.
- Кузнецов 2002* – Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: Ир, 2002.
- Кузнецов 2003* – Кузнецов В. А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003.
- Кулаковский 2000* – Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост. С. М. Перевалов. СПб.: Алетей, 2000.
- Магомедов 1968* – Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968.
- Магомедов 1974* – Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
- Макарий 1994* – Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга первая. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.
- Малахов 1992* – Малахов С. Н. К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII-XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
- Малахов 1992a* – Малахов С. Н. Малоизвестное свидетельство об аланах в житии Феодора Эдесского. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
- Мартиросян 1988* – Мартиросян А. А. Маштоц. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988.
- Матфей Парижский* – Матфей Парижский. Тексты // Интернет.

- Миллер 1893* – Миллер В. Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // *Материалы по археологии Кавказа*. Т. III. М., 1893.
- Миллер 1992* – Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
- ОГРИП* – Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) / Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967.
- Пищулина, Аликов 2004* – Пищулина В., Аликов Р. Нары-дзуар – святилище или христианский храм? // *Северная Осетия*. 2004. № 38.
- Плано Карпини и др. 1997* – Плано Карпини Дж. дель. История монгалов / Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997.
- ППКОО-1* – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. 1. Цхинвал: Ирыстон, 1981.
- ППКОО-2* – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. 2. Цхинвал: Ирыстон, 1982.
- ППКОО-3* – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. 3. Цхинвал: Ирыстон, 1987.
- Пфаф 1871* – Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // *Сборник сведений о Кавказе*. Т. I. Тифлис, 1871.
- Пфаф 1872* – Пфаф В. Б. Этнологические исследования об осетинах // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Т. II. Тифлис, 1872.
- РОО-1* – Русско-осетинские отношения в XVIII веке: Сборник документов. В 2-х т. / Сост. М. М. Блиев. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1976.
- Рыбаков 2001* – Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: София, Гелиос, 2001.
- Рыбаков 2002* – Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: София, Гелиос, 2002.
- Сагарадзе 1899* – Сагарадзе М. Обычаи и верования в Имеретии // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 26. Тифлис, 1899.
- Скитский 1947* – Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // *Известия СОНИИ*. Т. XI. Дзауджикау: Сев.-Осет. гос. изд-во, 1947.
- Сланов 2004* – Сланов А. А. Памятники Куртатинского ущелья. Культурные сооружения // *Дарьял*. 2004. № 1-2.
- Тменов 1985* – Тменов В. Х. Древние верования осетин и ингушей и их отражение в памятниках материальной культуры // *Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе*. Орджоникидзе, 1985.
- Тменов 1992* – Тменов В. Х. Осетинское язычество в системе средневековых религиозных верований народов Северного Кавказа // *Проблемы этнографии осетин*. Вып. 2. Владикавказ, 1992.
- Тменов и др. 2000* – Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гонобоблев Е. Н. Религиозные воззрения осетин (история религии – в истории народа): Хрестоматия. Владикавказ, 2000.
- Толстой 1997* – Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1997.
- Турчанинов 1990* – Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ: Ир, 1990.
- Уарзиаты 1995* – Уарзиаты В. С. Праздничный мир осетин. М., 1995.
- Христианский мир 2002* – Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002.
- Христианство 1995* – Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.
- Чибиров 1984* – Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвал: Ирыстон, 1984.
- Чибиров 1976* – Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал: Ирыстон, 1976.
- Чичинадзе 1993* – Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Цхинвал, 1993.
- Шегрен 1998* – Шегрен А. М. Осетинские исследования / Сост. и перев. Т. Т. Камболов. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998.
- Яновский 1993* – Яновский А. Осетия. Цхинвал, 1993.
- Engberg, Lubotsky 2003* – Engberg S., Lubotsky A. Alanic Marginal Notes in a Byzantine Manuscript: A Preliminary Report // *Nartamongæ*. Vol. II. № 1-2. 2003.
- Zgusta 1987* – Zgusta Ladislav. The Old Ossetic Inscription from the River Zelenchuk. Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1987.

Н. Н. Лысенко

Аланские походы 132-135 гг. в Закавказье и Парфию (к геополитическому положению сармато-аланов Волго-Донского междуречья во II в. н. э.)

В «Арбельской хронике», принадлежащей перу сирийского монаха VI в., указывается, что в правление парфянского царя Вологеса II (105/6-147 гг. н. э.) около 135 г. н. э. произошло массированное вторжение каких-то северных кочевников на территорию Адиабены – одной из наиболее процветающих провинций Парфянской империи. Несмотря на неожиданность вторжения, бои здесь приняли затяжной характер, ибо на помощь ополчению Адиабены подошли значительные военные силы парфян, вероятно под командованием одного из сыновей Вологеса II (в тексте хроники поименован как Аршак). Когда победа кочевников была уже совсем близка, их военачальник – некий Кизо – получил послание от своих родовичей. Они сообщали ушедшему в боевой поход войску о нападении на их родные города какого-то сильного варварского племени, прибывшего морем и грабящего все на своем пути. Войска Кизо вынуждены были покинуть территорию Адиабены, вернулись домой и в результате тяжелых двухмесячных боев сумели разгромить нежданного противника [Пигулевская 1941: 97; Алемань 2003: 501].

Н. В. Пигулевская видела в воинах Кизо аланов и полагала, что сообщение сирийского хрониста относится к походу аланов на Парфию в 135 г. н. э. [Пигулевская 1956: 83-84]. С. А. Яценко обоснованно, на наш взгляд, датирует этот парфянский балц северных кочевников более ранним временем (ок. 132 г. н. э.) и связывает его с «аланами-массагетами», которые ушли в поход на Адиабену с территории Восточного Предкавказья [Яценко 1998: 87]. Исследователь отмечает, что этим же временем – около 132 г. н. э. – датируется письмо легата Каппадокии Флавия Арриана к императору Адриану, в котором упоминается о реальной возможности массированной римской интервенции в Приазовье в связи с какими-то серьезными осложнениями политической обстановки в регионе [Аг. Periopl. 17,3]. Возможно, что эти два события имеют некие общие корни, однако для нас представляется более важным констатировать весьма масштабную набеговую деятельность предкавказских аланов, вновь вторгшихся в самое сердце Парфянской империи и сумевших на вражеской территории на равных противостоять отборным правительственным войскам царя Вологеса II.

Следующий поход аланов в Закавказье и Переднюю Азию, несомненно, состоялся около 135 г. н. э. (по крайней мере, именно в этот год произошло военное соприкосновение аланов с каппадокийскими легионами Флавия Арриана). Маршрут движения этой аланской орды долгое время был предметом научной дискуссии [Габуев 1997; Берлизов 1997; Гутнов 2001: 139 сл.]. Разногласия мнений вызывалась разной трактовкой информации Диона Кассия – основного источника по данному вопросу, точнее – использованием разных переводов источника. Согласно наиболее распространенному переводу В. В. Латышева, источник повествует о следующем:

«...Война была поднята из земли аланов, по происхождению массагетов, Фарасманом (Фарасман II, царь Иберии в 30-50-е гг. II в. н. э. – Н. Л.); она сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии, но затем прекратилась вследствие того, что аланы были подкуплены дарами Вологеса, а с другой стороны, побоялись правителя Каппадокии Флавия Арриана» [Dio. Cass., Rom. hist., LXIX, 15].

Опираясь на данный перевод, Н. Е. Берлизов в ряде публикаций попытался доказать, что аланы предприняли в 135 г. поход из закаспийских степей, пройдя в Мидию, как некогда в 72 г. н. э., южным берегом Каспийского моря через Гирканию [Берлизов 1994: 70; Берлизов, Каминский 1993: 108]. Действительно, если буквально следовать за переводом В. В. Латышева, получается, что от набега аланов вначале пострадала Мидия, и только затем Армения, что было бы заведомо невозможно, если бы аланская рать шла с севера через Дарьял.

Ф. Х. Гутнов в этой связи совершенно справедливо указывает на перевод К. Гана, в котором политическая миссия иберийского царя Фарасмана II обозначена гораздо четче, а маршрут аланов в Мидию уже не вызывает разночтений:

«Фарасман, царь Иберский, подучил Аланов или Массагетов напасть на владения Парфян и пропустил их через свои земли. Набеги этих варваров, главным образом, были направлены на Мидию, и только боязнь римского могущества,

по-видимому, спасла Армению и Каппадокию от их вторжения. Они возвратились в свою землю, испугавшись Флавия Арриана, правителя Каппадокии, и удовлетворившись дарами, которыми их осыпал Вологес II, царь Парфянский» [Ган 1884: 173; Гутнов 2001: 142].

Столь существенная разница в информационной базе переводов разных исследователей во многом объясняется спецификой данного источника. Как отмечает С. М. Перевалов, фактически не существует оригинала интересующего нас сообщения в 69-й книге Диона Кассия. Последние двадцать книг Диона, с 61-й по 80-ю, утрачены, и до нашего времени дошли только их позднейшие пересказы и эпитомы. Фрагмент 69.15.1, полагает исследователь, сохранился в трех версиях: 1) в т. н. «извлечениях о посольствах» (excerpta de legationibus), сделанных при Константине Багрянородном; 2) в «Эпитоме римской истории Диона Никейского» Ксифилина (составлена в 1071-1078 гг.); 3) во всемирной «Краткой истории» Иоанна Зонары (XII в.). Далее С. М. Перевалов подробно разбирает фактографические достоинства и недостатки указанных версий, а в завершение анализа предлагает свое прочтение Диона Кассия, опираясь на сводный текст источника, восстановленный У. Буассевэном на основе эпитомы Ксифилина и «извлечений» [Boissevain 1890: 25]:

«Как только закончилась Иудейская война, тотчас другая была поднята из (страны) аланов (называемых массагетами) Фарасманом, сильно опустошила Албанию и Мидию, а Армению и Каппадокию только затронула. Затем, когда аланы были ублажены дарами Вологеса с одной стороны, и напуганы архонтом (правителем) Каппадокии Флавием Аррианом – с другой, (война) прекратилась» [Перевалов 1998: 99].

Такое прочтение указанного фрагмента сочинения Диона Кассия, по-видимому, не оставляет больше сомнений по поводу маршрута движения аланского войска в 135 г. Аланы, призванные царем Иберии, прошли с севера, через Дарьял, и вначале обрушились на Албанию. Скорее всего изначально эта закавказская страна была избрана в качестве главного объекта атаки аланов, поскольку союзник аланов Фарасман II был заинтересован в умалении военно-политической мощи именно этого государства [Тревер 1959: 131]. Лишь затем удар был нанесен по Мидии-Атропатене, а на территорию Армении и Каппадокии были совершены скорее рекогносцировочные, нежели действительно захватнические рейды. Важным аргументом в пользу предположения об албанской направленности данного похода аланов служит свидетельство Фемистия [Them. 34.8 = Wirth-Roos. 1968. Te. 13] о том, что наместник Каппадокии Флавий Арриан в ходе кампании по

выдавливанию аланов из Закавказья доходил до Каспийских ворот (Дарьяла) и «устанавливал границы» иберов с албанами [Bosworth 1977: 229]. Римская администрация на Востоке, конечно, прекрасно знала о подлинной политической подоплеке произошедших событий и взялась умиротворять вовсе не аланов, а их иберийскую креатуру, имевшую, вероятно, свои особые виды на сопредельные районы Албании.

Этот поход, бесспорно, очень обогатил «аланский народ копьеносцев». По точному наблюдению С. М. Перевалова, «аланы взяли дань с Вологеса Парфянского, поскольку сильно опустошили его провинцию Мидию» [Перевалов 1998: 99]. Действительно, после беспрепятственного разграбления двух цветущих стран было бы крайне неразумно пускаться в дальнейшие военные авантюры, имея по фронту правительственное парфянское войско, а с фланга идущие форсированным маршем каппадокийские легионы римлян. Аланы в любом случае вынуждены были бы прекратить агрессию (хотя бы ввиду крайнего переполнения трофейного обоза), а коль скоро им предлагали за это еще и золото, то их ухода из Закавказья не пришлось долго ждать.

Армянский царь Вагарш I направил в Рим свое посольство с жалобой на владельца Иберии Фарасмана. Вагарш, бесспорно, действовал по указанию парфянского царя [Моммзен 1995: 298-299]. Император Адриан вызвал Фарасмана II в Рим. В 138 г. н. э. иберийский царь появился перед престолом римского императора и, как отметил Дион Кассий, так успешно защищал перед сенатом свои поступки, что был совершенно оправдан, «владения его были увеличены и ему самому оказаны в Риме необыкновенные почести» [Ган 1884: 173-174]. Вполне возможно, что в этом случае внешнеполитическим ведомством Адриана была разыграна обычная дипломатическая инсценировка, призванная показать справедливость и беспристрастность мировой империи. На самом же деле в Риме хорошо представляли действительную ценность Фарасмана II как надежного союзника, а парфянские интересы хотя и учитывали, но отнюдь не стремились рьяно их защищать, особенно в ущерб своему собственному геополитическому положению на Востоке. Отсюда возникла необходимость в публичном допросе иберийского союзника с последующим воздаянием ему неслыханных дипломатических почестей (слон и пятьдесят человек охраны – в подарок, возможность принести жертву в Капитолии, поставить собственную конную статую на Марсовом поле и т. д.) [Меликишвили 1959: 358]. Создается впечатление, что некоторое неудовольствие Рима было вызвано не самим фактом привлечения аланов к военным действиям в Закавказье против Парфии и колеблющегося союзника (Албания), а тем,

что эти степные варвары вышли за границы отведенной им сферы военной активности, в которую в тот период, по мнению римлян, никак не попадала Армения, а уж тем паче Каппадокия.

Некоторые исследователи полагают, что вслед за походом аланов в 135 г. н. э. наступил длительный (на 80 лет!) период затишья в военно-политической экспансии этих иранских кочевников в Закавказье. Причина этого не объясняется, но по косвенным указаниям можно понять, что она и в том, что «в Каппадокии закованные в сталь "массагетские" катафрактары были разбиты Аррианом» [Яценко 1998: 87]. Категоричность суждения еще не означает его обоснованности. По крайней мере, С. М. Перевалов, специально исследовавший проблему военной тактики у аланов II в. н. э., не столь категоричен и, допуская возможность одного или нескольких боев между римлянами и аланами, считает все же, что до решительного сражения дело не дошло [Перевалов 1997: 129]. Имеются веские основания полагать, что прямого военного столкновения между аланами и римлянами в Каппадокии не было вовсе. Возможно, что происходили какие-то военные маневры, похожие на демонстрацию сил, но открытого боевого противоборства скорее всего не состоялось. Если бы оно произошло, вряд ли император Адриан стал бы дарить Фарасману II ручного слона и любоваться военными упражнениями этого иберийского владетеля на Марсовом поле.

Каппадокийские и сирийские легионы римской армии не отличались боеспособностью. Еще в 57-58 гг. н. э. консулярный легат Каппадокии Гней Домиций Корбулон столкнулся с полной небоеспособностью вверенных ему войск. Несмотря на примененные поистине драконовские меры (неумолимо строгая дисциплина, децимация, разбивка зимнего военного лагеря в горах Армении), боеспособность каппадокийских и сирийских легионов оставалась настолько низкой, что Корбулон вынужден был запрашивать Рим о переброске ему одного из европейских легионов [Моммзен 1995: 283-284]. Позже, в 114 г. при подготовке похода против Парфии, с аналогичной проблемой столкнулся император Траян, вынужденный так же совмещать тактику палочной дисциплины в отношении малоазийских и сирийских солдат с опорой на специально перебросенные из Паннонии европейские легионы. Тацит, бывший в 97 г. консулом, а в 112 г. – проконсулом римской провинции Азия, оставил поразительное описание так называемых «сирийских» солдат.

«Римские войска, с давних пор отвыкшие от военной службы, пришли в глубокий упадок; но самыми негодными среди солдат были сирийские – недисциплинированные, упрямые, неисправно выходящие на зов, бросающие свой пост, с

полудня пьяные; они разучились даже носить оружие, были неспособны переносить лишения; сбрасывая с себя одну часть вооружения за другой, они оставались наполовину обнаженными, как легко вооруженные или стрелки [из лука]. Кроме того, они были настолько деморализованы понесенными неудачами, что при первом же появлении парфян пускались наутек, и звуки [боевого] рога служили для них как бы сигналом к бегству» [Тас. Ann. 13,35].

Напомню, что это сообщение известного римского историка отражает состояние армии Гнея Корбулона, однако, если сравнить его с описанием сирийской армии Траяна у Фронтинуса, то окажется, что последний почти текстуально повторил приговор Тацита [206 f.ed.Naber].

Зная суровые староримские методы, которые применяли Корбулон и Траян для поддержания боеспособности восточных легионов, легко понять, что после 18 лет военного затишья при Адриане с его отчетливым филэллинизмом боевой потенциал каппадокийских солдат мог оказаться только в области абсолютно нуля. Косвенным доказательством полной небоеспособности римских военных сил, сосредоточенных в Каппадокии, может служить вычурная, многословная и оттого совершенно бесполезная с военно-тактической точки зрения «Диспозиция против аланов», написанная наместником Флавием Аррианом. При чтении этого странного документа поневоле возникает мысль, что Арриан писал свою «Диспозицию» почти в состоянии аффекта, пораженный неожиданным известием о приближении аланского войска и с ужасом сознавая, что у него отсутствуют какие-либо реальные силы, способные остановить эту лавину. Так возникла почти безумная идея написать детальную инструкцию для конкретного боя, адресованную командирам среднего звена, чтобы хоть как-то разъяснить им – что и в какой последовательности они должны делать в боевой обстановке. Чего стоят, например, такие рекомендации: **«Легионеры первого ряда при приближении противника должны выставить свои пики и держать их на уровне груди коней приближающегося противника. (...) Воины 4-го ряда должны метнуть свои копья поверх голов передних воинов по коням и всадникам противника. (...) Если скифы предпримут атаку на фланги, кавалерия должна внезапно напасть на них. Всадники должны орудовать мечами и секирами без промедления»** [Арриан. Диспозиция. Цит. по: Бахрах 1993: 150-153]. Понятно, что если легионеры нуждаются в разъяснении, на каком уровне им следует держать свои копья при приближении конных турм противника, а воинам 4-го ряда объясняется, что метать свое оружие они должны

непрерывно поверх голов впереди стоящих однополчан, – в этих случаях можно считать, что армии не существует вовсе. Видимо, Флавий Арриан и сам понял всю бессмысленность своей затеи, благодаря чему «Диспозиция» так и осталась незаконченной. Каппадокийские легионы эллинофила Арриана выручила, конечно, не «Диспозиция», а величайший военно-политический авторитет императорской власти, который в разные периоды истории Рима жестко утверждали на периферии античного мира солдаты италийского, кельтского, германского, а затем и славянского происхождения. Как могли распорядиться этим авторитетом согнанные в строй и предоставленные собственной судьбе малоазиатские греки, убедительно демонстрирует печальная судьба каппадокийского наместника Севериана.

В 161 г. н. э. воспользовавшись безвластием по смерти императора Пия, парфянский царь Вологес III (147/48-192 гг. н. э.) направил свои войска под командованием мегистана Хосроя в Армению, где вскоре был возведен на престол царевич из рода Аршакидов – Пакор. Справедливо усмотрев в этом вероломный разрыв мирной унии с Римом, легат Каппадокии Севериан немедленно двинул свои войска через Евфрат. В местечке Элегейе армии Хосроя и Севериана встретились. Результат этой встречи был заранее предопределен «боевыми» качествами каппадокийских легионов Рима: в трехдневном бою, более похожем не на битву, а на истребление, армия Севериана была полностью уничтожена, а сам главнокомандующий, не желая попадать в плен к парфянам, покончил с собой [Моммзен 1995: 299]. Если мы вспомним, что во всех известных по античным источникам военных столкновениях аланов с парфянами неизменно побеждали первые, мы легко поймем, какая ужасная судьба ожидала Флавия Арриана в 135 г. н. э., приди ему в голову несчастная мысль о реализации любопытных идей «Диспозиции против аланов» на практике.

Нет сомнений в том, что Флавий Арриан вытеснил аланов вначале из Каппадокии, а затем и из Закавказья. Но сделал он это не в результате некоего мифического разгрома «закованных в сталь» массагетских катафрактариев» [Яценко 1998: 87], а в результате подкрепленных авторитетом императорской власти дипломатических усилий. Немалую роль в процессе этого вытеснения сыграло и золото парфянского царя Вологеса II, а также те особые союзнические взаимоотношения, которые установились между иберийским царем Фарасманом II и военными предводителями аланов. Не случайно именно при дворе этого владетеля Иберии впервые появляется высокопоставленная знать с подчеркнута иранскими именами: дворуправитель Ксефарнуг, патиашх Зевах и др. [Апакидзе 1958: 71-72]. Академик Г. А. Меликишвили усматривал в этом

интенсивное проникновение в Иберию на рубеже I-II вв. н. э. профессиональных дружинников «из сарматских и сарматизированных областей». Некоторые из них, подчеркивал исследователь, успешно прокладывали себе путь в иберийскую знать [Меликишвили 1959: 83-84]. Эти люди бесспорно были заинтересованы в дальнейшем укреплении алано-иберийской военной коалиции, а значит, предприняли все меры к тому, чтобы аланоримское «холодное» противоборство в Каппадокии завершилось бескровно.

Тезис о долгом, на 80 лет, свертывании военно-политической экспансии аланов в Закавказье, предложенный С. А. Яценко, также вызывает серьезные сомнения. Возможно, политическая активность аланов в этом регионе была во второй половине II в. н. э. несколько снижена, однако очень сомнительно, чтобы она была свернута вовсе. Находка на Кубани у станицы Даховской армянской серебряной чаши с надписью титула и имени «царя Великой Армении Пакора» явно не укладывается в концепцию восьмидесятилетнего застоя в боевой деятельности аланов [Тревер 1953: 244-245]. Конечно, такой ценный предмет мог быть получен одним из аланских военачальников в качестве дара либо от самого Пакора, либо от иберов, никогда не прерывавших с Арменией политических и военных контактов. Однако в любом случае данная археологическая находка в зоне этнополитической ответственности аланов – знак их прямой вовлеченности в процесс военно-дипломатической борьбы в Закавказье во второй половине II в. н. э. К концу же этого столетия новый этап усилившегося этнополитического прессинга аланов на регион Закавказья уже вполне отчетливо фиксируется письменными источниками: в 197 г. в борьбе с новым аланским вторжением погибает армянский царь Санатрук [Габриелян 1989: 71].

В заключение рассмотрим этногенетический аспект аланской проблемы. Важность этого вопроса бесспорна: уже к исходу I в. н. э. аланы почти на три столетия становятся определяющим геополитическим фактором в восточноевропейских степях. Именно поэтому так важно понять: с одним или с несколькими этносами, объединенными единым этнонимом «аланы», пришлось столкнуться в I-III вв. н. э. многим народам евразийской ойкумены. В последнее время в аланистике несколько усилилась давняя тенденция рассматривать аланов не как целостный, хотя и имеющий мозаичную племенную структуру этнос, а как механическое скопление в Волго-Донском междуречье нескольких чуждых и подчас враждебных друг другу этнических систем¹. Мысль об этнически разнородном конгломерате «аланских» племен наиболее последовательно и аргументированно изложена в ряде работ С. А. Яценко [1993: 83-85; 1994: 52; 1998: 86-87; 2003: 315].

Так, например, исследователь вполне определенно отделяет неких европейских аланов (по другой терминологии этого же исследователя – нижнедонских или «ранних») от аланов-массагетов («поздних») [Яценко 1993б: 85]. На концептуальном уровне их межэтническое взаимодействие мыслится достаточно жестким, С. А. Яценко считает верным говорить о культурно-историческом единстве разных групп сарматов и аланов «лишь постольку, поскольку каждая новая волна восточных мигрантов (конец IV в. до н. э.; 2-я половина II в. до н. э.; середина I в. н. э.; середина II в. н. э.; 2-я половина III в. н. э.) не вполне уничтожала предшествующее население» [Яценко 1994: 25]. В другой работе исследователь приводит полностью умозрительный, но не менее яркий пример того, как происходило это «уничтожение». Речь идет о возврате некоего «алана-массагета» Кизо из военного похода на Адиабену в Северное Предкавказье и о тяжелых двухмесячных боях его войска с другим объединением «аланов» [Яценко 1998: 87].

Следует отметить, что стилиевой особенностью изложения С. А. Яценко своих этнополитических построений является подчеркнутый схематизм, когда довольно сложное, всегда неоднозначное, а подчас и откровенно спорное историческое явление (или попытка реконструировать такое «явление») аргументируются одной ссылкой на какой-либо античный или древний закавказский источник. При этом как-то упускается из виду, что сам привлекаемый источник зачастую настоятельно требует детального источниковедческого анализа или хотя бы комментария по освещаемому в нем факту. (Примечательно, что указанный досадный схематизм совершенно отсутствует в других по жанру исследовательских работах С. А. Яценко, в основном посвященных проблемам материальной культуры древних кочевников или искусствоведению [Яценко 1992; 1993а; 1999; 2000]. Сам исследователь в недавней статье объяснил присущую многим его публикациям концептуальную сжатость вынужденными сокращениями рукописей по желанию редакции, либо стремлением «лишь обозначить контуры будущего решения той или иной конкретной проблемы» [Яценко 2003: 307]). Подобный стиль изложения весьма непростых по сюжету этнополитических построений не позволяет рассмотреть

всю предложенную С. А. Яценко этнологическую схему в целом, поминутно побуждая оппонента на более скрупулезный анализ достоверности представленных аргументов. Объективности ради отметим, что такой подход пропагандируется и самим исследователем, упрекаяющим некоторых своих оппонентов в стремлении оценивать все сведения об аланах I-IV вв. комплексно. С. А. Яценко полагает, что более продуктивной окажется «попытка выделить в этих рамках (т. е. на хронологическом отрезке I-III вв. – *Н. Л.*) несколько периодов переселений кочевников» и изучать их как некие достаточно четко отграниченные друг от друга стадии [Яценко 1993б: 83]. К какому научному результату может привести подобный методологический посыл, легко понять на примере хотя бы нескольких этнологических «реконструкций», предложенных исследователем в одной из его основополагающих работ «Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н. э.» [Яценко 1993б].

Так, например, С. А. Яценко выделяет в аланском этногенезе некую «стадию 1», фактографическая основа которой попросту изумляет. По мнению исследователя, в самом начале правления младшей династии Хань, «где-то между 25 и 50 гг. н. э., можно предположить конфликт между могущественным кочевым государством Кангюй и зависимой от него Аланью». После этого конфликта часть прото-аланов (формулировка С. А. Яценко. – *Н. Л.*) мигрирует на запад, другая остается в этих местах до средневековья. Далее следует ссылка на одну из работ А. С. Скрипкина, всецело посвященную проблеме расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона [Скрипкин 1986]. На этом какие-либо обоснования данного, как нам представляется, весьма ответственного постулата заканчиваются, а исследователь переходит к сентенции об участии в поздних (?!) аланских походах саков и даев.

Да, любой исследователь вправе выдвинуть свою гипотезу, вправе аргументировать ее, а в дальнейшем укрепить новыми фактами. Но гипотеза (или даже единичное предположение) может именоваться научной только в том случае, если она основана хотя бы на одном, хотя бы на косвенном, но научно признаваемом факте. Если фактов нет вообще – значит нет и научного предположения, а есть домысел, вымысел, в максимальном значении и лучшем смысле этого словосочетания – исторический миф. Как мне представляется, именно с таким мифом мы сталкиваемся уже на «стадии 1» раннего этногенеза аланов по С. А. Яценко. Ни в одном из древних источников как Запада, так и Востока нет ни малейшего упоминания о каком бы то ни было конфликте между Кангюем и областью Яньцай, переименовавшейся во второй половине

¹Наиболее распространенные «полиэтнические» и «социальные» версии происхождения аланов подробно рассмотрены в моей работе: Лысенко Н. Н. Асы-аланы в Восточной Скифии. (Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно-политических событий IV в. до н. э. – I в. н. э. по материалам археологии и сведениям нарративных источников). СПб., 2002. См. также: Лысенко Н. Н. Религиозно-идеологические мотивации древних алан. (К вопросу о современных социальных концепциях аланского этногенеза) // Религия в современном обществе. Владикавказ, 2003.

I в. н. э. в Аланья (Алань-ляо, если следовать переводу «Хоу Хань шу» Ю. А. Зуева). Умалчивает об этом и А. С. Скрипкин, причем не только в той работе, на которую ссылается С. А. Яценко, но, насколько нам известно, и в остальных своих научных трудах. В своей фундаментальной «Азиатской Сарматии» А. С. Скрипкин, размышляя о причинах переименования Яньцай в Аланья, высказал предположение о завоевании владения Яньцай аланами в рамках проводимой Кангюем политики по освоению северных и северо-западных территорий [Скрипкин 1990: 205]. Справедливость такой точки зрения трудно подвергнуть сомнению, поскольку она в наибольшей степени использует имеющиеся в распоряжении исследователей нарративные сведения и археологические материалы из Азии. Однако завоевание Яньцай аланами Кангюя и конфликт аланов Яньцай с Кангюем суть явления совершенно разные, чтобы не сказать – противоположные.

В аналогичном ключе выдержана доказательная база и других стадий. На «стадии 2», по С. А. Яценко, события приобретают еще более драматический характер – «аланы громят верхних аорсов» [Яценко 1993б: 83]. Напрасно мы будем стараться отыскать хотя бы намек на эти события в античных, китайских или закавказских анналах. Этот «факт», составляющий событийную основу (!) «стадии 2», относится к области событий, всецело сконструированных исследователем.

Следующее такое «событие» выделено уже на «стадии 3» – «военные акции Нерона, видимо, заставляют аланов отступить к востоку, где в степях после их рейда образовался политический вакуум» [Яценко 1993б: 83]. О каких акциях Нерона здесь идет речь, можно только гадать. Масштабный поход на Восток, который замыслил этот император, как известно, не состоялся по не зависевшим от Нерона причинам и, конечно, никак не мог заставить аланов отступить к востоку, а уж тем более создать в причерноморских степях «политический вакуум» [Лысенко 2002].

На «стадии 4» исследователь усматривает, как «к 72 г. н. э. аланская орда под руководством Базука («Картлис Цховреба» – ссылка С. А. Яценко) определенно укрепляется на Нижнем Дону и прилегающих участках Азовского побережья» [Яценко 1993б: 83]. Далее следует ссылка на сочинения Иосифа Флавия «О войне иудейской» [VII. 7,4] и епископа Амвросия «О разрушении града Иерусалима» [V.1]. Однако, к сожалению, в обоих этих сочинениях нет ни малейшего намека на орду Базука, которая якобы к 72 г. н. э. прочно обосновалась на Нижнем Дону. В «Картлис Цховреба» есть упоминание о Базуке, но отсутствуют какие-либо указания на то, что его войско пришло с Нижнего Дона.

На чем же тогда основывается предположение о локализации именно там орды Базука? А почему бы

ей с равной вероятностью не осесть к середине I в. н. э. в Центральном Предкавказье? Или в Восточном – в низовьях Терека? Эти варианты исследователем не оговариваются, о них даже не упоминается, ибо они явно не укладываются в предлагаемую схему разных и притом враждебных друг другу объединений «аланов».

Не проясняет ситуацию и ссылка на Птолемея [III. 5,7]: «Там же (т. е. в низовьях Дона. – Н. Л.) локализируются Аланские горы – Донецкий кряж» [Яценко 1993б: 83]. Во-первых, потому, что Птолемей хотя и упоминает об Аланских горах, однако не указывает, что эти горы – Донецкий кряж. Описание составлено таким образом, что под Аланскими горами можно разумеать какие угодно другие горы – вплоть до Мугоджар в Южном Приуралье. Во-вторых, этот аргумент не работает уже и потому (даже если категорично согласиться с С. А. Яценко в вопросе о Донецком кряже), что ссылка на Аланские горы в вопросе об «определенном укреплении» орды Базука на Нижнем Дону уж очень напоминает бородатый аргумент о бузине, растущей в огороде, в то время как дядька вдруг оказался в Киеве.

Ниже С. А. Яценко сетует на «убывание» знаний алановедов от поколения к поколению. Дескать, Ю. А. Кулаковский использовал для своих исследований сведения Флавия, Амвросия и Птолемея, К. Ф. Смирнов в 1949 г. – только двух первых авторов, Б. А. Раев в своей диссертации (1979) – только Флавия, А. М. Ждановский же (1985) вообще обошелся без всяких ссылок. Подобная тирада несправедлива уже потому, что адресуется всем алановедам без изъятия. Особая же некорректность этой сентенции в том, что конкретным и притом известным исследователям указано на их якобы «некомпетентность» походя, даже огульно, без всякого анализа конкретных исследований и даже без указания тематики, которой последние были посвящены. А ведь еще неизвестно, что лучше: рассказывать о «бузине в огороде» или вообще обойтись без «научнообразных» ссылок, которые зачастую не проясняют, а лишь захламляют изучаемую проблему? Впрочем, если С. А. Яценко в своей сентенции подразумевал проблему локализации орды Базука на Нижнем Дону, то для решения этой задачи уж точно не найти сведений у Иосифа Флавия, совершенно бесполезен Птолемей и вовсе не нужно наследие Амвросия Медиоланского, тем паче что у этого отца церкви нет произведения под названием «О разрушении града Иерусалима в пяти книгах»².

² С. М. Перевалов по схожему поводу поясняет: в перечне книг св. Амвросия Медиоланского нет работы «О разрушении града Иерусалима». Исследователь считает, что нужно говорить о латинском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия, авторство которого, вероятно, принадлежит Егесиппу [Перевалов 2002: 211].

На «стадии 5» повествуется опять-таки о гипотетическом событии – о захвате политического центра аланов на Нижнем Дону некой западной группировкой «поздних сарматов». Эти «сарматы» отождествляются С. А. Яценко с «аланами – бывшими массагетами», причем в этом случае исследователь впервые прибегает к опоре на общепризнанный исторический источник – «Деяния» [Res Gestae] Аммиана Марцеллина. «Препарируя сарматов» с помощью ссылок на «Деяния», исследователь успешно отделяет аланов европейских от «бывших массагетов», заставляя первых отступить на запад, а вторых стать новым гегемоном Аланского союза (?!). Европейские аланы, по мнению С. А. Яценко, отступили столь далеко, что оказались при императоре Марке Аврелии (161-186 гг.) на римской службе в Британии [Яценко 1993б: 85].

Конечно, в 1993 г. С. А. Яценко не мог ознакомиться с весьма обстоятельной работой А. В. Исаенко, посвященной миссии сармато-аланов в Британии [Исаенко 1995: 72-75]. Возможно, что в этом случае его оригинальное мнение о языгских союзниках Марка Аврелия было бы скорректировано хотя бы в отношении важнейшего аспекта: почему языгов, переселенных Марком Аврелием на территорию туманного Альбиона, правильнее считать аланами?

Обратимся к сочинению Аммиана Марцеллина, ибо, как представляется, это единственное более или менее надежное основание, опираясь на которое можно оценить действительное значение любопытного постулата С. А. Яценко о разных объединениях «аланов».

В тексте «Res Gestae» аланы упоминаются неоднократно. Так называемые европейские аланы описаны в восьмом параграфе XXII книги, посвященной этногеографическому описанию провинций Фракии, а также областей и народов, живущих около Понта.

«31. Вокруг этих крайних и отдаленных болот (речь идет о болотах вокруг Меотиды. – Н. Л.) **обитает множество народов, весьма различных между собою по языку и обычаям: яксаматы, меоты, языги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы, у которых находятся обильные залежи камня-адаманта.**

... 42. В среднем пространстве лука (Марцеллин сравнивает контур северопонтийского побережья с контуром лука. – Н. Л.), **представляющем собой весьма широкую протяженность, в 15 дней пути для хорошего пешехода, живут европейские аланы, костобоки и бесчисленные племена скифов, область которых тянется до земель с неизвестными нами границами»** [Res Gestae. XXII. 8,31,42. Цит. по: Марцеллин 2000].

В этих фрагментах трудно усмотреть, на мой взгляд, какой-либо намек на этническую чужеродность

так называемых европейских аланов другим аланам – тем, которые не европейские. Восьмой параграф XXII книги всецело посвящен описанию земель и народов вдоль Понта, и эпитет «европейские» имеет здесь не этническую, а сугубо географическую окраску. Аммиан Марцеллин, и это хорошо заметно при чтении его труда, руководствовался традиционными представлениями античных географов и историков, согласно которым Азия начиналась за рекой Дон – болота при Меотиде, равно как и «среднее пространство лука» располагалось еще в Европе, отсюда и обозначение живущих здесь аланов – европейские.

Перейдем к свидетельству источника об аланах – «древних массагетах».

«12. Этот подвижный и неукротимый народ (речь идет о гуннах. – Н. Л.), **воспламененный дикой жадной грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов. Раз я упомянул аланов, то будет уместно рассказать, откуда они и какие земли занимают, показав при этом запутанность географической науки...**

13. Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы.

...17. Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения» [Res Gestae. XXXI. 2,12,13,17].

Трудно понять, почему С. А. Яценко, методично отстаивая свой тезис о разделенности аланского этноса на две этнически гетерогенные и подчас враждебные друг другу орды, ссылается на Аммиана Марцеллина [1993б; 1998]. Ведь источник как будто бы вполне категоричен в утверждении совершенно противоположного по смыслу тезиса – Марцеллин свидетельствует о полном этническом единстве аланов, которые хотя и разбросаны по разным частям света, но едины в главном – в социальной сфере (образ жизни), в религии и этническом стереотипе поведения (обычай), в военной тактике (вооружение). Можно только приветствовать

публикации самых дерзновенных гипотез, но лишь в том случае, если их появление не уничтожает саму основу исторической науки – корректность работы с текстами древних авторов. Нельзя, на наш взгляд, строить какие-либо этнологические заключения вокруг нескольких слов, почти насильственно вырванных из контекста источника, а затем ссылаться на него для «доказательства» собственных построений, которые по смыслу **прямо противоположны** тому, что выразил в своих текстах античный автор.

Примером корректного обращения с текстами древних авторов при богатстве привлеченного археологического материала могут послужить две работы известных археологов, разделенные периодом в десять лет, но посвященные одной теме – проблеме сегрегации аланского этноса на этнотерриториальные составляющие.

В первой из них С. И. Безуглов специально подчеркивает, что сохранившийся текст Аммиана Марцеллина посвящен событиям третьей четверти IV в. и написан в самом конце столетия. Исследователь предостерегает от некорректного подхода к источнику – когда информация, изложенная Марцеллином, переносится на более древнюю эпоху – I-III вв. н. э.

Каковы же основные выводы этой работы?

Во-первых, постулируется «тождество алан-танаитов и алан-прежних массагетов» – на основании как раз тех фрагментов из наследия Марцеллина [XXXI. 2,12; 3,1], которые С. А. Яценко считает базисными для своей концепции гетерогенности аланов, начиная с середины II в. н. э. Во-вторых, подчеркивается, что «соотношение алан-танаитов с танаитами более древних эпиграфических и письменных источников неясно». Завершает же статью ключевой вывод об «очевидном родстве» донских кочевнических погребений IV в. с раннеаланской (!) археологической культурой Центрального Предкавказья [Безуглов 1990: 80-87].

Таким образом, коль скоро донские кочевнические погребения IV в. н. э. обнаруживают генетическое сходство с раннеаланскими археологическими горизонтами Центрального Предкавказья, речь можно вести отнюдь не о «захвате политического центра аланов» на Нижнем Дону в середине II в. н. э. (!) некими чужеродными «поздними сарматами», как это представляется С. А. Яценко [1993б: 85]. Скорее есть смысл поразмышлять о едином этнополитическом организме, который на протяжении трех столетий, начиная с середины I в. н. э. и вплоть до нашествия гуннов в последней четверти IV в., сумел обеспечить удивительное культурологическое единообразие в обширной степной полосе от Предкавказья до Меотиды.

Необходимо подчеркнуть, что работа С. И. Безуглова хотя и закрывает проблему этнической гетерогенности

аланов-танаитов и аланов-прежних массагетов, все же оставляет некое белое поле вокруг вопроса о так называемых «европейских» аланах. Это обстоятельство специально оговаривается исследователем [Безуглов 1990: 81], которому, к сожалению, уже не пришлось вернуться к данной тематике.

Вопрос о «европейских» аланах с точки зрения археологии был рассмотрен другим автором – А. В. Симоненко – существенно позже по времени, но с присущей этому исследователю основательностью. Вероятно, не имеет смысла раскрывать здесь весь научный аппарат этой достаточно объемной работы. Поэтому приведу лишь выводы, которые сами по себе крайне любопытны [Симоненко 2001: 77-91].

Во-первых, А. В. Симоненко подтвердил справедливость главного вывода предшествующих работ С. И. Безуглова – о единых генетических корнях аланов, населявших в середине III-IV вв. степную полосу по линии Центральное Предкавказье – Нижний Дон. К этому же типологическому и генетическому ряду исследователь относит и восточнопричерноморские аланские погребения, которые, по его мнению, маркируют «направление дальнейшего продвижения носителей этой обрядовой нормы» [Симоненко 2001: 89].

Следующий вывод работы связан с распространением в Северном Причерноморье черняховской культуры, обычно отождествляемой с готским объединением. Именно готы-черняховцы, как считает А. В. Симоненко, «раскололи сарматский мир надвое», отделив к востоку сармато-аланов, которые не вошли в готское объединение. «Иная ситуация, – отмечает исследователь, – сложилась в Нижнем Подунавье, где расположена западная группа сарматских памятников финальной фазы. Здесь сарматские могильники находятся непосредственно на черняховской территории в соседстве с памятниками этой культуры. В этих могилах есть черняховские вещи (умбон щита в Курчи, фибула и гребень в Кубее). Катакомбы на черняховских могильниках (Беленькое и др.) свидетельствуют о начавшейся этнокультурной интеграции сарматов и носителей черняховской культуры» [Симоненко 2001: 90].

Интереснее же всего для нас завершающий вывод работы. Памятники аланов, инкорпорированных в готское объединение, А. В. Симоненко связывает «с европейскими аланами Аммиана Марцеллина – федератами готских королей и **родственниками аланов-танаитов** (выделено мной. – Н. Л.)» [2001: 90].

Подведем итог нашим размышлениям.

1. Археологические артефакты сармато-аланского происхождения, датируемые серединой III-IV вв. н. э., свидетельствуют о наличии весьма прочного генетического единства сармато-аланского мира в указанную эпоху от степей Северного Кавказа до Нижнего Подунавья.

2. Указанное выше обстоятельство делает маловероятным предположение о наличии двух гетерогенных объединений аланов начиная с середины II в. н. э. Полное молчание нарративных источников по данной проблематике не оставляет, на наш взгляд, никаких оснований для серьезной оценки версии о субэтнической гетерогенности европейских аланов (термин «Европа» и производные от него трактуются мной в современном географическом смысле).

3. К концу II в. н. э. аланы Волго-Донского междуречья и Предкавказья были объединены в политически независимый и саморегулирующийся этносоциальный комплекс, ясно сознавали свое генетическое родство и активно развивали свою этническую экспансию в регионы Закавказья и Северного Ирана. В этот

же период в аланском социуме уже полнокровно функционирует властная вертикаль, представленная в высшем эшелоне институтом наследственной, по-видимому, царской власти.

4. Раскол сармато-аланского этнического поля, отмеченный многими исследователями, не был связан с деятельностью неких «поздних сарматов», якобы завоевавших низовья Дона в середине II в. н. э. и вытеснивших отсюда к западу более раннее аланское население. Этот раскол произошел значительно позднее – во второй половине III в. н. э. – и был предопределен этнической экспансией готских племен, сумевших к концу III в. занять центральное положение в регионе Северного Причерноморья, причем как в географическом, так и в геополитическом аспектах.

Литература:

- Алемань 2003* – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Апакидзе 1958* – Апакидзе А. М. и др. Мцхета. Итоги археологических исследований. Тбилиси, 1958.
- Бахрах 1993* – Бахрах Б. С. Аланы на Западе. М., 1993.
- Безуглов 1990* – Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.
- Берлизов 1994* – Берлизов Н. Е. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Междунар. конф. «Проблемы истории и культуры сарматов». Тезисы докладов. Волгоград, 1994.
- Берлизов 1997* – Берлизов Н. Е. Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // Историко-археологический альманах. Вып. 3. 1997.
- Берлизов, Каминский 1993* – Берлизов Н. Е., Каминский В. Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. № 7. 1993.
- Габриелян 1989* – Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван, 1989.
- Ган 1884* – Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. IV. Тифлис, 1884.
- Гутнов 2001* – Гутнов Ф. Х. Ранние аланы: проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
- Исаенко 1995* – Исаенко А. В. Сармато-аланы в Британии // Научная мысль Кавказа. № 1. 1995.
- Лысенко 2002* – Лысенко Н. Н. Аланский поход Нерона // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Саратов, 2002.
- Марцеллин 2000* – Марцеллин А. Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. СПб., 2000.
- Меликишвили 1959* – Меликишвили Г. А. К истории Грузии. Тбилиси, 1959.
- Моммзен 1995* – Моммзен Т. История Рима. (Провинции от Цезаря до Диоклетиана). Т. V. СПб., 1995.
- Перевалов 1997* – Перевалов С. М. Военное дело у аланов II в. н. э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // Историко-археологический альманах. Вып. 2. 1997.
- Перевалов 1998* – Перевалов С. М. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // Историко-археологический альманах. Вып. 4. 1999.
- Перевалов 2002* – Перевалов С. М. Современное состояние аланских исследований в России / Вестник древней истории. 2002. № 2.
- Пигулевская 1941* – Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
- Пигулевская 1956* – Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956.
- Симоненко 2001* – Симоненко А. В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье / Российская археология. 2001. № 4.
- Скрипкин 1986* – Скрипкин А. С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

- Скрипкин 1990* – Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Тревер 1953* – Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1953.
- Тревер 1959* – Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании X в. до н. э. – VII в. н. э. М.; Л., 1959.
- Яценко 1992* – Яценко С. А. Антропоморфные изображения Сарматии // *Alanica-II. Аланы и Кавказ*. Владикавказ; Цхинвал, 1992.
- Яценко 1993a* – Яценко С. А. Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н. э. – III в. н. э. Происхождение стиля «клуазонне» // *Петербургский археологический вестник*. Вып. 4. 1993.
- Яценко 1993б* – Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н. э. (локализация и политическая история) // *Петербургский археологический вестник*. Вып. 6. 1993.
- Яценко 1994* – Яценко С. А. Основные проблемы современной сарматологии и аланистики // *Проблемы истории и культуры сарматов*. Тез. докл. междунар. конф. Волгоград, 1994.
- Яценко 1998* – Яценко С. А. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н. э.) // *Историко-археологический альманах*. Вып. 4. 1998.
- Яценко 1999* – Яценко С. А. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // *Вестник древней истории*. 1949. № 3.
- Яценко 2000* – Яценко С. А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв. н. э. // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 3. 2000.
- Яценко 2003* – Яценко С. А. Заметки по истории и культуре сармато-аланов // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 6. 2003.
- Boissevain 1890* – Boissevain V. Ph. Ein verschobenes Fragment des Cassius Dio (75, 93, 6) // *Hermes*. 25. 1890.
- Bosworth 1977* – Bosworth A. B. Arrian and the Alani // *HSCP*. 81. 1977.

Литература свидетельства

Темирболат Кубатиев и его хроника смутного времени в Осетии и на Кавказе

Публикуемые ниже воспоминания представляют собой свидетельство очевидца и непосредственного участника бурных и драматических событий периода гражданской войны в Осетии и соседних с ней областях Кавказа. Их автор, представитель одной из наиболее знатных и влиятельных в свое время осетинских фамилий, родился, как следует из его собственных замечаний в тексте мемуаров, в 1896 либо 1897 году в селе Урсдон (Кубадтикау). Он являлся средним из трех сыновей Иласа Кубатиева и Фаризат Каражаевой (старшего из сыновей звали Умар, младшего – Алихан; в семье, кроме того, было три дочери – Хамидат, Паша и Рахимат). Детство и юность Темирболата были вполне безбедны и в целом, несомненно, типичны для молодого выходца из среды осетинской традиционной аристократии, которая в пореформенные десятилетия сумела найти приемлемый для себя вариант сосуществования как с русской администрацией, так и с непривилегированными слоями собственного народа.

Этот хрупкий баланс, однако, был в одночасье разрушен после революции 1917 года. Воцарившаяся в Осетии, как и во многих других регионах бывшей империи, обстановка смуты и безвластия обнажила сдерживавшиеся при прежнем режиме противоречия между различными группами общества, открыла путь для сведения веками копившихся счетов и неумолимо развела на разные фланги гражданского противостояния тысячи соотечественников. Вслед за радикальной экспроприацией алдарско-баделиатского сословия, осуществленной местными сторонниками большевиков в первые же послереволюционные месяцы, Темирболат Кубатиев также был вовлечен в водоворот междоусобной борьбы. Он воевал в рядах сперва Осетинского, а затем Кабардинского полка Добровольческой армии А. И. Деникина почти до самого ее разгрома. После многочисленных скитаний и злоключений вынужден был сдаться советским властям и был амнистирован ими. Тем не менее, не без оснований опасаясь преследований со стороны большевиков и оказавшись в бедственном материальном положении, он в конце 1922 года предпочел нелегально эмигрировать в Турцию вместе с оставшимися к этому времени в живых членами семьи: матерью и младшими братом и сестрой.

В Турции Темирболат первоначально поселился в округе Сарыкамыш Карсского вилайета, где было расположено несколько сел, основанных осетинскими мухаджирами в начале 60-х годов XIX века. Женясь на местной осетинке Фатиме Хосоновой, он вскоре переехал в город Эрзурум, а позже обосновался в столице страны Анкаре.

В первые годы своей жизни на новой родине семья находилась в весьма стесненных экономических условиях. Встать на ноги ей довольно курьезным образом помог изданный в 1925 году президентом Мустафой Кемалем (Ататюрком) закон об обязательном ношении всеми турецкими мужчинами головных уборов европейского типа. Братья Темирболат и Алихан, используя хорошо знакомую им традиционную горскую технологию войлочного производства, наладили в Эрзуруме одно из первых в стране предприятий по выпуску фетровых шляп, в короткий срок удовлетворившее потребность жителей региона в указанном изделии. В дальнейшем Темирболат работал в различных учреждениях и предприятиях частного и государственного сектора и, хотя не скопил значительного состояния и не сделал впечатляющей карьеры, до самой своей смерти в 1985 году оставался авторитетнейшим представителем осетинской диаспоры. Усвоенные им еще в ранние годы лучшие образцы национальной общественной и духовной культуры, безукоризненное владение обоими диалектами родного языка, хорошее знание песенного, эпического и танцевального фольклора, наконец, богатый жизненный (в том числе и кавказский) опыт позволили ему внести неоценимый вклад в активизировавшуюся во второй половине XX века культурно-просветительную, этновозрожденческую деятельность патриотических кругов диаспорной интеллигенции, о чем и сегодня с благодарностью вспоминают многие осетины и другие северокавказцы, проживающие в Турции.

Таков в общих чертах жизненный путь Т. Кубатиева, известный нам преимущественно со слов его сына Айтека Кубата, инженера-строителя по профессии, в конце 90-х – начале 2000-х годов возглавлявшего осетинское землячество (Культурно-благотворительный фонд «Алан») в Анкаре. Он же несколько лет назад предоставил в наше распоряжение экземпляр мемуаров своего отца,

составляющих около 18 печатных (авторских) листов машинописного текста на турецком языке и охватывающих период от ранней юности до отъезда Темирболат в Турцию (посвященная турецкому этапу его биографии вторая часть мемуаров также хранится в семейном архиве Айтека Кубата). Воспоминания были написаны в середине 70-х годов и, как отмечает сам автор, предназначались не для публикации, а лишь для того, чтобы передать родившимся и выросшим в турецких городах и все более отдаляющимся от своих корней внукам и правнукам память об исторической родине и прошлом их некогда славного рода. Тем не менее, совершенно очевидно, что по своему характеру данный труд далеко выходит за рамки обычного автобиографического повествования или семейной хроники и является ценным источником по истории Осетии и ряда близлежащих регионов. Поистине феноменальная память дала возможность Т. Кубатиеву спустя полвека с почти фотографической точностью – зачастую даже в излишних на первый взгляд подробностях – описать не только перипетии своей собственной судьбы, но и многие исторически значимые факты и явления, через которые ему довелось пройти совсем молодым человеком, и представить таким образом взгляд побежденной стороны на эту трагическую эпоху. При этом нельзя не заметить, что даже при изложении наиболее тяжелых и печальных для него и его близких коллизий он, как правило, пытается не столько заклеймить своих личных и «классовых» противников, сколько хладнокровно и объективно объяснить в меру своих сил причины происходящего.

С другой стороны, помимо сугубо событийного аспекта, наш интерес не могут не вызывать и включенные в канву рассказа наблюдения и свидетельства, относящиеся к этнокультурным и бытовым реалиям времени. К достоинствам публикуемого материала следует отнести также обилие упоминаемых в нем имен, благодаря чему кое-кто из читателей наверняка обнаружит дополнительную информацию о своих родственниках, однофамильцах, односельчанах и т. д. Наконец, бесспорно наличие у автора определенного литературного таланта и художественного вкуса, вследствие чего его мемуары порой читаются как увлекательный роман.

В свете сказанного выше воспоминания Темирболата Кубатиева, несомненно, заслуживают того, чтобы стать известными специалистам-историкам и читающей общественности Осетии. Именно поэтому мы решили не откладывать далее начало работы по их переводу на русский язык и подготовке к печати, хотя вынуждены заметить, что в силу не зависящих от нас обстоятельств не можем гарантировать стабильного и регулярного продолжения публикации в дальнейшем, за что заранее приносим свои извинения.

Поскольку автор мемуаров не придерживается единого принципа передачи турецкой латиницей

осетинских фамильных имен (в оригинальном тексте они фигурируют то с осетинскими, то с русскими патронимическими окончаниями, то вообще без таковых, то с турецким показателем множественности -лар/-лер, иногда также с другими отклонениями от ныне принятой нормы), мы сочли целесообразным перевести их все в современную официальную «русифицированную» форму. Для личных же имен арабского, тюркского и персидского происхождения, которые в оригинале выступают, как правило, в своих турецких фонетических разновидностях (Омер вместо Умар, Доган вместо Туган и т. п.), нами по возможности были «реконструированы» соответствующие осетинские (или общекавказские) варианты. Вместе с тем во избежание неточностей и ошибок в необходимых случаях приводятся и авторские версии написания собственных имен. Скорректирована также орфография некоторых топонимов. Подстраничные примечания в тексте перевода, если не указано иное, принадлежат нам.

P.S. Материал уже находился в печати, когда нам стало известно о выходе в свет в Турции мемуаров Темирболата Кубатиева (составитель – Айтек Кубат), выпущенных специализирующимся на публикации литературы о Кавказе издательством «Кафдав»*. Вскоре в нашем распоряжении оказалась и сама книга, включающая в себя как «кавказскую», так и значительно меньшую по объему «турецкую» часть воспоминаний (до 1930-х гг.), а также вступительную статью составителя, краткое авторское предисловие, историко-этнографическую справку об Осетии и осетинах, несколько фотографий из семейного архива и географические карты. При ознакомлении с данной публикацией, однако, стало очевидным, что составитель внес в текст документа определенные изменения стилистического (замена слов и выражений их литературными или более употребительными синонимами, упрощение синтаксиса) и редакционного («хронологизация» сюжетной канвы повествования, исключение повторов, включение ряда дополнительных фрагментов, известных А. Кубату из устных рассказов отца, и т. д.) характера, что сделало материал более удобным для восприятия «массового», прежде всего турецкого, читателя, но в то же время слегка отдалило его от оригинальной авторской версии. Ввиду этого мы сочли оправданным не вносить никаких поправок в уже осуществленный перевод и при дальнейшей работе также ориентироваться на имеющийся у нас машинописный текст воспоминаний как, несомненно, более аутентичный.

Г. Чочиев

* **Temirbolat Kubat.** *Muhacirin Hicrandir* Цтгъьнъ Yarisi Derleyen Aytek Kubat. Kafdav: Ankara, 2005 (362 стр.)

Темирболат Кубатиев

Воспоминания

Наши предки были землевладельцами-феодалами, известными в истории Кавказа как дигорские баделиаты. В Северной Осетии, в Дигории, им принадлежали земли, расположенные между ручьем Крупс и рекой Урух и тянущиеся от реки Терек до самых гор. В середине XIX века русские начали различными методами подчинять себе Кавказ, в одни его области направляя войска, а в других сладкими речами и демонстрацией миролюбивых намерений убеждая хозяев продать им свои земли. В наших краях появление русских произошло вторым способом. Купив часть принадлежавших нам земель и лесов, они частично отвели их под казачьи поселения (станции), а частично раздали безземельным осетинам-горцам, таким образом под маской приверженцев справедливости сделав первые шаги к осуществлению своих захватнических замыслов. При этом, чтобы задобрить наших предков, русские оставили в неприкосновенности их княжеские титулы. Весьма довольные тем, что сумели продать свои неиспользуемые земли, наши деды жили в условиях данного порядка вещей вплоть до 1917 года, когда в России разразилась революция.

Теперь я перехожу к рассказу о своей собственной жизни.

Я не могу назвать себя образованным человеком. Вся моя учеба свелась к тому, что я закончил русскую начальную школу в Нальчике. Несмотря на мое желание продолжить учиться, старшие не дали мне такой возможности. В сущности, умение читать и писать в те времена считалось вполне достаточным, остальное же было не столь важно. После этого я начал празднично проводить дни, не работая, не заботясь о поиске хлеба насущного и проводя время в занятиях верховой ездой и хождении по свадьбам и вечеринкам.

Так продолжалось до 1914 года. Мой старший брат Умар¹ был солдатом запаса. Когда началась Первая мировая война, он, как и все резервисты, был сразу же призван в армию и отправлен поначалу на австрийский фронт в Карпаты.

Я стал вторым после отца главой в доме. Однако это мое «старшинство» длилось не очень долго. Война становилась все более ожесточенной. Русские солдаты тысячами гибли как на турецком фронте, так и в Карпатах, но на их место призывали новых. Мне было тогда всего 17-18 лет, но я тоже получил повестку и

явился в призывной пункт. Должно быть, комиссии я показался слишком юным, почти ребенком, коль скоро меня отправили назад, сказав, что я могу еще немного погулять. Товарищей же моих пригласили тянуть жребий. В веселом расположении духа я вернулся домой, где все также обрадовались этой новости. В отличие от других народов России, мы, осетины, становились солдатами по жребию. Я не вижу необходимости рассказывать здесь о причинах этого, поскольку объяснение займет много времени. Как бы там ни было, я еще немного погулял, но набор рекрутов не прекращался, и через некоторое время меня снова вызвали. На этот раз и я тянул жребий, но мне опять повезло: я вытасил большое число. Хотя на тот момент я был свободен, после этого я уже считался солдатом запаса. Меня часто вызывали, но потом отпускали. Наконец грянул «долгожданный» день. Нас собрали и сообщили, что после непродолжительной подготовки мы будем отправлены на фронт. Я сбежал. Таких дезертиров, как я, разыскивали и забирали жандармы. Поскольку наш дом находился рядом с лесом, всякий раз, когда я узнавал об их приближении, я убежал в лес – пусть ищут! Однако с каждым днем жандармы наведывались в село все чаще и чаще. Отец, когда они спрашивали его обо мне, отвечал одно и то же: «Он давно уехал в город. Мы ничего о нем не знаем и сами волнуемся. Возможно, он вступил добровольцем в какой-нибудь другой полк». Этот ответ звучал довольно убедительно, потому что осетинская молодежь часто поступала подобным образом. В осетинских полках было немало отличных ефрейторов. Кабардинские и дагестанские же полки были сформированы недавно. Поэтому наши молодые ребята, будучи более смелыми и в большинстве своем уже имея опыт лагерной подготовки, вступали в эти полки, где сразу становились ефрейторами, а после проявленных ими способностей – унтер-офицерами или вахмистрами. Если же они завоевывали еще и медали, то очень скоро становились корнетами. Поскольку потери среди молодых офицеров были велики, их ряды армия пополняла и таким способом. Если даже жандармы не верили рассказу моего отца, они, сделав вид, что поверили, уходили.

Вскоре, однако, мне надоело прятаться, и однажды ночью я сел на коня и отправился в расположенное в 30 километрах от нас село Каражаево², где

¹ В оригинале – Омер (Цмер).

² Каражаево (Карадзаутикау) – ныне село Хазнидон.

жили братья моей матери. Проведя там около месяца, я вернулся назад. Отец, едва расспросив меня о том о сем, сказал: «Хорошо, что ты вернулся. На турецком фронте русские строят сухопутную дорогу от Карса до Эрзурума, а также железную дорогу от Сарыкамыша до Эрзурума. Подрядчиком на строительстве дорог является наш Татаркан Бесолов³ из Алагира. Он заключил с правительством договор, согласно которому люди, обязавшиеся работать вплоть до завершения строительных работ, подлежат освобождению от службы в армии. За работу на телеге-одноколке дают 4 с половиной рубля в день. Сын твоего дяди виделся с Татарканом и тайно подписал контракт. Ты тоже можешь присоединиться к ним, если захочешь». Мы вместе с сыновьями дяди снарядили 15 телег и отправились во Владикавказ. У въезда в город мы остановились. Ночью пришли люди подрядчика, прикрепили к нашим телегам номерки, а на гривы лошадей поставили свинцовые пломбы. Получив свои рабочие удостоверения, в июне 1916 года мы двинулись через Дарьяльское ущелье в сторону Тифлиса. Таким образом, мы не только избавились от статуса дезертиров, но и начали со дня отправления в путь получать поденную плату. Через месяц мы достигли Сарыкамыша и поселились в белом палаточном городке близ села Караурган, где до войны проходила русско-турецкая граница⁴.

Наша работа была довольно легкой и заключалась в следующем: каждый из нас привязывал три телеги одну за другой, сам садился в первую и, медленно погоняя лошадь, подъезжал к берегу ручья, где находились кучи песка, просеянного работавшими там пленными турками. Затем с невозмутимым видом, не слезая с телеги и перешучиваясь с пленными, отдавал им команду «загружай!» (мы выучили по-турецки слова «загружай» и «разгружай»), и пленные загружали по очереди телеги, которые отправлялись в обратный путь к строящемуся участку дороги. Здесь другие пленные так же весело их разгружали. После двух-трех ходок звонил колокол, возвещавший об обеденном перерыве. Пищу готовили в большом походном котле, а деньги за еду высчитывали из нашего заработка в начале каждого месяца. Пища была не очень хорошая: черный ржаной хлеб, борщ и просяная каша, но со временем мы привыкли довольствоваться тем, что есть. Лошадей кормили соломой, ячменем и сеном, а ночью отводили в горы, где пасли их по очереди.

Уже приближалась осень, становилось прохладнее.

Однажды вновь пришла моя очередь пасти лошадей. Вечером я сел на коня и, погоняя впереди себя остальных лошадей, поднялся в горы, где стал их пасти, перегоняя с места на место. Наступила полночь. Поскольку раньше в этом месте проходила граница, там имелись пограничные знаки из цельных камней размером в 2 кубических метра, расположенные на определенном расстоянии друг от друга. Ночь была прохладная, дул ветер. Я сел под одним из камней и вдруг увидел, как на двух высоких холмах, находившихся приблизительно в 150-200 метрах справа и слева от меня, появились две волчьи стаи и начали выть друг на друга. Меня охватил страх. Они словно разговаривали и, как мне казалось, призывали друг друга напасть на моих лошадей. В страхе я старался собрать лошадей в табун. В какой-то момент вой прекратился, но через некоторое время я заметил, что волки с правого холма приблизились к волчьей стае на левом холме и вскоре сцепились с ними в драке. Естественно, в темноте я не мог их видеть, но их зубы лязгали так, словно они разрывали друг друга на части. При мне не было никакого оружия, кроме кинжала. Я мог лишь кричать во все горло «Э-э-эй! О-о-ой!», но мой голос тонул в лязге зубов. Спустя довольно продолжительное время звуки, наконец, прекратились, я же от охватившего меня страха еще раньше взобрался на пограничный камень. Тем временем мои лошади разбегались в разные стороны. Я подождал немного и, так как по-прежнему было тихо, спустился с камня и снова собрал лошадей. До утра, однако, было еще очень далеко, а я так и не успел поспать и валился с ног от усталости. Поэтому, чтобы немного отдохнуть, я вновь присел под камнем и сразу же уснул. Не знаю, как долго я спал, но, когда открыл глаза, лошадей рядом не было. В темноте я спускался к ручьям, поднимался на холмы, но все было напрасно, и я решил, что лошадей разогнали волки.

Рассвело. При дневном свете я смог лучше рассмотреть округу, но лошадей нигде не было. Я отправился в обратный путь к палаткам. По дороге я не заметил следов от копыт лошадей, зато в дорожной пыли было очень много волчьих следов, как будто прошло стадо овец. Судя по следам, их было не меньше сотни. Некоторое время они шли по дороге, затем свернули влево. Я приблизился к лагерю, с холма осмотрел территорию, но лошадей не было и там. Я снова повернул назад, поднимаясь на каждый холм, спускаясь к каждому ручью, пока, наконец, не нашел их пасущимися в какой-то лощине. Поймав одну из лошадей, я сел на нее, а остальных погнав впереди себя. Пустив табун во весь опор, я вскоре добрался до палаток, но утром того дня мы не смогли выйти на работу. Это был весь ущерб для нас.

³ В оригинале – Татархан Басол (Tatarhan Basol).

⁴ В результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Карсская область (наряду с Ардаганской и Батумской) была аннексирована Российской империей. По Брестскому мирному договору 1918 г. она была возвращена Османской империи.

Хотя история с волками на этом закончилась, место нашего пребывания после этого потеряло для нас свою прелесть, и мы начали искать способ вернуться на родину чего бы нам это ни стоило. Это было нелегко сделать, потому что у нас был контракт. К тому же необходимы были соответствующие документы. Но однажды мой двоюродный брат Сафар⁵ встретился в Сарыкамыше с каким-то человеком и узнал, что, если дать взятку, то можно получить фальшивые документы для проезда в Тифлис якобы за товаром. Мы так и сделали и однажды рано утром отправились в путь. Нас было трое, и каждый гнал связку из пяти пустых телег. За Сарыкамышем нас остановили казаки и спросили, куда мы направляемся, однако, увидев наши документы, пропустили. Под грохот пустых телег мы пустили лошадей рысью. Там, где нас заставал вечер, мы останавливались на ночлег, а рано утром вновь отправлялись в путь. На двенадцатый день нашего путешествия примерно в час вечернего намаза мы достигли села Редант, расположенного в 7 километрах от Владикавказа на выезде из Дарьяльского ущелья. Здесь я несколько раз плюнул в ту сторону, откуда мы только что приехали, и попросил Бога, чтобы мне никогда больше не пришлось видеть этой страны. Но, видимо, Бог не принял мою молитву. Судьба сложилась так, что именно здесь я закончу свои дни. Значит, все происходит только так, как пожелает Аллах, необходимо верить в это.

Воспользовавшись наступлением темноты, мы оставили телеги в пригороде Владикавказа и пошли в ресторан, где поужинали и переночевали, а утром выехали в сторону нашего села. По дороге мы встретили нескольких офицеров – наших односельчан, – возвращавшихся из увольнения на фронт. После обмена приветствиями они сказали нам: «Зря вы приехали, в деревне ведутся тщательные обыски. Вас арестуют и отправят на фронт. Так что будьте осторожны и днем не появляйтесь в селе». Поэтому, проведя весь день в пути, мы вошли в село лишь ночью. Зимой, весной и летом мы провели, прячась в разных местах. Так мы прожили вплоть до революции 1917 года.

В результате революции русский царь Николай Романов был свергнут с престола и вместе со всей семьей заключен в тюрьму. На фронтах солдаты бросали оружие и кричали: «Долой царя! Свобода! Земля! Воля!»⁶ Рядовые арестовывали и расстреливали своих офицеров. По всей России уничтожали фабрикантов, грабили, сжигали и разрушали заводы, отбирали земли у помещиков, а их самих убивали. Этот пожар перекинулся и к нам. Но все-таки не от русских нам

досталось, а от нашего же собственного народа, от своих крестьян, вставших на сторону большевиков. Они давно ждали этих дней, потому что у них не было своей земли. Некоторые из них являлись потомками рабов наших предков, некоторые же переселились к нам отовсюду и, арендовав землю у наших отцов и дедов, обосновались в нашем селе, построили себе здесь жилища. Каждый человек платил нам 4 рубля в год за аренду участка земли, на котором он строил дом и т. п. За аренду полей и пастбищ выплачивалась десятина. Те же, кто не имел возможности арендовать землю, вступали с нами в партнерские отношения: мы предоставляли им землю и семена, а они засеивали и убирали урожай, который делился затем поровну, так что осенью наши амбары заполнялись доверху. Таким образом, мы, не работая, жили на даровщину. Это и было причиной того сложного положения, в котором мы оказались впоследствии, о чем я напишу ниже. Народ был нами крайне недоволен и, будь это в его силах, давно бы нас уничтожил. Но государство было на нашей стороне, знатные семьи неизменно находились под его опекой и покровительством. Знать по закону имела большие права, чем народ. Кроме того, существовало и традиционное деление на классы, в чем также не было ничего приятного. Представителями высшего сословия у нас, дигорцев, являлись баделиаты, у тагаурских, куртатинских и алагирских осетин – алдары и уазданы, а у кабардинцев – пши и уорки. Среднее сословие у осетин составляли фарсаги, которые не являлись рабами, но и сами не имели рабов. Третье же сословие представляли рабы и дети наложниц, называвшиеся у осетин кусагами и кавдасардами. Знатные семьи – будь то осетины или кабардинцы – заключали браки только между собой. Вступать же в брак с теми, кого они относили к низшим слоям, было категорически запрещено. Поэтому они не рождались и не сближались друг с другом. Низшие сословия питали ненависть к представителям высшего, считая их своими врагами. Революция же 1917 года, как я уже отметил, благоприятствовала им, поскольку коммунизм не только упразднил сословия, но и наделил их землей.

Наши крестьяне тоже собрались и создали земельную комиссию. Члены этой комиссии явились к нам, прежним землевладельцам, и сказали: «Как вам известно, царь Николай свергнут, и власть перешла к советскому большевистскому правительству. По всей России провозглашена земельная свобода. Вся земля, ранее принадлежавшая государству либо помещикам, передается народу. Так что и вы должны отдать нам свою землю, которую мы раздадим крестьянам. Наша делегация избрана народом, чтобы сообщить вам это. Мы хотим знать ваше мнение по данному вопросу». Наши посовещались и ответили, что не могут противостоять

⁵ В оригинале – Сефер (Sefer).

⁶ В оригинале по-русски.

огромной России и не возражают против того, чтобы их земли были розданы, как того требует комиссия. Делегация, расточая любезности, выразила удовлетворение таким ответом: «Поскольку вы отнеслись к нашему требованию с пониманием и подчинились закону, мы со своей стороны также хотим сделать для вас доброе дело, – сказали они. – Вы вправе выбрать из своих земель такой участок, который вы в состоянии обрабатывать собственным трудом, не привлекая издольщиков, батраков и арендаторов. Признаем за вами еще одну привилегию: в отличие от остального населения, которому мы раздаем разбросанные участки в зависимости от количества членов семьи, вам мы предоставим цельные участки. Только покажите те места, которые вам нравятся». Наши поневоле выразили свое согласие и, поблагодарив комиссию, попросили для себя самые плодородные земли. Делегация не возражала и, заключив таким образом с нами соглашение, с миром ушла.

Все условия были неукоснительно выполнены. Обе стороны старались привыкнуть к новому положению. У нас все обошлось без разбоев, грабежей и убийств, имевших место в других областях России, были лишь отобраны наши земли. Причина этого состояла в том, что в наших селах не было русских, местные же жители были привержены обычаям и традициям и относились друг к другу с уважением. Конечно, вследствие сословного неравенства, о котором я рассказал выше, имелись и озлобленные люди. Их переполняла вековая ненависть к нам, они жаждали мести и при удобном случае готовы были совершить любое злодеяние. Однако они не осмеливались на подобные действия в одиночку или небольшими группами, потому что, хотя мы и были в меньшинстве, но благодаря нашему прежнему образу жизни намного превосходили их в искусстве верховой езды и владении оружием. Они всю жизнь работали в поле и только во время службы в армии получали незначительную воинскую подготовку. У нас же, когда ребенку исполнялось 5-6 лет, его обучали езде верхом, по достижении 8-10 лет – привязыванию к поясу кинжала и пистолета, а затем и обращению с ними. Наши обычаи прививали уважение к старшим и любовь к младшим, мы воспитывались в условиях почти военной дисциплины. Благодаря такому воспитанию те из нас, кто уходили в армию, очень быстро становились ефрейторами и унтер-офицерами. Более того, из тех, кто в Первую мировую войну добровольно или по призыву ушли на фронт солдатами, значительное большинство дослужилось до офицерских званий. Когда произошла революция и на всех фронтах началось массовое дезертирство, наши офицеры и солдаты также возвратились домой. Одним словом, мы могли противостоять любой силе, не слишком

превосходящей нашу в численности, и поэтому беспорядки пока миновали наше село.

Наступил 1918 год. Наш осетинский кавалерийский полк вернулся с германского фронта во Владикавказ. Солдаты были измотаны войной и, чтобы обновить личный состав полка и включить в его ряды молодых бойцов, собрали нас, резервистов, а также тех, кто был моложе нас, и разместили по казармам. Ветераны передавали нам своих лошадей, обучали военному делу, но оружие пока не выдавали. После завершения нашего обучения они должны были демобилизоваться. Лошади были превосходно выдрессированы, но из-за проделанного ими длинного пути сильно отощали. Еще до того как нам передали лошадей, один вахмистр знаком руки подозвал меня к себе и повел в конюшню. Показывая рукой на гнедую лошадь с белым пятном на лбу, истощавшую, но очень красивую, он сказал: «Смотри, парень, это мой конь. В полку он прославился как герой. Мне очень трудно с ним расставаться, и я не хочу оставлять его первому попавшемуся человеку. Среди молодежи я искал такого, кто знал бы цену лошадям. Ты мне понравился. Заботься об этом коне так, чтобы я не переживал за него. Его зовут Аст». Услышав свое имя, лошадь подняла голову от кормушки и повернула ее к хозяину. «Видал?» – спросил вахмистр, поглаживая лошадь. «Что поделаешь, Аст? Судьбе угодно нас разлучить», – продолжал он с грустью. Я принял это предложение, отвел лошадь в сторону, привязал ее и поблагодарил хозяина. Тем временем по приказу остальные солдаты тоже выбрали себе лошадей. Теперь мы целыми днями ухаживали за ними, водили к Тереку на водопой, кормили травой, сеном и ячменем. Оружие и седла нам пока еще не раздали. Только дозорным на время несения караула выдавалось оружие.

Прошел месяц. Наши лошади набрались сил, окрепли. Однажды ночью мы услышали выстрелы, свидетельствующие о том, что где-то происходит перестрелка. Мы выскочили на улицу. Оказывается, ингуши напали на тюрьму и подожгли ее. Когда мы приблизились к месту событий, пожар стал еще сильнее. Языки пламени поднимались высоко в небо, и было светло как днем. Взломана была не только тюрьма, но и двери ближайших магазинов, которые подверглись разграблению. На наших глазах из тюремного склада было унесено большое количество казенной материи. Никогда не забуду увиденную там сцену. Какой-то человек, не оглядываясь, бежит с прижатым к груди толстым рулоном материи. Другому человеку, бегущему следом, удалось ухватить край материи, который он тянет изо всех сил, отбрасывая вытянутую ткань себе за спину и намереваясь, видимо, подобрать ее потом. Рулон в руках бегущего первым человека

вращается, как юла, постепенно разматываясь. За вторым человеком также бегут люди, но они, отрезав кинжалами от валяющейся на земле ткани куски нужной им величины, тут же убегают. В результате первые двое остались ни с чем. Мы покатывались со смеху, словно перед нами разыгрывалась комедия.

На другой стороне города перестрелка все еще продолжалась. В конце концов мы выяснили, что ингуши перешли на сторону большевиков. В тюрьмах находилось много ингушей. Одновременно ингуши, проживавшие на правом берегу Терека недалеко от города, объединились с теми, кто сбежали из тюрьмы, и, укрепив таким образом свои силы, атаковали казаков, являвшихся сторонниками царя. Бой не прекращался ни на минуту. Ни у кого не было сведений об убитых и раненых.

Мы вернулись в казармы. У нас не было ни оружия, ни офицеров, которые могли бы нами командовать. Мы опасались, что, если ингуши дойдут до того места, где мы располагались, они и нас убьют, приняв за казаков. В нашем отряде было несколько человек из нашей фамилии. Я разыскал троих из них, отозвал в сторону и спросил, что они думают делать. Увидев, что у них нет никакого плана, я предложил с наступлением утра бежать отсюда и вернуться в село. «На чем?» – спросили они. Я ответил, что знаю, какой длинный путь нам предстоит: не менее 40-50 километров. На поезд мы не сможем сесть, поймают. Вывести лошадей из конюшни также невозможно. Единственный выход – отправиться утром никем не замеченными и пешком выйти за пределы города. Затем, если идти не по главной дороге, а по лугам, переходя из села в село, то за два дня можно добраться до нашего села. На том и порешили. Ушли украдкой в час утреннего намаза и кратчайшим путем вышли за пределы города. В самом городе столкновения все еще продолжались. Вскоре рассвело. Мы уже собирались свернуть с главной дороги, как вдруг впереди нас появился кавалерийский отряд с фургонами, на которых были установлены пулеметы «максим» и «льюис». Что делать? Пытаться бежать было бессмысленно. Все равно далеко не убежишь – ведь они на отличных лошадях, а мы пешие. Я сказал товарищам: «Ведите себя как ни в чем не бывало и в разговор не вмешивайтесь. Говорить буду я». Тогда я довольно бегло говорил по-русски. Мы поравнялись. После обмена приветствиями они спросили, кто мы и куда направляемся. Я представил себя и своих спутников. Сами всадники оказались родом из казачьей станицы Архонской, расположенной в 10 километрах от города, и знали нашу семью. Я объяснил, что мы только месяц в армии и как новобранцам нам еще не выдали оружие. Я сказал также, что ночью ингуши напали на город и что мы вернемся воевать с

ними, как только возьмем в селе своих лошадей и оружие. Они рассмеялись и сказали: «Вам нет необходимости так утомляться. Идите с нами. Мы сейчас вступим с ними в бой, а, так как без потерь как с их, так и с нашей стороны не обойдется, вы сможете воспользоваться оружием убитых». На это я ответил, что все же будет лучше, если у нас будут свои лошади и оружие. Они больше не настаивали и, пожелав друг другу удачи, мы разошлись. Вскоре мы уже проходили через родную станицу встреченных нами в пути казаков. Перед одним из домов стояла пожилая женщина. Поздоровавшись, я обратился к ней с просьбой продать нам буханку хлеба, так как мы возвращаемся из города с войны и уже два дня не ели. Она тут же пригласила нас войти. Поскольку все мужчины ушли сражаться, в доме находились только женщины. Нас посадили за стол, вскипятили воду в самоваре и угостили чаем, хлебом и сыром. Наевшись и согревшись, мы поблагодарили бабушку за гостеприимство и отправились дальше. К вечеру мы добрались до села Ногкау, где жили куртатинцы. Погостив там у родственников, на следующий день мы прибыли в свое родное село, где наконец обрели какой-то покой, где нас никто не разыскивал и где пока не было никакого правительства. В городе столкновения ингушей с казаками продолжались еще некоторое время, но вскоре и там установилось продолжительное спокойствие.

Под руководством большевиков комиссии по распределению земли раздавали участки по числу душ в каждой семье. Получившие землю прежде безземельные крестьяне с радостью принимались ее обрабатывать, при этом, естественно, не забывая выражать свою благодарность Ленину и установленному им строю. Мы же старались довольствоваться землей, оставленной в нашем распоряжении. По сравнению с остальным населением, наше положение было вполне сносным. Ведь у нас имелось все, что было необходимо в хозяйстве: и орудия труда, и инвентарь, и упряжные животные, и семена для посева. Вначале, пожалуй, было трудно работать в поле, но со временем мы привыкли. Сеяли не столько пшеницу, сколько кукурузу, потому что, хоть с ней и приходилось много возиться, она давала лучший урожай. Большую часть времени мы проводили в поле с мотыгой или за боронной, но мы не жаловались на жизнь и прожили весну 1918 года в полной гармонии с природой.

Однако некоторые крестьяне нашего села, не сумевшие сорвать на нас злобу и ненависть прошлых лет, вели агитацию против нас. «В России аристократию, помещиков и богачей арестовали вместе с царем, многих уничтожили, а их имущество и земли присвоили себе. Нам тоже следовало так поступить с баделиатами, – твердили они повсюду. – Ведь их предки использовали

наших как рабов, унижали их. И к нам они всегда относились с презрением, не желали с нами родниться и вели себя так, словно являлись представителями другой нации. А что же мы? Ограничились лишь тем, что отняли у них земли. Разве у нас совсем нет гордости? Нужно заставить баделиатов заплатить за прошлые обиды». Такими речами они настраивали людей против нас и старались собрать вокруг себя сторонников. Сначала мы ничего об этом не знали. Прослышав о злоключениях царя, мы стремились вести как можно более скромный образ жизни. Однако противники не унимались и развернули пропаганду против нас уже не только в дигорских, но и иронских селениях. Они устраивали втайне от нас собрания, принимая на них какие-то решения. Их активность нарастала. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Внутри этой группы были люди, все еще любившие нас и искренне привязанные к нам, которые, хотя и не выступали против принимавшихся на собраниях решений, но все же не желали нам зла и поэтому давали знать о происходящем. Со временем собрания участились, стали более многочисленными и приняли форму съезда. Теперь они собирались в селе Христиановском⁷, где жили дигорцы-христиане. Оно находилось в 8-10 километрах от нашего села, на реке Урсдон, берущей свое начало в наших краях. Население его в то время составляло 3000 дворов. Это были богатые, образованные и культурные люди, весьма успешно занимавшиеся сельским хозяйством. Поскольку они являлись христианами, с ними мы также не поддерживали родственных или близких дружеских отношений. Это обстоятельство послужило причиной их сближения с нашими недругами. Наши информаторы, о которых я сказал выше, сообщили нам очередные новости: «Эти люди полны решимости стереть с лица земли весь ваш род. Находящиеся среди них несколько интеллигентов заявляют, что они читали принципы Ленина и устав большевистской партии и что, согласно этим принципам, нельзя причинять вред гражданам, не оказывающим сопротивления большевизму и коммунизму и принявшим новый строй, кем бы эти граждане ни являлись. Они настаивают на том, что призывы к расправе над вами являются ошибочными. Эти интеллигенты говорят также, что баделиаты беспрекословно отдали свою землю, и, если на них сейчас напасть, завтра можно оказаться виновными перед законом. Остальной же народ темный, ничего не понимает и лишь ворчит, мол, в чем же тогда смысл революции, если не будет покончено с баделиатами. Их споры еще не закончены, иначе они бы уже давно большими силами напали на вас. Поэтому советуем вам отнестись к ситуации со всей серьезностью».

⁷ Ныне город Дигора.

После таких известий мы тоже собрались, обсудили создавшееся положение и решили, что, если они все-таки нападут на нас, мы должны быть готовы сражаться до последнего человека. У нас было достаточно ружей, пистолетов, сабель и кинжалов. Поскольку наши противники также являлись гражданскими людьми, то и у них не было иного оружия. Таким образом, по вооружению мы были равны. В случае столкновения мы также рассчитывали на свою сноровку и боевые навыки. По ночам начали дежурить у своих домов. В этом напряженном ожидании прошли дни и месяцы. Мы скосили траву, убрали хлеб. Их собрания же все продолжались. Наконец нам стало известно, что интеллигенты, которые были против нападения, покинули собрание, заявив, что не могут взять на себя такую ответственность. Мы даже слышали, что двое из них позднее бежали в Грузию.

Через несколько дней после этого последнего собрания утром на рассвете мы увидели, что наше село окружено. Как оказалось, они разместили свой штаб в двух-трех километрах от села, а на холмистой опушке леса выставили группы всадников. Их было довольно много, и все было организовано так, словно они собирались штурмовать вражеский город. Впоследствии мы узнали, что в ближайших казачьих станицах они силой собрали людей и, кроме того, притащили оттуда две пушки (казаки, которые так же, как и мы, являлись сторонниками царя, не хотели участвовать в нападении, но вынуждены были сделать это под давлением). Мы заняли позиции и стали ждать начала атаки. Одновременно наши старшие решили направить двух человек в штаб противника, чтобы узнать от их руководства, в чем заключаются их требования. В качестве парламентаров были избраны мои дядя и старший брат. С белым флагом они отправились в путь. Когда они приблизились к штабу, навстречу им выехал всадник и приказал возвращаться назад. Мой дядя сказал, что хотел бы встретиться с их лидерами, но всадник ответил, что у них нет каких-либо специальных лидеров, так как каждый из них является лидером, и вновь потребовал, чтобы парламентары возвращались, предупредив, что сейчас начнется артиллерийский обстрел. И действительно, прежде чем наши успели добраться до села, был открыт огонь из орудий, и, чтобы не попасть под него, им пришлось скакать во весь опор. Поскольку село находилось в ложине, снаряды пролетали над нами и падали на лесистый склон позади нас. Лишь один снаряд разорвался в самом селе. Он влетел в заднее окно одного из домов и вылетел через переднее, и, так как в доме никого не было, наши потери свелись к двум разбитым стеклам.

В час вечернего намаза они перешли в наступление: казачья кавалерия впереди, остальные – сзади.

Ворвавшись в село, они заняли один из домов, в котором находились лишь женщины и 90-летний старик, сыновья которого были вместе с нами на позициях. Старик, увидев перед собой казаков, с возгласом «Газават!» обнажил висевшую на стене саблю, но казаки опередили его и одним выстрелом уложили на месте. Во время этой же атаки 60-летний Бекир Кантемиров⁸ стрелял в нападавших из-под балкона своего дома, но также был убит. Появление противника в самом селе лишило наших возможности успешно сопротивляться. Поэтому некоторые, улучив момент, незаметно сбежали. Мы же продолжали стрелять по врагам. Они то отходили, то снова пытались наступать. В какой-то момент группа пеших противников ворвалась в просторный двор моего дяди, и, когда я открыл по ним огонь из нашего дома, они в ответ бросили гранату. Я продолжал стрелять, но попасть в них было практически невозможно, так как они находились вне досягаемости моего оружия. Сыновья моего дяди занимали позицию в своей конюшне. У них имелись десятизарядные маузеры, и, когда нападавшие приблизились к нашей кунацкой, чтобы заставить меня «замолчать», один из сыновей дяди – Инал – открыл по ним огонь, как из пулемета. Одного он убил выстрелом в лоб. Находившийся рядом брат убитого с криком «О, мой брат!» склонился над ним и тоже был убит. Остальные решили, что в конюшне есть пулемет, и убежали.

Тела убитых валялись друг на друге. Внезапно крупными хлопьями повалил снег. Стемнело. Никого не было видно, стрельба прекратилась. Я предположил, что они не решились остаться в селе и вышли за его пределы. Теперь меня интересовала судьба двоюродных братьев. Один из них еще утром оседлал своего коня и оставил его в нашей конюшне. Лошадь другого находилась с ними в их конюшне, но они не смогли ее вывести, так как не рискнули после боя открывать двери конюшни. Выбравшись через ее заднее окно, они пришли к нам. Инал сказал, что убил двух человек и что, если они немедленно не скроются, враги не оставят их в живых. Взяв мою лошадь, они ушли вместе с моим старшим братом. Остались только я и мой младший брат Алихан. Всех женщин, детей и стариков мы заранее собрали в доме другого моего дяди, находившемся выше нашего дома, и я отправился туда. Там я узнал, что и их сыновья убежали, и в деревне не осталось молодых людей, кроме меня и Алихана. Что нам было делать? В конюшне оставались две-три лошади, но не было седел, а на неоседланной лошади далеко не уедешь. Тогда мы решили бежать в лес пешком. Мы положили в сумку два русских караваев, которые днем раньше испекли

из белой муки мать и старшая сестра и каждый из которых весил около трех килограммов. Взяли немного сушеного мяса, которое у нас сначала солят, а затем сушат на зиму. Теперь мы стали ждать подходящего момента, потому что изредка доносились звуки выстрелов. Мы не знали, кто и в кого стреляет, но решили, что это наши враги палят в воздух, чтобы запугать нас. Ведь им не было известно, что наши убежали. Тела тех двух убитых братьев все еще лежали во дворе. Забрать их они боялись. В конце концов пришли их представители и обратились к моему пожилому дяде с просьбой убедить своих сыновей не стрелять, пока они не заберут трупы. Дядя, конечно, согласился и, чтобы не дать знать, что его сыновья убежали, издали громко крикнул, как будто они все еще находились в конюшне: «Инал, не стреляйте! Дайте им унести убитых!» Вскоре звуки выстрелов стали еще реже.

Наше село было вытянуто вдоль реки Урсдон узкой полосой длиной приблизительно в 8 километров и состояло из тысячи с лишним дворов. Прямо напротив нашего дома был мост. За мостом находился крутой склон, на котором примерно на высоте 300 метров начинался лес. Мы ждали наготове. Основная проблема заключалась в том, чтобы подняться на этот склон. Когда же мы окажемся в лесу, все будет намного проще. Мы взяли ружья и сумку, попрощались с домашними и, сказав «С богом!», мигом перескочили через мост и начали карабкаться вверх. Из-за белизны снега и лунного света мы боялись быть замеченными с противоположного склона. Страх наш еще более усиливался, когда мы слышали выстрелы. Добравшись до середины склона, мы оглянулись назад и увидели, что три дома, принадлежавшие двоюродным братьям моей матери, объаты огнем. Языки пламени озаряли небо. Эти дома три года назад построили по единому плану три брата. Это были самые красивые дома в нашем селе. Мне стало очень больно, и я заплакал от горя. Слава богу, в домах уже никого не было! (Эти братья были из рода Тугановых⁹. Их звали Амирхан¹⁰, Исмаил и Асланбек. Асланбек был полковником. Сын Амирхана Алихан впоследствии стал подполковником в турецкой армии. Он умер в Стамбуле в 1954 году.)

Наконец мы добрались до леса. Снег все еще продолжал идти. В лесу мы вышли на какую-то дорожку, и только я хотел сказать: «Посмотрим, куда нас приведет эта дорожка», как вдруг перед нами из-за деревьев выскочил кабан и стал стремительно удаляться. Я схватил ружье и уже собирался выстрелить, но брат остановил меня. «Что ты делаешь? – сказал он. – Сегодня большевики выставили дозоры. Возможно, сейчас они здесь. К тому же что ты с ним будешь делать,

⁸ В оригинале – Кандемир (Kandemir).

⁹ В оригинале – Туган (Tuğan).

¹⁰ В оригинале – Эмирхан (Emirhan).

если даже убьешь?» Он был прав. Через некоторое время дорога закончилась, и после полуночи мы оказались в совершенно девственном лесу. Мы то взбирались на холмы, то спускались в ущелья, толком не представляя себе, где находимся. По моему предположению, нам следовало постоянно идти вправо, потому что, если мы выйдем к Суардону, одному из основных притоков протекающей через наше село реки, то мы сможем узнать наше местонахождение и, определив дальнейшее направление движения, дойдем затем до просеки в лесу, принадлежавшем нашей семье, и до лугов, использовавшихся как пастбища. Трава там очень хорошая. Дигорские крестьяне арендовали у нас эти места или пользовались ими на правах издольщиков. Они пригоняли туда зимовать свой скот и держали его там до лета. Везти оттуда траву в село было трудно, поэтому в случае необходимости ее продавали прямо здесь. Земельная комиссия оставила эти земли нам, и сейчас там имелась трава, скошенная нашими издольщиками в прошлом году. Сами издольщики тоже все еще жили там. Комиссия оставила нам эти участки, так как они находились очень далеко от села. Чтобы привезти траву на запряженной волами телеге или санях, надо было в течение целого дня добираться туда, заночевать и лишь к вечеру следующего дня можно было вернуться назад в село. Крестьяне не могли извлечь из этого пользу, и поэтому земли не были отобраны. Нашей целью сейчас было добраться туда, но мы не знали, где находимся. Спустились в какую-то лощину. Высота снежного покрова изрядно увеличилась. Мы едва передвигали ноги. Мой брат сказал, что устал. Мы сели, чтобы немного отдохнуть, отломили по куску хлеба и съели. Сварить мясо мы не смогли, так как второпях, оказывается, забыли взять из дома спички. Под влиянием усталости и недосыпания мы задремали. Почувствовав, однако, что начинаю замерзать, я проснулся и разбудил брата – не хватало нам еще заболеть! Я сказал, что пусть даже очень медленно, но мы должны двигаться дальше. Мы вышли из лощины. В этом девственном лесу росли грабовые деревья с диаметром ствола не менее 1 метра и высотой более 30 метров.

Вдруг мы заметили вдалеке костер. Пламя было очень сильным, и, – возможно, из-за дыма и ветра – нам показалось, что вокруг огня сидят несколько человек и о чем-то оживленно разговаривают. Внимательно вглядываясь, мы простояли там довольно долго, но так и не осмелились подойти ближе, потому что не были уверены в том, что, блуждая, не подошли вновь к нашему селу, а люди вокруг костра не являлись дозорными большевиков. Мы пошли по другому пути и обошли их издалека. На рассвете мы вышли к Суардону и, хотя никогда прежде не видели здешних

мест, ориентируясь по реке, могли теперь определить направление. Довольно трудно описать лес, в котором мы находились. Это были не отдельные рощи, как в Сарыкамыше, а сплошной лесной массив, который начинался в азербайджанском Карабахе и простирался вплоть до Азовского моря. Не зная дороги, здесь легко можно было заблудиться. Самым важным для нас теперь было узнать, в каком именно месте реки мы находимся. На другой ее стороне был отвесный, почти неприступный склон. По моему предположению, если мы поднимемся по этому склону, то прямо за ним мы выйдем к тем лугам, куда направляемся, если же станем обходить его вокруг, то сможем добраться туда только через два дня. Съев на берегу реки по куску хлеба, мы начали взбираться. Хватаясь за деревья и сучья, я поднимался на высоту, равную росту двух человек, а брат с сумкой на плече ждал меня внизу. Затем я протягивал Алихану ружье, он хватался за него, и я тянул его вверх. Не знаю, как долго мы таким образом карабкались, но под вечер мы достигли вершины. Перед нами открылась довольно ровная местность. Значит наше предположение было верно. С ранней юности и по сегодняшний день я редко ошибаюсь в определении направления.

На нашем дигорском языке эти открытые участки в лесу называются ардозами¹¹. Ко времени вечернего намаза мы пришли на ардосу Турумун, принадлежавшую сыновьям Гетагаза Кубатиева¹² – Сарыбеку и Хаджи-Татаркану¹³. Здесь находились крестьяне, пригнавшие сюда на зиму свой скот. Мы не были с ними знакомы, но они тоже были дигорцы. Нас пригласили в хижину и после обмена приветствиями, в соответствии с обычаем, поинтересовались, кто мы и откуда. Я как ни в чем не бывало представил себя и брата и сказал, что мы были на охоте, а на обратном пути решили взглянуть на наше сено на ардозе Боласта, но с наступлением темноты, чтобы не потерять дорогу, предпочли остановиться здесь на ночлег и побеспокоили их, за что просим прощения. «Да разве это беспокойство?! – воскликнули они. – Ваш приход для нас большая честь и радость. Добро пожаловать!» Осыпав нас такого рода любезностями, они сказали, что вчера со стороны равнины они слышали звуки орудийных выстрелов, и поинтересовались, не знаем ли мы, что там произошло. Я ответил, что уже 3-4 дня мы на охоте и поэтому ничего не знаем. На самом деле они, очевидно, знали обо всем гораздо лучше нас, но не подавали виду, потому что, хотя они и являлись сторонниками большевиков, к нам они тоже питали уважение. Они угостили нас теплым молоком, а мы поделились с ними белым хлебом, который им очень понравился. Ведь свой хлеб

¹¹ Осет. (диг.) 'жрдозж' – 'поляна'. (Прим. изд.)

¹² В оригинале – Кубат (Kubat).

¹³ В оригинале – Хаджи Татархан (Hacı Tatarhan).

они пекли из кукурузной муки. Показав нам место, где мы могли переночевать, они пожелали нам хорошо отдохнуть и удалились. И действительно, от усталости у нас не было сил разговаривать, глаза слипались. Тем не менее, когда мы вышли во двор по нужде, я сказал брату, чтобы он не спал крепким сном, потому что я не доверяю этим людям. Наше ложе трудно было назвать кроватью. Оно скорее походило на деревянные носилки, на которые сверху постелили чистое мягкое сено. Мы легли и задремали. Утром, когда мы проснулись, нам предложили молоко и хлеб. Позавтракав и поблагодарив хозяев за гостеприимство, мы отправились на свою ардозу.

Ничего похожего на дорогу не было. Мы просто шли по огромному лесу, куда не ступал никто, кроме охотников, пастухов и диких животных. Боже, что за красота! Граб, липа, вяз, ясень и другие породы деревьев. До нас доносились разнообразные приятные запахи. Не хотелось покидать эти места. Через некоторое время мы добрались до ардозы. Наши издольщики встретили нас радушно. Мы присели у стены хижин лицом к солнцу и стали разговаривать о житье-бытье. Вдруг я увидел, что к нам по засыпанной снегом дороге направляется человек высокого роста. Мы ждали с любопытством и беспокойством. Когда человек приблизился, я, наконец, узнал его. Это был наш родственник Ибрагим. Мы поздоровались и стали беседовать. В присутствии издольщиков мы не решались расспрашивать друг друга о происходящем. Мы ведь даже не знали наверняка, известно ли им что-нибудь о событиях в селе. Вероятность того, что среди тех, кто напал на нас, были и их близкие родственники, была весьма велика. Но даже если им что-то и было известно, они держали себя так, словно ни о чем не слышали. Мы вели себя так же. Через некоторое время Ибрагим моргнул мне и поднялся. Я тоже встал и пошел следом за ним. Когда мы немного отошли, Ибрагим спросил меня, – так, чтобы было слышно и остальным, – какое сено принадлежит нам и что мы собираемся с ним делать, добавив, что он пришел сюда с намерением продать часть своего сена. Я ответил, что мы думаем сначала узнать цены, а затем примем решение. Когда мы отошли достаточно далеко, мы расспросили друг друга об обстановке в деревне. Но мы знали примерно одно и то же, потому что, как оказалось, покинули село в один день. Он легко добрался по нормальной дороге, нам же пришлось испытать множество трудностей. Ибрагим спросил, доверяю ли я этим людям и не могут ли они донести на нас. Я ответил, что не знаю, что думать по этому поводу. Тогда он предложил отправиться на его ардозу, где сейчас живут зажиточные крестьяне, которые против коммунистов и большевиков, и погостить у них, так как там мы будем в безопасности.

Я принял это предложение. Вернувшись в хижину, я объявил, что мы уходим вместе с Ибрагимом. Издольщики уговаривали нас погостить еще немного, но, поблагодарив их, я ответил, что мы заглянули сюда по пути, чтобы проверить наше сено. «Мы бы задержались здесь еще на одну ночь, но, поскольку Ибрагиму нужно идти, мы решили составить ему компанию», – объяснил я причину нашего ухода. Вежливо попрощавшись, мы выпили предложенный ими на дорогу айран и расстались.

На ардозе Ибрагима нас встретили 9-10 человек, действительно являвшихся противниками коммунизма. Это было совершенно ясно из их разговоров. Поскольку они вели здесь холостяцкую жизнь, готовить для нас еду принялись молодые парни. Запах варящегося мяса еще сильнее разжег во мне чувство голода. Я уже начал мечтать о сладком сне после ужина, но Ибрагим, снова сделав мне знак глазом, отозвал меня в сторону. «Я очень беспокоюсь за домашних, – сказал он. – Алихан здесь в безопасности, а мы двое давай вернемся в село и выясним, что там происходит. Наши находятся сейчас в квартале Карагач¹⁴ у Кантемировых¹⁵. Если нам удастся туда пробраться, мы узнаем что-нибудь о детях, женщинах и стариках. К тому же там осталась моя лошадь, и в случае необходимости мы оба сядем на нее и вернемся сюда. Хотя, по правде говоря, я хочу поехать в куртатинское Ноккау¹⁶, потому что все те из наших, кто смог бежать, сейчас собрались там». Я поддержал этот план, и после ужина мы рассказали о нем остальным. Затем, оставив брата на их попечении, отправились в обратный путь.

Не знаю, как долго мы шли той длинной ноябрьской ночью, но в конце концов вышли к пастбищам семьи Ибрагима. С двух сторон от них рос лес, справа текла речка Бордон. Такие узкие, длинные луга у нас называются сопперами¹⁷. Там, где кончался соппер, начинался окраинный квартал нашего села – Кора. Дом Ибрагима тоже был в этом квартале. Здесь проживало шесть дворов Кубатиевых¹⁸ и один двор Абисаловых¹⁹, и здесь же сливались друг с другом речки Суардон и Бордон. Мы подошли к селу, но входить в него не решались. Собственно, в этом не было и смысла, потому что еще два дня назад все дома были покинуты: их жители перебрались в Карагач к Кантемировым. Тогда мы решили перейти речки вброд и с другой стороны подняться на холм, на который всего два дня назад мы с братом взбирались, едва выйдя из села, а затем тем же путем спуститься на террасообразную

¹⁴ Ныне село (квартал) Фалдон.

¹⁵ В оригинале – Кандемирлер (Kandemirler).

¹⁶ В оригинале по-осет. – Курттаты Ноккау (Kurttati Nokkau).

¹⁷ Видимо, местность с лесными массивами и лугами к северо-западу от Кора-Урсдона – *Соппжр*. (Прим. изд.)

¹⁸ В оригинале – Кубатлар (Kubatlar).

¹⁹ В оригинале – Абисаллар (Abisallar).

площадку, с которой все наше село можно было видеть как на ладони. Там находилось три дома Кубатиевых. Кроме того, квартал Карагач располагался как раз у основания этой террасы, а прямо напротив нее находился наш дом. Я снял обувь, чтобы перейти речку. Ибрагим же вдруг заявил, что, если он разуется, то больше не сможет надеть свою обувь, так как она у него настолько ветха, что может порваться на части, и тогда ему придется идти по снегу босиком. (Наша обувь сильно отличалась от нынешней. Это были мягкие сафьяновые сапожки. Их шили дома женщины, и они были не очень прочными.) Я посадил Ибрагима себе на спину, и таким образом мы перешли обе речки. Мы бросили взгляд на квартал Ибрагима. Дома были разграблены, все вплоть до оконных рам унесено. Перевалив через вершину холма, мы направились к террасе. Я посмотрел в ту сторону, где находились наши дома. Во дворе моего дяди горел большой костер. В свете его пламени я смог разглядеть несколько человек. Они были чем-то заняты у огня, но что именно они делали, мне не удалось разобрать. Впоследствии я узнал, что большевики использовали кунацкую моего дяди как тюрьму. Всех арестованных мужчин независимо от возраста они запирали там. У моего дяди были очень красивые, крупные и сильные быки. Одного из них они зарезали. Разобрав окружавший двор забор, разожгли из его сухих досок костер. Часть мяса они варили над огнем в большом казане, а из остального жарили шашлыки. Они пребывали в хорошем расположении духа и распевали песни.

Мы подошли уже довольно близко к тому месту склона, где находилась терраса. Между нами и домами было всего каких-нибудь 70 метров. Дома здесь стояли близко друг к другу. Мы могли видеть женщин, переходивших из одного дома в другой, но подойти не осмеливались, так как внутри вполне могли находиться большевики. В ожидании прошло немало времени, и мы начали замерзать. Тогда я сказал Ибрагиму, что все-таки подойду ближе и посмотрю, и побежал к среднему из трех домов. Я приложил ухо к двери: изнутри доносилась женская речь, мужских голосов не было слышно. В это время следом за мной подошел и Ибрагим. Поскольку дверь была не заперта, мы вошли в дом. Там находились женщины и девушки – наши родственницы. Увидев нас, они очень обрадовались, поочередно обняли нас, усадили и тут же в страхе и волнении сообщили, что дозорные ушли совсем недавно, но они приходят через каждые два часа и спрашивают, не появился ли кто-нибудь из мужчин. Хозяйка дома принесла что-то поесть. «Угощайтесь, не теряйте время, – сказала она. – Скоро они опять придут. Так что быстрее убегайте, пока вас не поймали». Хоть мы и были очень голодны, но заявили, что нашей целью

было лишь выяснить, что происходит в деревне. Однако они не знали ничего, за исключением того, что все женщины группами по 40-50 человек собрались в домах квартала Карагач на этом берегу Урсдона. Не знали они и того, кто в каком доме находится. Таким образом, я так и не смог выяснить местонахождения матери и сестер. Мы встали, чтобы идти, но хозяйка дома остановила нас, сказав, что не отпустит, пока мы не съедим что-нибудь. Несмотря на голод, аппетита у нас не было, но, чтобы не обидеть женщину, мы схватили что-то на ходу и, даже не дожидаясь, выскочили на улицу, а оттуда в одно мгновение добрались до склона. Но что же делать теперь? Ибрагим предложил попытаться тайком пробраться в квартал Кантемировых, взять там его лошадь и отправиться вместе в Ногау. Я не согласился, сказав, что это большой квартал и на улицах там будет много дозорных, которые без труда нас обнаружат и схватят. Я считал более разумным вернуться на ардозу, которую мы покинули ночью. Но Ибрагим был настроен осуществить задуманное. Освободив свою руку из моей, он начал спускаться по направлению к селу и вскоре исчез в темноте.

Я еще некоторое время постоял в нерешительности и медленно побрел обратно по той же дороге, по которой мы пришли. Перед лесом были заросли кустарника и, когда я дошел до них, оказался как раз напротив нашего дома. Там было несколько больших камней, и, протиснувшись между ними, я посмотрел на деревню. Благодаря лунному свету и белизне снега я видел ее очень хорошо. Довольно долго я наблюдал, но никто не выглядывал ни из нашего дома, ни из дома дяди. Двери и окна домов были закрыты, распахнуты лишь двери конюшен. Значит, они нас вчистую ограбили. Начало светать. Поскольку лес был рядом, я не боялся быть пойманным, но между камнями было холодно, и я начал замерзать. Как поступить? До ардозы очень далеко, к тому же я совершенно не спал и очень устал. Спуститься в деревню и зайти домой? Но там могут оказаться дозорные. Размышляя таким образом, я вдруг вспомнил, что немного поодаль, в кустарниковой чаще, живет сын тети моего отца. Среди кустарников там росло много диких яблонь, груш и других плодовых деревьев. Изредка попадались и большие деревья. Этот человек был очень трудолюбив. Он построил здесь дом и, скрестив различные сорта, собирал хорошие урожаи фруктов. Он дважды был женат, но детей у него не было.

От холода я начал стучать зубами и, сказав себе: «Эй, Болат, чего ты боишься? Какой смысл после этого имеет жизнь? Так и так пропадать», пошел к дому старика. Тихонько постучал и стал ждать, опустив палец на курок, так как не мог знать наверняка, кто откроет дверь. У меня отлегло от сердца, когда я услышал

голос дяди, спрашивавшего, кто там. Он тоже узнал меня и открыл дверь. Увидев, что я весь дрожу, он со словами «Ах ты, бедняга!» ввел меня внутрь, прижал к груди и заплакал. Тем временем пришла его жена и затопила железную печь, от которой в комнате стало тепло. Придя в себя, я спросил дядю об обстановке в селе, и он рассказал мне следующее: «Они запретили нам выходить на улицу. Женщины говорят, что они арестовали всех мужчин – и молодых, и стариков. Ко мне они тоже приходили, но почему-то не забрали, а лишь приказали не выходить на улицу. Вот я и сижу дома. Наблюдаю со своего порога за деревней, но кроме ваших домов отсюда ничего не видно. Какой-то человек угнал ваших волов, кто-то – коров, кто-то – лошадей». Когда я спросил об отце, он ответил: «Илас²⁰ иногда выходит из дома, прогуливается перед дверью и снова заходит в дом. Больше никого из ваших я не вижу». В сущности, другого ответа я и не ожидал. Между тем жена дяди разогрела еду и пригласила меня к столу. Прежде чем сесть, я попросил у дяди прощения за беспокойство в столь неподходящий час и сказал: «Я знаю, что вы не едите в такое время. Поэтому, пожалуйста, идите и ложитесь. Один я поем спокойнее». Он согласился и ушел в свою комнату. Поев, я поблагодарил тетю и предложил ей также идти спать, сказав, что и сам немного отдохну. В тепле я уснул прямо там, где сидел, а когда проснулся и выглянул в окно, было уже довольно светло.

Я вышел за дверь и стал наблюдать за нашим домом. Вдруг я увидел, что из трубы потянулся дымок. Затем открылась дверь, и показался отец, направлявшийся к конюшням. Пригнув голову, я быстро побежал к дому, совершенно не думая о том, правильно ли поступаю. Я перескочил через мост, влетел в дом, сел у печи и стал греться. Когда вошел отец и увидел меня, он удивленно воскликнул: «Это ты, Мишка?!» (отец называл меня именно этим именем). «Да», – ответил я, вскочив с места. Он тоже очень волновался за нас. Я рассказал ему о наших приключениях. Затем спросил о матери и сестрах. «Они перебрались в Карагач, – ответил отец. – Я слышал, что они находятся в доме Умара Абисалова²¹. Большевики утверждают, что арестовали всех, кроме меня и Тазрета (Тазрет был младшим братом отца). Объясняют это тем, что мы никому не причиняли зла. Говорят, что таково их решение и нам нечего бояться. Они также обещают не трогать наших сыновей, если те придут и сдадутся. Не могу понять, что за игру они ведут. Приходят по 4-5 раз в день, и все наши соседи или знакомые». Среди перечисленных отцом имен были и наши молочные братья. «Мы выросли на вашем хлебе, – говорили, оказывается,

они отцу, – и вы знаете, что мы не желаем, чтобы с вами случилось что-нибудь плохое. Мы люди богобоязненные и не причиним вам вреда». Я внимательно выслушал отца и сказал, что не доверяю им, даже если они говорят искренне. Ведь прошел всего год с тех пор, как мы отдали им землю и заключили соглашение, и вот они сами нарушили его. Интересно, чем они объяснят свои действия? Не верю я их обещаниям, особенно после того, как на своих собраниях они решили уничтожить нас. Отец согласился со мной и спросил, что я теперь думаю предпринять. Я ответил, что, поскольку уже очень светло и из дома выйти невозможно, до вечера я посижу в погребе, а ночью вернусь на Сурх-Ардозу. Спустившись в погреб, я постелил тюфяк и лег. От отца я узнал также, что в тот вечер, когда мы убежали, он, опасаясь ограбления, вынес кое-какие ценные вещи из дома и сложил их в яме в нашем саду, прикрыв сверху сеном в надежде, что идущий снег сделает это место незаметным. Однако кто-то все видел, и на следующую же ночь вещи исчезли.

Когда у человека тревожно на душе, ему становится не до сна, каким бы невыспавшимся он ни был. Так и я просыпался от каждого легкого шума. Ближе к обеду прибыл какой-то конный отряд. Их было около 15 человек. Выстроившись в нашем дворе, они вызвали отца. Я наблюдал за происходившим из маленького оконца в погребе. Они вновь спросили отца, не вернулся ли кто-нибудь из его сыновей, и стали по своему обыкновению уверять его, что нам с их стороны не грозит никакая опасность. Отец в свою очередь заверил их в том, что полностью доверяет им, и обещал немедленно отправить нас к ним в случае, если мы появимся. Для большей убедительности он взял с них слово, что они будут присматривать за нами и не дадут нас в обиду людям с дурными намерениями. Между тем я был свидетелем живой карикатуры. Было очевидно, что эти большевики под предлогом поиска беглецов заходили в дома с целью обыкновенного грабежа. В нашем селе было много офицеров почти всех званий вплоть до полковников. Входя в их дома, они бесцеремонно рылись в баулах, ящиках, шкатулках и забирали с собой все, что хотели, в том числе такие ценные и памятные вещи, как медали и эполеты. То, что я сейчас видел, было связано именно с этим. Эти люди прицепили медали и эполеты к хвостам и гривам своих лошадей, насмехаясь таким образом над нами. Таков был метод воспитания людей новым режимом.

Под вечер отец в доме моего младшего дяди Тазрета встретился с неким Эльмурзой Баскаевым²², который, хотя и считался сторонником большевиков, на самом деле был верен нам и являлся надежным человеком. Как рассказал Эльмурза, в эту ночь наши

²⁰ В оригинале – Ильяс (Ilyas).

²¹ В оригинале – Омер Абисал (Цмер Abisal).

²² В оригинале – Башикатай (Bacikatey).

молодые ребята, собравшиеся в Ногкау, намеревались в сопровождении отряда всадников приехать на телегах в Карагач и тайно вывезти оттуда несколько семей, которые будут заранее собраны в одном из домов на окраине квартала. Эльмурза должен был помогать им в этом. Вернувшись домой, отец сообщил эту новость и спросил меня, сказать ли ему Эльмурзе о том, что я нахожусь здесь. «Скажи, конечно, – ответил я, – пусть он и меня спасет». Эльмурза, как он и условился с отцом, пришел вечером около 9 часов. Я уже был наготове. Повесил на плечо ружье дулом вниз, удлинив ремень так, чтобы приклад упирался мне в подмышку, сверху одел меховую шубу и сел на коня позади Эльмурзы. Перед тем как отправиться, он предупредил меня, чтобы я не разговаривал в пути. Мы двигались по длинной грязной улице квартала Карагач. Была кромешная тьма. Будь эта ночь такой же светлой, как предыдущая, мы едва ли смогли бы так свободно ехать посреди улицы, потому что в пути то и дело встречались дозорные и окликали нас: «Кто ты?» Эльмурза отвечал им: «А ты кто?» Они его сразу же узнавали и начинали обмениваться с ним шутками, после чего мы ехали дальше. Иногда дозорные подъезжали к нам близко, но меня так ни разу и не заметили. Наконец мы добрались до окраины квартала. Женщины и дети, которые должны были ехать, находились в одном из домов в полной готовности. Вскоре за нами пришли два человека и забрали нас. Мы довольно долго шли пешком по полям и холмам, пока наконец не добрались до ожидавших нас трех повозок, запряженных каждая парой лошадей, и сопровождавшего их отряда вооруженных с ног до головы всадников. Мой старший брат Умар тоже находился в этом отряде, большинство которого составляла куртатинская молодежь. Все они превосходно владели оружием, поэтому, появившись перед ними даже целый полк, они смогли бы успешно ему противостоять. Когда женщины и дети были усажены в повозки, я тоже сел рядом с одним из возниц – Хасаном Цаликовым, – и через несколько часов мы достигли Ногкау. Жители села заранее подготовились к нашему прибытию и, разделив нас на группы, разобрали по домам. Меня повел к себе Хаджимурза Дзаболов²³. Когда я вошел в его кунацкую, я увидел, что там же находятся и все мои друзья, чему крайне обрадовался. Они тоже были рады видеть меня. Какое-то время мы рассказывали друг другу о своих приключениях, затем легли, и я, наконец, хорошо выспался.

Так как в селе были люди старше нас по возрасту, мы не могли предпринимать каких-либо действий по своей инициативе и ждали их распоряжений. Шли дни.

Через село, в котором мы находились, протекает река Ардон. Примерно в 15 километрах от него на другом берегу этой же реки располагался городок Алагир, более половины населения которого составляли осетины, а остальную часть – русские и грузины. Между осетинами и грузинами с давних пор существовали противоречия. После революции здешние русские придерживались нейтралитета, грузины заняли сторону большевиков, а что собой представляли осетины – было непонятно. И вот теперь, пользуясь смутой, они начали выяснять друг с другом отношения. Поскольку осетины были многочисленнее, они окружили грузинский квартал. Грузины же изо всех сил сопротивлялись, ведя огонь из своих домов. Кроме того, они изменили русло протекавшей через их квартал речки, оставив тем самым осетин без воды, и стреляли в каждого приближавшегося к воде осетина, будь то мужчина или женщина. После того как прибывшая из Алагира депутация побывала в доме полковника Угалука Цаликова²⁴, эти новости сразу же распространились по всему селу. Депутация просила полковника Угалука возглавить и упорядочить военные силы алагирцев, а также – во имя сохранения чести осетин – перебросить туда в качестве подкрепления вооруженные отряды, находившиеся в Ногкау. Как мы поняли из разговоров, жители этого села тоже не любили грузин. Зато они доверяли собравшимся сейчас здесь молодым ребятам из нашего села. Неслучайно полковник пригласил на собрание и наших старейшин, и в результате было принято решение объединиться с алагирцами под командованием полковника Угалука и атаковать грузин.

Тут же начались приготовления. Поскольку во время отсутствия боеспособных мужчин село могло подвергнуться нападению ардонских и кадгаронских большевиков, было решено вывезти всех женщин и детей на телегах в горные села Куртатинского и Карцинского ущелий. Те, кто лишь несколько дней назад прибыли сюда из нашего села в надежде немного отдохнуть, говорили, что попали из огня в полымя. Одновременно шло формирование подразделения, которому предстояло отправиться воевать в Алагир. Все работали не покладая рук. Каждый знал свои обязанности. Мне в числе десяти других человек было поручено перевезти женщин и детей. Почти никто из нас не желал соглашаться на это поручение. Нас задевало, что в то время как все шли сражаться, мы должны были оставаться среди женщин. Полковник Угалук, однако, произнес речь: «На войне каждый делает то, что ему поручено. Обязанности не выбирают, а выполняют. Всякая обязанность священна. Что толку от моего командирства, если каждый будет мне перечить. Я приказываю вам сопровождать женщин для обеспечения их

²³ В оригинале – Дзанболаты (Dzanbolati).

²⁴ В оригинале – Огалык Цалыккаты (Tsalikatti Oğalik).

безопасности». После этих слов нам ничего не оставалось, как отправиться вместе с женщинами в путь. К вечеру мы добрались до села Дзуарикау, расположенного у выхода реки Фиагдон из теснины. Поскольку жители этого села происходили, как и ногкауцы, из Куртатинского ущелья и принадлежали к одному с ними племени, они преградили нам путь и потребовали, чтобы мы остановились у них погостить. Мы согласились. Нас распределили по домам по 10-12 человек, зарезали баранов и угостили на славу. Утром после завтрака мы снова двинулись в путь. Этот участок дороги был очень каменист, к тому же нам часто приходилось переправляться через реку Фиагдон, которая протекала здесь, извиваясь змейкой. После полудня мы достигли села Гусыра, где находилась развилка дорог. Одна дорога вела в глубь Куртатинского ущелья, а другая – в сторону Карца. Наша колонна разделилась на две части. Одна продолжила путь вверх по Куртатинскому ущелью, а мы направились в Карца, куда прибыли лишь вечером. Все остановились у своих родственников.

Через три дня, проведенных здесь, нас стало томить бездействие, и, поскольку данное нам задание было выполнено, мы, три всадника, решили вернуться в Алагир на войну. Чтобы добраться туда как можно скорее, мы пустили лошадей вскачь и под вечер уже встретились со своими друзьями. От них мы узнали, что, когда наше подразделение вошло в Алагир, все вокруг выглядело спокойно. Решив, что противник напуган и собирается сдаваться, подразделение по главной улице направилось в сторону центральной площади, чтобы продемонстрировать там свою силу и превосходство. Однако, когда оно углубилось в поселок, грузины неожиданно открыли по нашим шквальную огонь из оконных и дверных проемов. Во время этой первой перестрелки погиб сын Гина Шанаева²⁵, благородный, отважный и красивый юноша, имени которого я сейчас не могу вспомнить, и еще несколько человек было ранено. Мы тоже теперь присоединились к своим товарищам. Наши старались атаковать, но враг не давал подойти близко. По вооружению мы были равны, так как стреляли только из винтовок. Пушек и пулеметов не было ни у той, ни у другой стороны.

Через некоторое время нам стало известно, что из Кадгарона в направлении Ногкау движутся большевистские подразделения. Полковник Угалук разделил своих кавалеристов на два отряда, сам возглавил тот из них, куда попал и я, и мы выступили навстречу большевикам. Выехав на равнину, мы спешили, и полковник передал свою лошадь одному из своих родственников – молодому парню по имени Алихан. Мы двигались теперь стрелковой цепью. Вскоре завязалась перестрелка с противником, который в несколько

раз превосходил нас по численности и благодаря этому стал нас постепенно окружать. Почувствовав это, наши начали бежать. Так как полковник находился в голове отряда, парень, ведший под уздцы его лошадь, не осмелился приблизиться к нему и бросился наутек вместе с лошадью. Наблюдавший за этим сын моего дяди Махар²⁶, который был очень искусным наездником, догнал удиравшего Алихана, забрал у него лошадь и привел ее полковнику. Полковник был бывалым фронтовым офицером. Как ни в чем не бывало сев на коня и поблагодарив Махара, он с досадой и злостью крикнул вслед беглецам: «Гъей, куырттаты лжппутж! Хъжды бынмж давынмж...», то есть примерно: «Эй, куртатинская молодежь! Вам бы только воровать в лесу, потому что больше вы ни на что не годны». Вместе с полковником мы медленно отошли назад и наконец скрылись в лесу. Издалека мы видели, как большевики заняли Ногкау и подожгли стога сена. Когда отовсюду стало подниматься пламя, мы решили, что они предали огню все село. Видя это, его жители были вне себя от горя. С наступлением темноты мы отправились в близлежащее село Хаталдон, а часть наших людей осталась ночевать в селе Суадаг. Как обычно, мы разошлись по домам партиями по 5-10 человек. Нас хорошо приняли и накормили ужином. Выставив на всякий случай часовых, мы легли спать.

Высланные нами ночью в сторону Ногкау разведчики не смогли разглядеть в темноте ничего, кроме пламени, и поэтому не сообщили ничего нового. Однако разведчик, вернувшийся утром, рассказал, что враг ушел, спалив только стога сена, все же остальное в селе цело и невредимо. Ногкауцы намеревались немедленно вернуться в родное село, но хозяева настояли на том, чтобы мы позавтракали. Никто, однако, не думал о том, голоден он или сыт: все переживали за свои дома.

Прибыв в село, мы увидели, что дома действительно не пострадали. Зато на улицах валялось много куриных перьев. Значит, они устроили себе угощение из здешних кур. Все разошлись по домам. У нас же не было ни дома, ни двора, и мы с товарищами вернулись в Карца. С этого дня где нас заставлял вечер, там мы встречали и утро.

Однажды я узнал, что арестованные жители нашего села были этапированы во Владикавказ. Среди них был и мой родственник Ибрагим, который несколько дней назад не послушался меня и вернулся в село. Кто-то заметил, как он входил в дом. На него донесли, и дом был оцеплен. Вскочив на лошадь, Ибрагим пытался бежать, но был схвачен. Через пару дней пришло новое известие. Ингуши, прослышавшие о том, что наши арестованные односельчане

²⁵ В оригинале – Шанатай (Shanatay).

²⁶ В оригинале – Махир (Mahir).

перевезены во Владикавказ, несмотря на то, что сами они являлись сторонниками большевиков, обратились в комитет с просьбой передать им на поруки этих осетин, пообещав, что доставят их в суд в назначенный день, а в случае, если не выполнят обещания, готовы будут сами понести наказание, предусмотренное для арестованных. Так наши стали гостями ингушей.

Нам же самим нечем заняться. Живем за чужой счет, проводим время в кунацких. Вскоре безделье начало тяготить. По прошествии нескольких дней я решил купить себе отрез ткани на костюм и навел на этот счет справки в селах Карцинского ущелья. Однако, поскольку в то время почти все магазины были разграблены, найти какую-либо ткань было невозможно не только в городе и поселках, но даже в деревнях. В горных селах женщины ткали красивую шерстяную ткань, напоминавшую кашемир, но и ее я не обнаружил. Мне лишь сказали, что то, что я ищу, может найтись в селах Куртатинского ущелья. Я предложил друзьям воспользоваться этим поводом для того, чтобы отправиться туда вместе и своими глазами увидеть прославленные в песнях и исторических преданиях места, в которых мне никогда раньше не приходилось бывать. Друзья, однако, не согласились, не захотев зря утомлять лошадей. Несмотря на то, что я настаивал, говоря, что не знаю никого в той стороне, и просил, чтобы хоть один из них поехал со мной, все было напрасно. Они лишь посоветовали мне ограничить маршрут двумя-тремя лежащими на основной дороге селами и, если там не удастся найти ткань, не ехать дальше и возвращаться назад. С этими словами они проводили меня в путь.

Доехав до развилки дорог в Гусыре, я свернул в сторону Куртатинского ущелья и, проехав довольно длинное расстояние, прибыл в какое-то село. У въезда в него я встретил трех мужчин, сидевших у стены какого-то дома лицом к солнцу и беседовавших друг с другом. Я поздоровался. Они тоже приветствовали меня, поднявшись на ноги. Я сказал, что ищу ткань, на что они ответили, что уже многие до меня приезжали за тем же, но возвращались ни с чем, и добавили, что, возможно, мне больше повезет в следующих селах. От них же я узнал, что это было то самое село Даллагкау, которое упоминается в старинной куртатинской песне. Когда я стал прощаться, они сказали мне: «Ты, похоже, не здешний. Задержись и погости у нас». Я поблагодарил их за приглашение, но отказался, сославшись на то, что мне предстоит еще побывать в других селах, а затем успеть вернуться обратно. Один из них, желая хоть чем-то мне помочь, сообщил, что впереди находятся села Лац и Харисджин и что в первом из них я вряд ли что-нибудь смогу найти, но во

втором в магазине Марзагановых²⁷, возможно, имеется ткань. Я вновь поблагодарил их, и мы расстались.

Я ехал по проходившей через село дороге и, когда доехал до его середины, увидел возвышавшийся за домами холм с очень крутым подъемом, на вершине которого находилось каменное строение, похожее на крепость. На его крыше было свалено огромное количество оленьих рогов, скопившихся здесь, возможно, за многие столетия. Вокруг не было ни души, и поэтому я не смог что-нибудь выяснить об этом строении и рогах. По моему предположению, они были связаны с обычаем, сохранившимся со времен многобожия, когда охотники преподносили рога убитых ими оленей в дар богу охоты. За селом ущелье расширилось, по обеим его сторонам возвышались холмы. На склонах холма, находившегося слева от меня, располагались древние крепости, а рядом с ними – четырехугольные башни высотой в 20-25 метров, имевшие вид широких в основании, но сужающихся кверху усеченных пирамид. У многих башен были обрушены стены или верх. Я думаю, что эти сооружения также относятся к очень старым временам и, возможно, были построены еще до прихода в это ущелье куртатинцев.

Я поехал дальше. Вскоре впереди показалось какое-то село, и через некоторое время я уже был там. На улицах никого не было, лишь из двери какого-то дома выглянул парнишка лет 12-13. Я подъехал к нему, поздоровался и спросил, как называется это село. Когда он ответил, что это Лац, я поинтересовался, где здесь можно найти кашемировый отрез. Мальчик, немного подумав, сказал, что здесь живет одна пожилая женщина, у которой, возможно, есть ткань, и побежал разузнать. Вскоре он вернулся и, сказав, что бабушка хочет меня видеть, пригласил в дом. Я спешил и, пройдя через несколько дверей, оказался в чистой аккуратной комнате. Женщина лет семидесяти сидела на тахте. Рядом с ней стояла женщина помоложе. Мы пожали друг другу руки, и я сел на указанное мне место. Мальчишка ждал стоя. Пожилая женщина сказала, что по тому, что я спрашивал у ребенка название села, она поняла, что я не здешний. Попросив не считать ее вопросы бестактными, она спросила, кто я и откуда. Узнав, что я из Кубатиевых, обе женщины стали выражать мне свое почтение. Затем старуха сделала головой знак молодой женщине и ребенку и, когда те вышли из комнаты, сказала: «Мы слышали о том, что с вами случилось и очень огорчены этим. Из рассказа ребенка я поняла, что вы, несомненно, из тех, кто подверглись нападению на равнине, потому что все живущие в этом ущелье знают наше село. Я правильно сделала, что пригласила вас в дом, и очень счастлива, что вижу вас. Наши мужчины, то есть мои сыновья,

²⁷ В оригинале – Мирзаганлар (Mirzaganlar).

ушли на пастбище, чтобы присмотреть за нашим скотом и пригнать лошадей. К вечеру они вернутся, так что сегодня я вас не отпущу, познакомьтесь с моими сыновьями, погостите у нас». Я поблагодарил ее и сказал, что в Карца меня ждут друзья, с которыми завтра мне предстоит ехать в Ногкау, и поэтому я бы хотел только увидеть кашемир, если он имеется. Старуха стала настаивать, но в это время открылась дверь, и в комнату вошла молодая женщина с большим подносом в руках, на котором находились уалибахи из свежего сыра, шашлык из сушеной баранины и маленький графин, до краев наполненный вишневым ликером. Женщина сказала также, что мою лошадь отвели в конюшню и дали ей сена. Услышав это, я стал извиняться за причиненные хлопоты. По правде говоря, хоть я и ломался и отнекивался, такой прием мне очень понравился. Немного погодя молодая женщина во второй раз вошла в комнату с чашей пива в руках, как будто вишневого ликера было недостаточно. Пожилая женщина взяла у нее чашу с темным пенящимся пивом и, произнеся «Добро пожаловать! Ты принес счастье в наш дом», протянула ее мне. Я отпил глоток и, как того требовал обычай, вернул чашу. Держа ее в руках, женщина сказала: «Пусть будут прокляты те, кто поступил с вами так несправедливо! Пусть лишившие вас дома и родины сами останутся без отечества!» После таких довольно длинных проклятий в адрес наших врагов она тоже выпила глоток пива. Мы стали обедать. Женщина время от времени поднимала чашу с пивом и, сказав несколько слов, протягивала ее мне. Таким образом, я не только наелся, но и хорошенько захмелел. Выпив в дополнение к пиву еще и немного ликера, я попросил разрешения ехать. Тут женщина начала просить прощения за то, что задержала меня, так как, по ее словам, не могла смириться с тем, что прибывший издалека путник проедет мимо, даже не погостив в их селе, и призналась, что кашемира у них, к сожалению, нет. Я был очень озадачен этим, но сказать было нечего. Поблагодарив хозяев за прием, я ушел.

Теперь, будучи сытым и в подвыпившем состоянии, я готов был ехать куда угодно. К тому же и лошадь моя была накормлена. Я направился в Харисджин и через полчаса был уже в магазине Марзагановых. Внутри было довольно многолюдно. Я поздоровался и спросил про кашемир. Продавец, указав на лежавшую в углу ткань, сказал, что хорошего материала у них не осталось, а имеющийся вряд ли понравится такому молодому человеку, как я, после чего занялся другими покупателями. Я знал, что этот человек приходился нам родственником, но мы не были знакомы. Если бы я ему представился, он обязательно пригласил бы меня к себе и оставил на ночь, и я бы, конечно, не отказался от этого. Но было очевидно, что

у него нет времени заниматься мной, так как под вечер в лавке собралось много покупателей, и все торопились. Поэтому я лишь спросил его, где я могу найти хорошую ткань. Он указал на находившуюся напротив нас гору и сказал: «Там расположено село Цмити. Надеюсь, что, если вы сможете туда добраться, то найдете там у торговца по имени Ахберди²⁸ ткань, которую ищите». Я поблагодарил его и вышел. Человек какое-то время смотрел мне вслед, словно хотел что-то сказать или спросить, однако не сделал этого.

Я сел на коня. Гора, которую показал мне продавец, находилась на моем обратном пути. Я вернулся на дорогу, по которой только что приехал, и, проехав по ней около километра в обратном направлении, очутился на перекрестке дорог, одна из которых вела на Цмитинскую гору. Здесь я задумался, стоит ли мне туда подниматься или нет. «До Карца далеко, и доеду я туда только к полуночи. Здесь же я никого не знаю, но, как бы то ни было, это – осетинское село, и кто-нибудь непременно оставит меня погостить», – подумал я и, повернув налево, начал взбираться на высокую крутую гору. Наступили сумерки. Я ехал очень долго, и село должно было быть уже близко, когда вдруг я услышал звук приближающейся телеги, а вскоре показался и темный силуэт человека. Человек тоже меня заметил и, сняв с плеча ружье, направил его на меня. «Эй, кто ты? – закричал он. – Не приближайся, а то убью». Я остановился и спросил, кто он такой и что я ему сделал плохого, что он хочет меня убить. Он ответил, что не местный и живет на равнине в селе Заманкул. «Я тоже здесь гость, – сказал я, – я дигорец по фамилии Кубатиев». «Хорошо, если так, – обрадовался он, – тогда давай поговорим». Он подошел ко мне, и мы пожали друг другу руки. Незнакомец спросил, куда и зачем я еду, и я объяснил цель моей поездки. Затем он поинтересовался, знаком ли я здесь с кем-нибудь, и, узнав, что я здесь чужак и никого не знаю, предостерег меня следующим образом: «Это очень плохо. Они собаки и съедят тебя из-за твоей лошади и оружия, поэтому никому не верь. Правда, есть тут один человек по имени Хаматкан, из фамилии Еловых²⁹. Будь его гостем. Если же ты думаешь остановиться у других, то лучше возвращайся назад». Я поблагодарил его, и мы расстались.

Я въехал в село. Перед садовой калиткой одного дома разговаривали два человека моего возраста. Я подъехал к ним, поздоровался и спросил, где находится дом Хаматкана Елоева. Поняв, что я не местный, один из них, должно быть хозяин дома, открыл калитку и пригласил меня войти со словами: «Пожалуйста, будь нашим гостем, окажи честь». Я поблагодарил

²⁸ В оригинале – Акверди (Akverdi).

²⁹ В оригинале – Елувата (Yeluvata).

его, сказав, что мне необходимо остановиться у Хаматкана. Они попробовали настаивать, говоря, что нет разницы в том, у кого останавливаться, но я не согласился, и молодому человеку, приглашавшему меня в свой дом, ничего не осталось, как пойти впереди меня, показывая дорогу. Когда мы подошли к какому-то загону для скота, он крикнул старику лет семидесяти, бросавшему животным сено: «Эй, Хаматкан, принимай гостя». Старик ответил: «Любой гость от бога, зови его в дом». Молодой человек взял под уздцы мою лошадь, привязал ее к дереву, и мы вошли в дверь. До того дня я не встречал подобного жилища. Оно не было похоже ни на обычный дом, ни на казарму. У него имелся большой внутренний сад площадью примерно 40 на 50 метров. Где-то в стороне из источника с журчанием текла вода. Посередине находился открытый очаг, в котором ярко горел огонь. Хотя его пламя освещало все вокруг, были зажжены еще и сосновые лучины, и поднимающийся дым напоминал облако. Над очагом висел огромный котел, в котором что-то шумно кипело. Вокруг огня сидела большая группа мужчин, женщин и детей. Мы подошли, и, как только мой провожатый сообщил, что я гость, все тут же поднялись. Мне дали деревянный стул, и я стал греться. Мой провожатый из вежливости также не уходил и стоял рядом со мной. Через некоторое время подошел Хаматкан с сыном и обратился ко мне: «Добро пожаловать, дорогой гость. Прости за нескромный вопрос, но кто ты будешь? Откуда, куда и с какой целью направляешься?» Когда я назвал себя, он изменился в лице и сказал, что очень расстроен тем, что произошло с нами. Я поблагодарил его за сочувствие. Как оказалось, этот человек был старым солдатом и служил вместе с моими дядями. На груди у него красовалась медаль. Он поименно расспросил почти о всех наших старых офицерах, и я рассказал ему о состоянии здоровья живых и о том, когда ушли из жизни остальные. Он что-то шепнул на ухо своему сыну, и тот вместе с моим провожатым куда-то вышли. Мы продолжали беседу. Старик делился со мной своими воспоминаниями, связанными с моими родственниками, а я его слушал. Через некоторое время оба парня вернулись и сделали Хаматкану знак, означавший, что все готово. В этот момент я как раз задумался о том, в каком уголке этой «пещеры» мне предстоит спать, но мои размышления прервал сам Хаматкан, предложивший войти внутрь. Открылась еще одна дверь, и мы перешли в другой сад, где стоял красивый дом с балконом. Войдя в него, мы оказались в уютной комнате, в которой горела печь (по-видимому, ребята уходили именно для того, чтобы затопить ее) и было очень тепло. Хаматкан посидел немало с нами и ушел, сказав, что оставляет меня с моими сверстниками, чтобы я мог чувствовать себя свободнее.

Парни стали накрывать стол. Мой провожатый – я узнал, что его зовут Сили, – не уходил и помогал хозяину дома. На столе появились различные кушанья и графин с ликером. (По традиции, ликер, араку и пиво в Осетии делают в домашних условиях, и они имеются почти в каждом доме. Однако молодежь араку не пьет, потому что быть пьяным очень стыдно. Молодые пьют в небольшом количестве лишь пиво и ликер исключительно для поднятия духа. Араку же употребляют только взрослые, зрелые люди.) За едой и питьем мы разговорились и были весьма рады, что познакомились друг с другом. Они хотели знать, что происходит в нашей стороне, и я рассказал им о перенесенных нами злоключениях. Затем хозяин дома сказал, что, поскольку я приехал с дороги, то, вероятно, нуждаюсь в отдыхе, и предложил мне лечь спать, а завтра продолжить беседу. На это я ответил: «Как говорится, гость – овца, а хозяин – волк. Поэтому гость должен повиноваться». Все засмеялись. В комнате стояла красивая кровать. Они сняли с нее покрывало. Под ним было белоснежное постельное белье. Молодой хозяин дома постелил себе тут же на полу. Я попросил Сили вернуться домой, однако он сказал, что не уйдет, пока гость не ляжет (так у нас полагалось по обычаю). Когда я лег, Сили пожелал мне спокойной ночи и, добавив, что поговорит с Ахберди и решит вопрос с кашемиром, вышел из комнаты.

В ту ночь я спал очень хорошо. Утром мы хорошо умылись, оделись и сели завтракать. Пришел и Сили. Хоть он и уверял, что уже позавтракал, мы его тоже усадили за стол. После завтрака выпили немного ликера, и я выразил намерение ехать. Они стали протестовать, настаивая, чтобы я остался еще на день, потому что их друзья тоже хотели бы со мной познакомиться, но я ответил, что не могу больше задерживаться. Сили сказал, что виделся с Ахберди и тот ждет нас в своем доме. Тем временем о моем предстоящем отъезде сообщили Хаматкану, который также стал этому противиться. «Как же так? – воскликнул он. – В кои-то веки я принимаю в своем доме представителя рода Кубатиевых. Или тебе жаль для меня такого счастья? Остайся еще на один день, тем более что мне есть что тебе рассказать и что ты потом передашь своим дядям». Несмотря на все его попытки удержать меня, я извинился и объяснил, что мне непременно нужно ехать. Он продолжал, однако, упорствовать, настаивая, чтобы я остался у них хотя бы до обеда. Тогда к нему подошел Сили и что-то тихо сказал, после чего Хаматкан уступил. Он пожелал мне счастливого пути, попросил передать привет моим родственникам и извинился за то, что они не смогли принять меня, как следует. Мы пожали друг другу руки и расстались.

До жилища Ахберди мы дошли пешком, ведя лошадь под уздцы. Это был красивый дом с балконом, тянувшимся вдоль всего фасада на высоте метра от земли. Войдя в садовую калитку, Сили позвал Ахберди. Дверь открылась, и перед нами предстал очень красиво одетый симпатичный молодой человек, приветствовавший нас словом «Йеблагъуж» (это кабардинское слово, означающее «пожалуйста», «извольте», используют и наши осетины). Мы обменялись рукопожатиями, и он пригласил нас войти. Я пытался отказаться от приглашения, сказав, что мне необходимо отправиться в обратный путь как можно скорее, поскольку дни нынче короткие, а дорога предстоит длинная. Но он с улыбкой взял меня под руку и завел в дом, сказав, что нельзя уходить с порога, а затем добавил: «Давайте немного посидим и решим вашу проблему».

Несмотря на то что это было горное село, дом напоминал городской особняк с креслами и коврами, большим салоном и красивым фортепиано в нем. Как я потом узнал, Ахберди был выпускником лицея. Во Владикавказе у него был свой магазин, но, когда в городе начались беспорядки, он переехал в свое село и вынужден был оставить торговлю. Оказывается, у него тоже не было ткани, но, когда Сили рассказал ему обо мне, он попросил его не говорить мне об этом и привести меня к нему на обед, так как тоже хотел со мной познакомиться: во Владикавказе он знал кое-кого из Кубатиевых и надеялся, что я окажусь одним из них. Ахберди был старше меня на 3-4 года, но мы могли считаться ровесниками. Он перечислил имена своих знакомых из баделиатов, среди которых оказался и мой старший брат Умар, что еще больше нас сблизило. Пока я размышлял о том, как бы мне побыстрее решить свои дела и отправиться в путь, вошли еще два человека, оказавшиеся родственниками Ахберди. Приветствовав меня словами «Жгас цу, уазжг», они пожали мне руку. Вскоре нас стало уже шесть или семь человек. Они начали накрывать на стол. Я сказал, что собирался уйти, но они лишь засмеялись и предложили сначала немного перекусить, а потом ехать дальше. Сказав «Йеблагъуж», они усадили меня за стол. Угощаясь вкусной едой, пивом и ликером, мы провозглашали тост за тостом. Когда я снова заговорил об отъезде, они в один голос обратились ко мне: «Ну что ты заладил?! Уедешь, не беспокойся! В эти зимние дни мы в нашем горном селе умираем со скуки. Дел нет. Никто сюда не приезжает. Поэтому твое появление для нас – дар неба. Останься и сегодня здесь. К вечеру придут еще несколько наших друзей. Устроим вечеринку и весело проведем время. Поверь, что ты нам очень понравился». «Уверяю вас, что мне вы тоже очень понравились, – ответил я, – и, если бы не ожидающиеся

меня товарищи, которые будут волноваться, я бы остался здесь до тех пор, пока не надоел вам. У нас ведь нет ни дома, ни пристанища. Кому не захочется вести такую даровую жизнь? Я хочу, чтобы вы знали, что я никогда не забуду того теплого отношения к себе, которое встретил с вашей стороны». Они горячо заверили меня, что даже по этой короткой встрече они поняли, что им никогда не надоест мое общество, и высказали много других лестных слов в мой адрес. Я снова поблагодарил их и предложил поднять бокалы за здоровье Хаматкана. Мы стоя выпили до дна за Хаматкана, а затем поочередно за здоровье каждого из присутствовавших. Казалось, этому не будет конца. Мы повеселели и стали все больше хмелеть. Тогда я поднял свой бокал и провозгласил завершающий тост за изобилие. Остальные нехотя согласились. Мы выпили и наконец встали из-за стола. Ребята теперь выразили намерение проводить меня до границы села и, сколько я ни возражал, настояли на своем. Пока мы спорили, сын Хаматкана и Сили уже подъехали к дому верхом. Лошадь же Ахберди давно была готова. Вчетвером мы отправились в путь. Переговариваясь, долго ехали вниз по склону. Я неоднократно спрашивал, не доехали ли мы еще до границы, но всякий раз получал отрицательный ответ. Когда мы наконец спустились на ровное место, уже начало смеркаться. Я остановился и сказал: «Теперь я устанавливаю для вас границу, и, если вы меня любите, то не сделаете больше ни шага вперед». На этот раз они уступили. Мы пожали друг другу руки, и я уехал. Проехав какое-то расстояние, я оглянулся и увидел, что они все еще стоят и смотрят мне вслед. Я поднял вверх папаху и помаhal им на прощание. Они словно ждали этого и, схватив ружья, выстрелили три раза вверх. Затем помахали папахами и повернули обратно.

Чтобы выехать на главную дорогу, ведущую в сторону Карца, необходимо было преодолеть лежавший на пути холм. Я подстегнул лошадь и вскоре преодолел его. Подъезжая к развилке, я увидел, что по другой дороге со стороны Харисджина с такой же скоростью, как и я, приближался какой-то всадник. Мы поравнялись у развилки, и я узнал его. Это был мой хороший друг Мухар Басаев³⁰ из Ногкау. «Добрый вечер, что ты здесь делаешь?» – спросил он. Я приветствовал его и задал тот же вопрос. Он объяснил, что возвращается из Харисджина, где у него были дела. Когда я сказал, что еду из Цмити, он, удивленно глядя на меня, спросил, с какой целью я там был и как отважился на это. Я сказал. «Молодец, – воскликнул он, – это большое мужество. Я бы не осмелился поехать туда один, даже если бы мне давали миллион. Они ведь готовы съесть человека». Я ответил на это, что

³⁰ В оригинале – Баса (Basa).

вчера вечером мне сказали то же самое и назвали имя человека, у которого безопасно остановиться, после чего подробно рассказал ему всю историю. Он никак не мог поверить в то, что мне было там оказано гостеприимство, а когда я сказал, что меня еще и с почетом провожали, он внимательно посмотрел на меня, стараясь понять, шучу я или нет. Лишь когда я напомнил, что не в моих правилах говорить неправду, он поверил. Беседуя таким образом, мы миновали Лац, где днем раньше я был приглашен на обед, о чем я также поведал своему попутчику. «Ты очень везучий», – заметил он. Продолжая путь, мы подъехали к селу Даллагкау, и недалеко от того места, где вчера я видел груды оленьих рогов, Мухар слез с лошади и знаком предложил мне сделать то же самое. Затем он снял папаху и пошел пешком, ведя лошадь под уздцы. Я в точности повторил его действия, хотя не мог понять смысл этого. Удалившись от места, где находились рога, Мухар надел папаху и сел на лошадь. Я сделал то же. «Возможно, ты не знаешь, – сказал он, – это место называется Дзивгисы Дзуар. Оно обладает большой силой». Значит, традиции, сохранившиеся с эпохи многобожия, все еще оказывали влияние на здешнее население. Добравшись до развилки в Гусыре, мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути.

В Карца я приехал ночью, когда все уже собирались лечь спать. Друзья сказали, что очень волновались и думали отправиться завтра на мои поиски, если бы я не вернулся этой ночью. Потом попросили показать купленный мной кашемир. Я ответил, что ткань так и не купил, но зато провел за угощениями часы, полные внимания и доброжелательства. «Откуда же тебя там знают?» – удивились они. «Не меня, а мою семью и родственников», – ответил я. Затем я рассказал о том, что люди, которых я случайно встречал по дороге, плохо отзывались о жителях села Цмити, тогда как, по-моему, это самые культурные люди в мире, и очень любопытно, откуда они приобрели столь дурную славу. Тогда наш хозяин рассказал, что жители Цмити по происхождению отличаются от остальных обитателей Куртатинского ущелья. Иными словами, жители всех сел Куртатинского ущелья, кроме Цмити, являются детьми одного племени, в то время как жители Цмити – дети совершенно другого племени. Испокон веков они не могут ужиться друг с другом. Даже в наши дни между ними часто происходят конфликты. При удобном случае они грабят и даже убивают друг друга и никогда не упускают возможность унижить противоположную сторону словесно. Но к прочим народам и племенам и те, и другие относятся очень хорошо.

Если до сих пор вы терпеливо читали все, что я написал, вы можете спросить, почему о таких простых вещах я пишу в мельчайших подробностях. Это верно.

Однако то, что я в свои 78 лет точно помню события 56-летней давности, доставляет мне огромное удовольствие. Когда я пишу эти строки, я испытываю волнение, словно заново переживаю прошлое. Кроме того, я очень люблю осетин. Я не знаю, в какой степени там сейчас следуют прежним обычаям, но очень грущу и тоскую о традициях нашего времени, о любви и уважении, проявлявшихся людьми по отношению друг к другу. Где еще сегодня можно встретить примеры гостеприимства, о которых я рассказал выше? В наши дни люди, живущие в одном доме, даже не здороваются друг с другом. Коротко говоря, кавказский человек уникален в своем роде, однако это злополучная и беззащитная нация.

Почти в каждом доме любого кавказского села есть жилище для гостей – кунацкая, строение из одной комнаты, расположенное на некотором удалении от дома. Дверь в него всегда открыта, а печь готова разгореться в любую минуту. Благодаря этому путник в случае необходимости мог легко найти себе ночлег, никого при этом не беспокоя. Так вот и мы находили пищу и ночлег в кунацких в различных селах, ведя праздный образ жизни. Правильнее было бы назвать эту жизнь бродячей. Хозяева домов, где мы гостили, словно у них не было других дел, кроме как кормить нас, несколько раз в день накрывали нам стол. Это нас очень огорчало, нам было стыдно садиться за стол, а когда мы садились, кусок не лез в горло, но другого выхода у нас не было. Летом еще можно было бы жить в лесу, питаясь растениями и дичью, но зимой в снег мы могли лишь переезжать из деревни в деревню, периодически возвращаясь на прежние места.

Однажды ранним утром мы, три товарища, покинули Карца и отправились в Ногкау. Наш хозяин, выбежав вслед за нами, крикнул: «Куда это вы?» «Не беспокойся, – ответили мы, – сколько бы мы ни блуждали, рано или поздно опять появимся». Когда мы въехали в Гусыру, нас издали заметил Саулох Хадарцев³¹, стоявший у своего дома, и стал поджидать нас. После того как мы приблизились и приветствовали друг друга, он, указывая на дверь, сказал «Йеблагъуж!». Мы поблагодарили его и, хотя действительно искали место, где могли бы провести время, но, как полагается, немного пожеманничали, сказав, что нам необходимо двигаться дальше. Тогда Саулох схватил поводья двух ближайших к нему лошадей и заставил нас слезть, сказав, что не допустит, чтобы мы уехали, не погостив у него. Мы вошли в кунацкую, и, когда справились о житье-бытье и немного поговорили, мой товарищ шутя заметил хозяину: «Если уж ты затащил нас в гости и собираешься чем-нибудь угощать, то поторопись, ведь мы путники». «Куда это вы так спешите, уж

³¹ В оригинале – Хадарца Шолох (Hadartsa Šoloh).

не в этот ли ад? – спросил Саулох. – По крайней мере два-три дня вы мои гости. Я никуда вас не отпущу. К тому же в доме женщины гонят араку, а ведь эту дрянь не пьют в одиночку, так что мне вас сам бог послал. Если вы уедете, где я еще найду таких друзей?» Через некоторое время накрыли стол, принесли и выпивку, и мы весело пообедали, понемногу попивая араку. После обеда я поблагодарил Саулоха за угощение и попросил разрешения ехать, но он опять повторил свою клятву не отпускать нас и, более того, подозвав прислуживавшего нам мальчика, велел ему завести наших лошадей в стойло, расседлать их, напоить и дать дробленую кукурузу и солому. Удостоверившись, что с лошадьми все в порядке, мы успокоились и продолжали пировать, пока не пришло время ложиться. Саулох был очень остроумным человеком и приятным собеседником. Он забавлял нас различными историями и анекдотами. Мы вдоволь насмеялись и весело провели ночь.

Утром за завтраком Саулох предложил опохмелиться, и мы вновь просидели до обеда. Так как мы пили маленькими глотками за разговорами, естественно, не пьянели. В полдень мы снова попросили разрешения ехать и на этот раз уже были серьезны. В конце концов Саулох уступил, и мы распрощались.

К вечеру мы прибыли в Ногкау, где у нас было много знакомых, поскольку в этом селе мы уже гостили раньше. На этот раз мы остановились в доме детей нашего родственника Дзабе Цаликова³². Их было шестеро: пять братьев – Дзарахмет, Ахмет, Хакяс, Махамет³³ и Гози – и одна сестра. Трое братьев были женаты, остальные – холосты. Все они жили вместе под одной крышей и представляли собой большую богатую семью. Они имели довольно просторную кунацкую, так как были гостеприимными людьми. Почти каждый день у них гостили два-три, а иногда и шесть-семь человек. Семью эту отличала еще одна особенность: почти все они от рождения были туги на ухо. Этот недостаток они унаследовали от своей матери, через которую они как раз и доводились нам родственниками. Их мать была из дигорской фамилии Битуевых³⁴. В Ногкау у нас были и другие родственники, и, чтобы не надоесть одним из них, мы время от времени переезжали к другим в этом же селе. За отсутствием определенных занятий мы слонялись без дела, не зная, чем заняться.

Как-то я в очередной раз возвращался из Карца в Ногкау. К вечеру похолодало, поднялся ветер. Я пустил лошадь рысью и в пяти километрах от Ногкау встретился с хозяином дома глухим Дзарахметом. Увидев меня издали, он замахал рукой, крича: «Вырезали! Вырезали!» Однако я не мог понять, кто кого, поскольку

Дзарахмет не слышал меня и к тому же дул сильный ветер. Помогая себе жестами, я громко спросил, кто кого вырезал. «Они вырезали Христиановское, – ответил Дзарахмет, – поезжай в село, там все узнаешь. Я оставил наших лошадей пастись на кукурузном поле и сейчас еду за ними». Затем он знаком велел мне немедленно ехать в село и, подстегнув своего коня, быстро удалился. Я заволновался. Христиановское, известное в настоящее время как город Дигора, было тогда хорошо спланированным красивым селом с 3 тысячами дворов. Его правильная планировка объяснялась тем, что оно не образовалось в результате естественного развития, как другие села. Земли, на которых оно было расположено, в период колонизации Кавказа русские скупали у наших предков-баделиатов и разделили их на участки с тем, чтобы раздать местным безземельным крестьянам. При этом, учитывая религиозные различия среди населения, одну часть земли они отдали для заселения христианской общины, а другую – мусульманской. Именно жители Христиановского после революции объединились с нашими крестьянами и напали на нас, подвергнув тому, о чем я уже рассказывал. Они были очень сильны, потому что были многочисленны. Без них наши односельчане никогда бы не отважились на такие действия. Новость, которую сообщил мне Дзарахмет, лишила меня покоя. Кто мог вырезать Христиановское? Я не знал в ближайшей округе силы, способной на это. Пустив лошадь во весь опор, я за несколько минут домчался до села. Перед кунацкой Дзарахмета и внутри нее собралась большая толпа наших, а также немало местных жителей. Все были в приподнятом настроении. Когда я спросил их, что произошло, мне радостно сообщили, что, по имеющимся сведениям, ночью какой-то казачий атаман занял Христиановское, убив там многих, однако точной информации ни у кого не было, и поэтому они собрались перед домом, в котором старшие решали, как встретиться и договориться с казачьими силами.

В ту же ночь был создан отряд из 150 человек, в который вошли как наши, так и добровольцы из числа жителей Ногкау. Были среди нас и офицеры, один из которых – Хаджимурза Карабугаев³⁵, имевший звание поручика, – был временно назначен командиром отряда. На следующий день стало известно, что казаки заняли и наше село Урсдон. Получив эту новость, мы произвели необходимые приготовления, и наш кавалерийский отряд под командованием поручика Карабугаева пересек реку Ардон и строем двинулся в направлении Урсдона. За 3-4 километра до села у леса мы заметили ехавший в нашу сторону казачий дозор. Они тоже нас увидели и, внезапно остановившись, начали затем медленно отступать, приняв нас, вероятно,

³² В оригинале – Цалыкка (Tsalikka).

³³ В оригинале – Мехмед (Mehmed).

³⁴ В оригинале – Бытута (Bituta).

³⁵ В оригинале – Карабуга (Karabuğa).

за одну из местных большевистских шаек. Мы тоже прекратили движение и, привязав белый платок к древку ногойки, помахали им в знак мирных намерений. Они остановились, и наш командир поднял вверх свою ногойку, что означало призыв выслать одного человека для переговоров. Как только один из казаков направился к нам, навстречу ему выехал и наш всадник. Встретившись посередине, они обменялись необходимыми сведениями. Согласно информации, полученной нашим послом, перед нами была «Волчья сотня» – недавно созданное для борьбы с коммунистами подразделение под командованием генерала Шкуро. Наш посол в свою очередь сообщил им, что мы являемся настоящими хозяевами занятого ими села, и подробно рассказал о том, как мы подверглись нападению и, несмотря на все попытки защищаться, не смогли устоять перед численно превосходящим противником. После того как казачий парламентар доложил об этом своему командиру, они знаками предложили нам приблизиться. Когда мы подъехали, они приветствовали нас: «Здравствуйте, здравствуйте! Вы наши братья»³⁶, и мы вместе въехали в село.

Штаб генерала Шкуро находился в Христиановском. В наше же село он направил отряд во главе с подполковником, который разместил свой штаб в нижней части села. Во дворе штаба находились охранявшиеся казачьими часовыми с обнаженными саблями арестованные большевики из числа жителей нашего села, всего около 40-50 человек. У всех были связаны руки, и, кроме того, они были привязаны друг к другу по 3-5 человек. Как я потом узнал, каждый ожидал своей очереди, чтобы предстать перед «судом». Их по одному заводили к подполковнику, который, будучи, очевидно, очень жестоким человеком, избивал их, заставляя давать показания. Когда арестованные увидели нас вместе с казаками, они растерялись и стали умоляюще глядеть на нас, словно нашкодившие котят, как будто желая сказать, что лично они против нас ничего не имеют и в нападении участия не принимали. Наш командир в сопровождении еще нескольких человек из нашего отряда вошел в штаб подполковника, где они познакомились и детально обсудили положение, после чего подполковник приказал находившемуся там майору отправиться со своим отрядом в наши кварталы села и определить размеры нанесенного ущерба. Мы тоже поехали вместе с ними и показали, какому погрому и разграблению подверглись наши жилища. Был осмотрен каждый дом в отдельности, и составлены соответствующие акты. Позднее мы узнали, что, когда казаки неожиданно ворвались в село, народ растерялся. Несколько человек, пытавшихся бежать, были застрелены. Среди схваченных оказался и

человек, который год назад в качестве председателя земельной комиссии заключил с нами соглашение. При обыске у него был обнаружен подтверждавший это документ. Увидев его, казачий урядник выхватил саблю и со словами «Ах, ты коммунист, е.. твою мать?!»³⁷ одним ударом разрубил его надвое, уничтожив таким образом одного из большевистских вожаков. Из земли, которую он справедливо раздал жителям села, ему самому досталось лишь два квадратных метра.

Из разговоров с казаками мы начали узнавать о происходившем в масштабах всей России. Сторонники царя вновь стали сплачиваться для борьбы с коммунизмом. Под командованием генерала Деникина, генерала Врангеля, адмирала Колчака и других формировались войска, в первую очередь из бывших царских офицеров и казаков. Казачьи станицы по ночам окружались, и мужчин силой заставляли присоединяться к этим формированиям. Так были созданы сильные кавалерийские части, которые стали совершать атаки на контролировавшиеся большевиками районы. Арестованных большевиков отправляли в тюрьмы, чтобы впоследствии предать суду. Пытавшихся бежать убивали на месте. Тех же, кто оказывал вооруженное сопротивление, расстреливали без суда и следствия.

И это подразделение, избравшее для себя внушавшее страх название «Волчья сотня», было сформировано таким же образом. Все в нем от рядового до командира вместо папахи носили на голове уборы из шкур диких животных, что действительно придавало им устрашающий вид. Хотя они и именовались сотней, со временем отряд увеличился и превратился в полк. В полном соответствии со своим названием и внешним видом они приобрели известность своей беспощадностью к врагам и наводили ужас на большевиков, но при этом пользовались любовью всех тех, кто был против большевизма. С приходом этого подразделения в наши края местные большевистские лидеры скрылись в горах и лесах, где еще недавно прятались мы, и создали там шайки абреков. Большевистские органы власти в городах и поселках также были ликвидированы, и поэтому наши родственники, арестованные когда-то большевиками и взятые затем ингушами на поруки, были теперь ингушами же освобождены. Мы снова вернулись в родные места и стали приводить в порядок свои разграбленные и частично разрушенные дома, разыскивать родных – словом, начали заново налаживать жизнь. Наш отряд вместе с «Волчьей сотней» старался обеспечивать общественный порядок. Через некоторое время «волки» предоставили нам делать это самостоятельно, а сами отправились бороться с коммунистами дальше.

³⁶ В оригинале по-русски.

³⁷ В оригинале по-русски.

Между тем шайки абреков тоже не сидели сложа руки. По ночам они нападали на села, захватывали наших людей, некоторых убивали. Поэтому мы постоянно их преследовали. В тот период сторонники революции называли себя большевиками или коммунистами, а свою армию – Красной армией. Мы же, их противники, именовались кадетами, меньшевиками, а наша армия – Белой армией, армией Деникина или Добровольческой армией. Россия разделилась на два лагеря, которые беспощадно истребляли друг друга. Непрерывно шло формирование новых подразделений. Из поступавших сообщений мы узнали, что в центре Кабардино-Балкарии Нальчике было создано подразделение под командованием полковника Зора (или Заурбека) Серебрякова, которое уничтожало местных большевиков. Наши созвали собрание, на котором было сказано, что в случае, если наше немногочисленное войско окажется в трудном положении, никто не сможет прийти ему на помощь. Поэтому было предложено отправить к полковнику Серебрякову делегацию, которая установила бы с ним связь или, по крайней мере, дала знать о нашем существовании. Все участники собрания согласились с этим предложением, однако вопрос состоял в том, кто войдет в делегацию. Ведь предстояла длинная двухдневная дорога. К тому же велика была вероятность встречи в пути с большевистскими силами. Поэтому, хотя, в соответствии с нашими традициями, никто не отказывался, не было и добровольцев: никому не хотелось идти на почти верную гибель. Тем не менее, те, кто были выбраны для выполнения этой миссии, не отказались, не желая прослыть трусами. Главой делегации из шести человек был назначен сын моего дяди Махарбек. Мой старший брат Умар также был в ее составе. Да не будет это сочтено нескромностью, но здесь, коль скоро речь вновь зашла об Умаре, я хочу сказать несколько лестных слов о нем, и, если еще живы люди, знавшие его, они подтвердят сказанное мною. Мой брат был среднего роста, но поистине атлетического телосложения. Он был известен как человек, не знающий страха. Поэтому его всегда выбирали на подобного рода задания, именно с ним друзья предпочитали отправляться в дорогу. Однако на этот раз возникла непривычная для всех ситуация. Не знаю, возможно, у Умара зародилось дурное предчувствие, но он заявил, что не сможет ехать, сославшись на то, что его лошадь хромотает на переднюю ногу. Остальные его товарищи также отказались ехать без Умара, сказав, что среди них никто так хорошо не знает дорогу, как он, и, если придется ехать и ночью, малейшая ошибка в лесу может привести их прямо в руки большевиков. Тогда один из присутствовавших на собрании, Аслангери Карабугаев, предложил Умару добраться на своей лошади до

села Каражаево, взять там лошадь Аслангери и дальше ехать на ней, а на обратном пути вновь забрать свою лошадь. (Каражаевы³⁸ были нашими родственниками – дядями с материнской стороны. У них-то Аслангери и оставил свою очень дорогую скаковую лошадь на зиму, боясь, как бы ее не увели большевики.) Брат не возразил, а точнее – ничего не ответил. Когда собрание закончилось, он подошел ко мне и шепнул, что совсем не хочет ехать. Вскоре делегация была снаряжена, и они отправились в путь. Мы же продолжали исполнять свои обязанности.

Повсеместно предпринимались усилия по укреплению Добровольческой армии. В Ардоне полковник Дзугаев сформировал 1-й Осетинский полк. Скрывавшиеся в разных местах офицеры прежнего Осетинского полка извлекали из тайников эполеты и вступали в этот полк. Следует сказать, что некоторые из этих офицеров после революции, когда царская армия развалилась, перешли на сторону большевиков, потому что последних поддерживали их семьи, не принадлежавшие к знатным родам. Это были те самые люди, которые, как я уже говорил, став солдатами в Первую мировую войну, благодаря дефициту офицеров сумели, научившись немного грамоте и проявив чуточку мужества, войти в доверие к командирам и получить затем офицерские звания. В лучшем случае им удавалось дослужиться до чина ротмистра. В это смутное время распознать этих подлецов было очень трудно. Их возвращение в полки можно считать в какой-то мере «операцией просачивания», потому что именно они впоследствии изнутри разрушали армию Деникина. Увидев возрождение царской России, эти низкие люди, боясь потерять свои офицерские звания, вновь переметнулись на нашу сторону. Среди них были и такие, которые еще несколько дней назад противостояли нам с оружием в руках. Конечно, нельзя всех их грести под одну гребенку. Некоторые из них действительно были на нашей стороне. Например, полковник Дзугаев, основавший 1-й Осетинский полк, был выпускником военного училища и являлся настоящим офицером. Кстати, не напомнила ли вам эта фамилия одно известное в истории имя? Да, он был кузеном будущего главы Советского Союза Сталина-Дзугашвили, однако не имел с ним ничего общего. (Русские называли Сталина «полуосетином», поскольку его мать была грузинкой и к своей фамилии он прибавил грузинское окончание -швили.) Вернемся, однако, к нашему рассказу. Сформировав свой полк, полковник Дзугаев отправился в поездку, чтобы найти новые военные силы. Побывал он и в наших селах, где встретился с командиром нашего отряда поручиком Карабугаевым и предложил ему объединиться с его полком. Наш командир обещал подумать.

³⁸ В оригинале – Карадзавлар (Karadzavlar).

Мы проводили полковника Дзугаева до самой границы наших владений, и по возвращении Карабугаев провел собрание, на котором попросил всех высказать свое отношение к данному предложению. Большинство было против присоединения, так как мы не доверяли офицерам полка, вновь вступившим в армейские ряды, и считали, что не сможем с ними поладить. Но самому полковнику мы доверяли.

Мы ждали возвращения нашей делегации из Нальчика, однако шли дни, а она все не появлялась. Учитывая обстановку, мы очень волновались, потеряли покой и сон и целыми днями не отрывали глаз от дороги, надеясь их увидеть. Наконец они вернулись, привезя с собой печальное известие, которое ни я, ни моя семья никогда не забудем. В Нальчик они прибыли целыми и невредимыми. Там их очень хорошо встретил Серебряков и оставил у себя на несколько дней, в течение которых они подробно обсудили создавшееся положение. Перед тем как попрощаться, Серебряков сказал им: «Как видите, наши силы, созданные мной из жителей Кабардино-Балкарии, все более укрепляясь и не оставляя у себя в тылу врагов, с боями приближаются к вашей территории. Продолжайте борьбу и постарайтесь продержаться до нашего прихода. Когда мы соединимся, я надеюсь, что нам с божьей помощью удастся стереть коммунизм с лица нашей земли». Обратная делегация решила возвращаться кратчайшим путем через леса. Ехать по нормальной дороге через равнину было опасно, так как расположенные там кабардинские села еще не были зачищены. День уже клонился к вечеру, когда наши преодолели половину пути. По дороге им попадались пастухи со стадами овец. Неожиданно по ним был открыт залповый огонь. Из-за усталости делегация двигалась в разомкнутом порядке, и, растерявшись, ехавшие первыми бросились вперед, а находившиеся сзади поскакали в обратном направлении. Мой брат Умар оказался в середине строя и был ранен. Когда передние добрались до ближайшего холма и оглянулись назад, они увидели, что брат лежал на земле, а его лошадь убежала. Вскоре брат поднялся и, хромя, добежал до придорожной канавы, откуда начал стрелять по противнику, но через некоторое время выстрелы прекратились, и спутники, решив, что он погиб, продолжили свой путь и через три часа прибыли в Каражаево. Там они рассказали о случившемся, и большая группа всадников сразу же отправилась на место происшествия. Всю ночь они искали брата и лишь к утру нашли его тело. Достав каким-то образом телегу, они положили на нее тело, привезли его в свое село и там похоронили. Как они рассказали, балкарские большевики похитили оружие, поясной ремень и прочие вещи брата. Мы так и

не смогли узнать, случайно ли было появление грабителей-большевиков на пути нашей делегации или это была заранее устроенная засада. Несколько позже три наших товарища, которые во время перестрелки поскакали назад, также, сделав большой крюк, по другой дороге прибыли в это село.

И снова мне подумалось о том, что, если когда-нибудь найдутся люди, которые прочитают мои мемуары, они, возможно, будут недовольны тем, что я слишком подробно излагаю события. Но пусть они не спешат осуждать меня. Ведь беду ощущает лишь тот, на кого она свалилась, и, если человек не расскажет о своем горе так, как он чувствует необходимым это сделать, он не находит утешения. Когда я вспоминаю о прошлом, события проходят перед моими глазами в мельчайших деталях, и я не могу сдержать слез. Наш дом в те дни был переполнен людьми. Все женщины, наши родственницы, находились у нас, пытались утешить меня, смягчить мою не затихавшую боль, осушить мои слезы. Но и они не могли себя сдержать и начинали плакать вместе со мной. Ночью они уводили меня в мою комнату, уговаривая немного поспать, и я старался держать себя в руках, пока они находились рядом. Но сон не шел ко мне. Я думал о том, что больше никогда не увижу брата, спрашивал себя, как мне жить дальше, и тихо плакал. После же полуночи, когда я уже не в силах был сдерживаться, мой плач переходил в громкие рыдания. Наконец мне удалось взять себя в руки, и через некоторое время я вернулся к своим товарищам и снова приступил к выполнению своих обязанностей. Друзья, знавшие о моем несчастье, были печальны. Всем было не до разговоров, никто не шутил, не остроловил.

В 1919 году подразделения Серебрякова, занимая одно за другим кабардинские и балкарские селения, двигались в нашем направлении. Мы узнали, что они вошли в село Анзорovo³⁹ на реке Урух, считавшееся границей между осетинскими и кабардинскими землями. Почти одновременно из Беслана прибыл 2-й Осетинский полк под командованием полковника Ахтемира⁴⁰ Гутиева, заместителем которого являлся полковник Хаджимурза Шанаев (он умер в 30-х годах в городе Кастамону в Турции), а адъютантом – поручик Казихан⁴¹ (Володя) Бесолов. (В 1920 году Казихан бежал в Турцию и работал в Стамбуле председателем действовавшего при поддержке американцев Общества помощи эмигрантам из России. Затем, заболев, он уехал на лечение в Швейцарию, и с тех пор

³⁹ Ныне село Урух Кабардино-Балкарской Республики.

⁴⁰ В оригинале – Акдемир (Akdemir).

⁴¹ В оригинале – Газихан (Gazihan).

я о нем ничего не слышал. Он был хороший товарищ, и мы очень любили друг друга⁴².) Они создали свой штаб в доме Абдурахмана (Солтана) Карабугаева в квартале Карагач нашего села (Абдурахман умер в 50-х годах в Анкаре). Через некоторое время в село братьев моей матери Каражаево вошел со своим отрядом Серебряков, приведя с собой большое количество пленных кабардинских и балкарских большевиков. Около 30 из них он повесил прямо в селе на диких фруктовых деревьях. Собирались повесить и остальных, но этого не допустила моя овдовевшая 70-летняя тетя. Она отправилась к Серебрякову и, по нашему обычаю, бросила к его ногам платок, умоляя прекратить казни в этом селе. Он отнесся с уважением к ее просьбе. Узнав о том, что 2-й Осетинский полк создал свой штаб в нашем селе, Серебряков отказался от своего намерения двигаться дальше в нашу сторону и вернулся в Нальчик. После этого каждый регион в качестве отдельной автономной республики сформировал свои органы власти, избрал своих руководителей и развернул работу по розыску и задержанию вождей большевиков на своей территории. Столицей Кабардино-Балкарии стал Нальчик, а ее главой – генерал князь Тембот Бекович-Черкасский, именованный «правителем Кабарды». Столицей же нашей Осетии был Владикавказ, а главой ее – полковник Бета Хабаев (дигорец из Дзарасте⁴³), известный как «правитель Осетии».

Вскоре организация была завершена почти везде. Наш отряд стал 3-й ротой 2-го Осетинского полка. Командиром роты был Абисал Дударов (Слонов⁴⁴). У меня имелись возможности оставить службу, но смерть брата разожгла во мне желание отомстить, я словно жаждал крови коммунистов. Даже сейчас, несмотря на то, что в ходе нашей борьбы я убил многих из них и с тех пор минуло уже 50 с лишним лет, этот огонь все еще не угас во мне. Именно поэтому я добровольно продолжал служить в армии.

⁴² Согласно данным турецкого исследователя северокавказского происхождения Айдына Турана, Казихан Бесолов в 20-е гг. довольно активно участвовал в деятельности таких политических формирований кавказской (горской) эмиграции, как Союз горцев Кавказа (Прага, 1923 г.) и Народная партия горцев Кавказа (Варшава, 1926 г.), в том числе публикуя статьи в связанных с ними периодических изданиях. Одновременно он, получив стипендию от чехословацкого правительства, окончил Пражский торговый институт. В течение некоторого времени он вместе со своим шурином – бывшим командиром Черкесского полка Добровольческой армии полковником Кушуком Улагаем – являлся военным советником албанского короля Зогу (1928-1939). После Второй мировой войны К. Бесолов поселился в Стамбуле. Был одним из учредителей созданного в 1953 г. первого объединения северокавказской диаспоры в республиканской Турции – Кавказско-турецкого общества культуры и взаимопомощи. Умер в Мюнхене. (A. Turan. Kafkasya Dağlıları Birliği (Soyuz Gortsev Kavkaza) // Toplumsal Tarih. 1997. № 40).

⁴³ Дзарасте – осетинское название станицы Чернойрской.

⁴⁴ В оригинале – Слонатай (Slonatay).

В двух часах пути от Каражаева находилось большое село Чикола. Туда по служебным делам приехали сын моего дяди со стороны матери корнет Бурнац и его товарищ, поручик, вместе с несколькими рядовыми. Они остановились в доме кого-то из родственников, где поужинали и легли отдыхать. Кто-то сообщил об этом большевикам, и те, придя ночью из леса, окружили дом и увели обоих офицеров с собой. Утром нам стало известно о случившемся. Заместитель командира полка Хаджимурза Шанаев с частью сил отправился туда. Я тоже был в составе этого отряда. Полковник Хаджимурза решил остановиться в том же доме, где гостили похищенные офицеры, взяв вместе с собой и меня. Он приходился мне родственником и в какой-то степени покровительствовал мне. Остальные товарищи по 5-10 человек расселились в других домах. В семье, у которой остановились мы, были две взрослые девушки. Когда приходило время трапезы, они приносили еду к дверям кунацкой, а дальше мы обслуживали себя сами. В течение двух дней мы занимались в селе тем, что обыскивали подозрительные дома и следили за сомнительными личностями. На третий день объявился похищенный поручик. В одно мгновение перед домом, где мы жили и который одновременно являлся и штабом, собрались сельские жители. Каждый старался обнять, поцеловать поручика, поздравляя его с освобождением. Я не был с ним близко знаком, но также поздравил его. Когда поздравления закончились, первый вопрос последовал от старшей дочери хозяина дома. «Где Бурнац?» – спросила она. Поскольку речь шла о сыне моего дяди, я тоже весь обратился во внимание. Как только прозвучал вопрос, хорошее настроение поручика сразу же улетучилось. Ему словно стало стыдно за свою радость. Он взял себя в руки и тихо сказал: «Его убили». Девушки заплакали и вошли в дом, откуда еще долго слышались их рыдания. Я не мог понять причину такого их горя и решил, что, вероятно, они расстроились потому, что офицеры были похищены из их дома, где днем раньше были желанными гостями. Вместе с девушками, однако, украдкой плакал и старый хозяин дома. Увидев это, я удивился еще больше.

Вечером я обратился к полковнику Хаджимурзе с просьбой позволить мне отправиться утром в Каражаево, чтобы выразить соболезнование моим родственникам. Он разрешил, сказав, что сам бы тоже поехал, если бы позволяли обстоятельства, и попросил меня извиниться за него и выразить соболезнование от его имени. Полковник приходился двоюродным братом моей матери и ее братьям.

На следующий день после завтрака я сел на коня и отправился в путь. Примерно через два часа я пересек реку Урух и въехал в пределы села. На склоне

справа от дороги рос редкий ряд диких яблонь и груш, под каждой из которых лежало по два-три трупа людей, казненных полковником Серебряковым. Видимо, после казни их сняли и сложили под деревьями, ожидая, что кто-нибудь из их родных или товарищей придет и заберет тела. Однако никто так и не появился то ли из страха, то ли просто ничего об этом не зная. Конечно, мы тоже казнили врагов, но, подержав их определенное время для всеобщего обозрения, снимали тела и хоронили в вырытых местными жителями могилах или же возвращали их родственникам. Я так и не понял, почему трупы этих людей были оставлены в таком виде.

Перед домом моего дяди находилась большая толпа людей. По обычаю, в зависимости от степени родства, все выражали свою скорбь по-разному. Самые близкие родственники рыдали в голос, более далекие тихо плакали. Те же, кто не доводился семье умершего родней, и очень дальние родственники выражали соболезнование молча. Я подошел к дяде, громко рыдая. В соответствии с обычаем, он не плакал. Несомненно, сердце его обливалось кровью, но он не подавал вида. Увидев меня, однако, он не смог сдержать слезу, но тут же незаметно стер ее, сделав вид, будто у него почесался глаз. Через некоторое время он спросил меня, откуда я приехал. Я рассказал, что прибыл из Чиколы, где и узнал об этом несчастье от похищенного вместе с Бурнацем поручика. Я также сообщил, что полковник Хаджимурза Шанаев не смог приехать из-за служебных дел, но поручил мне передать соболезнования от его имени. Затем я сказал дяде, что вынужден возвратиться в Чиколу и попросил разрешения ехать. «Да, тебе надо возвращаться, – ответил он. – Однако есть одна проблема. Нам сказали, что он умер, но где тело? Чтобы найти его, нам необходимы люди. Иначе мы не сможем войти в ту местность, где это случилось. Мы во что бы то ни стало должны получить его тело. Так что скажи Хаджимурзе, пусть он узнает у старшего лейтенанта, где его убили и как туда можно добраться».

К вечеру я вернулся в наше подразделение. Входя в дом, я встретился с дочкой хозяина. Я поздоровался, и она сказала, что, поскольку меня не было за обедом, она оставила мне немного еды, чтобы я не остался голодным. Поблагодарив, я сказал ей, что ездил в Каражаево. Вероятно, мой голос прозвучал неестественно сдавленно, так как я все еще сдерживал плач, и она внимательно посмотрела на меня, словно ожидая дальнейших разъяснений. Когда же я добавил, что Бурнац был сыном моего дяди с материнской стороны и я ездил туда для выражения соболезнований, она, ничего больше не спросив, вернулась в дом. Я направился в кунацкую, где находились Хаджимурза

и Казихан. Когда я вошел, они поднялись и приветствовали меня словами «Цинты цу». Так у нас встречают людей, возвратившихся с траурной церемонии. Я поблагодарил их, и в это время за дверью послышался голос одной из девушек. Она пришла сказать, что меня хочет видеть ее отец. Я последовал за ней. Увидев меня, старый Тази сказал, что ему известно, что я из Кубатиевых, но он хотел бы знать имя моего отца. Я ответил, что его зовут Илас. «Ты сын Фаризат?» – спросил он и, получив утвердительный ответ, обнял меня и заплакал. Я тоже зарыдал, а вместе со мной жена и дочери старика. Мне поначалу было трудно понять причину этих слез, и я решил, что, поскольку я был связан с Бурнацем кровными узами, они тем самым выражали мне свое соболезнование и сочувствие. Однако, когда все успокоилось, старик с легким упреком сказал мне, что, находясь здесь уже столько дней, я до сих пор ему не представился и наверняка не знаю, что он мне такой же дядя по материнской линии, как и Аслангери. Я ответил, что слышал о том, что в этом селе живет много молочных братьев моих дядей со стороны матери, имена которых она часто упоминала, однако раньше я никогда не бывал здесь, вернее, всегда проезжал мимо, так как никого из них не знал, а если бы знал, то, конечно, остановился бы и навестил их. В разговор вмешалась одна из девушек, сказав, что какое-то чувство подсказывало ей, что я их родственник. В завершение старик Тази сказал, что отныне я могу так же свободно приходить в этот дом, как я прихожу в дом своего отца или Аслангери, и, указав на девушек, добавил, что теперь они мои сестры. Вскоре принесли еду и мы вместе поужинали. Теперь я понял, почему девушки так опечалились, узнав о смерти Бурнаца: ведь они считались его кузинами. С тех пор всякий раз, когда я приезжал в Чиколу, я чувствовал себя так же непринужденно, как у себя дома.

Вернувшись в кунацкую, я передал Хаджимурзе пожелание моего дяди относительно поиска тела Бурнаца. Он в свою очередь рассказал, что взял показания со старшего лейтенанта и выяснил, где скрывается и чем занимается похитившая наших людей банда, но добавил, что еще какое-то время нам придется оставаться в селе, прежде чем мы отправимся для ее уничтожения. Дело было в том, что до Хаджимурзы дошли сведения относительно того, что некоторые жители села находились в составе этой банды и время от времени наведывались в свои дома. Поэтому он установил тайную слежку за этими домами с тем, чтобы в случае появления кого-то из бандитов немедленно получить информацию об этом и, устроив облаву, арестовать их. Именно поэтому Хаджимурза сказал, что нам придется задержаться в селе, но сразу не раскрыл причину своего решения. На следующий день он

получил долгожданное известие о том, что один из самых опасных главарей банды объявился в своем доме. Полковник Хаджимурза вручил адъютанту Казихану список с именами 15 кавалеристов, которым было приказано немедленно при полном вооружении выехать на выполнение задания. Мое имя тоже значилось в этом списке.

Не теряя ни минуты, мы сели на лошадей и под командованием Казихана отправились в путь. Село имело правильную планировку и располагалось на плоской местности. Оно было довольно большим, с широкими улицами, скорее подходившими для поселка, нежели для села. По тактическим соображениям мы ехали по главной улице обычным шагом. Дорога была довольно длинной. Вдруг Казихан указал на отдаленный дом и, крикнув, что именно там находится человек, которого мы должны арестовать, подстегнул своего коня. Мы тоже пустили лошадей галопом и вскоре приблизились к цели. Дом располагался внутри большого квадратного двора, обнесенного деревянным забором. Ведущая во двор калитка была отперта. Она была настолько широка, что через нее легко могла бы проехать телега. За домом была высокая ограда, за которой росли фруктовые деревья, а точнее – целый фруктовый сад. Мы начали окружать дом, и, когда я и несколько моих товарищей огибали его с задней стороны, я вдруг заметил узкий проход, напоминавший коридор. Я направил свою лошадь в этот коридор, который вывел меня в задний дворик, где я увидел человека, колотившего дрова у дверей кухни (на Кавказе кухня обычно была расположена в задней части дома, и дверь ее выходила на задний двор). Я, конечно, не знал, что это именно тот человек, которого мы разыскивали, и окликнул его. Человек, поняв, в чем дело, бросил топор на землю, рывком влетел на кухню, быстро схватил ружье и выскочил обратно. Поскольку нам было приказано не стрелять, человек, воспользовавшись нашим замешательством, направил на нас ружье и выстрелил один раз. Затем он с необычайной ловкостью перемахнул через ограду и убежал. Выпущенная им пуля просвистела у уха находившегося позади меня товарища, который был настолько потрясен этим, что чуть было не свалился с лошади. Преодолев забор, человек побежал через напоминавший лес фруктовый сад, и, хотя мы открыли вслед ему огонь, попасть не смогли. Перемахнуть на лошади через забор было так же невозможно, как и гарцевать на ней в саду. Человек же, перебегая из сада в сад, спасся. От досады и ярости я тогда заплакал. Плачу и сейчас, когда пишу эти строки.

Через два дня мы вернулись в штаб полка, находившийся в Карагаче. Как я уже говорил, полковник Хаджимурза получил от поручика необходимую информацию. Согласно его рассказу, банда скрывалась в

неприступном месте в скалах, возвышавшихся отвесной стеной высотой в 100-150 метров над рекой Урух у входа в Дигорское ущелье в самой узкой части основной дороги. Огромные глыбы камней, которые катили воды Уруха, сталкиваясь друг с другом, производили здесь адский шум, однако увидеть саму воду сверху было невозможно. Бандиты сбрасывали в эту пропасть людей, которым они выносили смертный приговор. Если человек падал в воду, его тело могло быть прибито течением к берегу, и тогда еще была надежда его обнаружить. В противном случае найти тело не представлялось возможным. Поручик, однако, точно не знал, был ли Бурнац сброшен в пропасть или нет. Полковник решил отправиться туда всем полком. Мы подготовились и через два дня выступили в путь по той же дороге, по которой некоторое время назад мы с младшим братом бежали от врагов, с той лишь разницей, что на этот раз мы двигались не по лесу, а через лесные просеки и пастбища Кубатиевых и Тугановых.

Иногда мы углублялись в лесные участки, затем вновь выходя на открытые луга. К вечеру, когда мы собирались спуститься с очередной лесистой возвышенности, перед нами вдруг предстала ровная местность. Большинство из нас никогда раньше ее не видели, хотя всем приходилось слышать ее название – Цифгун (Грязный). Здесь жили Хосроевы⁴⁵. Это были очень богатые и умные люди. Они взяли в аренду государственную землю и, хотя формально не являлись ее владельцами, стали со временем гораздо богаче тех, кто имел собственные земли. Показалось несколько домов, а также люди, которых, однако, было слишком много для того, чтобы все они могли быть местными жителями. Из-за того, что было облачно и уже наступили сумерки, мы не могли разобрать, кто это были. Они вполне могли оказаться и бандитами, которых мы разыскивали. Остановившись у выхода из леса, мы отправили вперед разведчиков. Вскоре они вернулись и рассказали, что, выехав из леса, они встретили нескольких всадников. Сначала обе стороны вели себя настороженно, но, спросив друг друга, кто есть кто, поняли, что являются союзниками, и возвратились в свои подразделения. По словам разведчиков, перед нами находился казачий полк под командованием полковника Икаева, который, преследуя большевиков, создал здесь свой штаб. Немного погодя они пригласили нас к себе, и их командир лично выехал вперед, чтобы встретить нас. Наш полковник, взяв с собой нескольких человек, тоже выехал навстречу. Поскольку раньше полковники не были знакомы, они держались очень степенно, однако, лучше узнав друг друга, отдали нам приказ подтянуться поближе. Мы приблизились, но оказалось, что там совершенно негде укрыться.

⁴⁵ В оригинале – Хосрота (Hosrota).

Стоял апрель, и погода была пасмурная и прохладная. Зато трава была довольно сочной, и ее вполне хватило нашим лошадям на корм. Мы достали из сумок у кого что имелось и совместно поужинали. Затем, завернувшись в бурки, некоторые растянулись прямо на траве, слушая песни своих товарищей, некоторые бродили поблизости, некоторые перешучивались друг с другом или рассказывали различные истории. Одновременно мы наблюдали за лошадьми. Так прошла ночь. На следующее утро мы узнали от нашего командира, что полковник Икаев – наш ардонский осетин. Несколько лет тому назад, во время мировой войны, он простым солдатом сражался в Осетинском полку, но благодаря своей отваге за очень короткое время продвинулся по службе и получил звание корнета. После начала этой смуты он создал сперва небольшой отряд из нескольких казаков, который постепенно вырос, со временем превратившись в полк. В составе этого казачьего полка было много офицеров – выпускников военных училищ, – которые по иронии судьбы воевали под командованием полковника-самоучки. Ко всему прочему Икаев очень плохо владел русским языком. Этот удивительный полк был великолепен во всех отношениях: ухоженные лошади, начищенное оружие и даже свой военный оркестр. Дисциплина также была на высочайшем уровне, и мы не переставали поражаться тому, до какой степени офицеры подчинялись полковнику Икаеву.

Этот полк прибыл сюда за 4 дня до нас. Узнав, что банды большевиков скрываются в этих краях, они разместили здесь свой штаб. Несколько раз они переходили в наступление на большевиков, однако не добились успеха. Узкое ущелье, в котором мы находились, сделав перед самым своим окончанием крутой изгиб, выходило на равнину. Этот изгиб был очень скалистым. Именно в этих скалах и засели большевики. Во время атаки казаки галопом неслись вниз к находившейся по эту сторону от изгиба лощине. Пока они спускались, противник, хоть и стрелял по ним, но ввиду дальности расстояния не мог причинить им вреда. Однако стоило казакам достичь самого изгиба, как большевики открывали по ним шквальный огонь, и они вынуждены бывали всякий раз отступать. Тем не менее, казаки долго не позволяли нам атаковать бандитов, считая завершение этой операции делом чести для себя. Мы ждали два дня, но они вновь и вновь терпели неудачу. Наконец они предоставили нам эту возможность, сказав без иронии: «Ну-ка, покажите, на что вы способны!»

На следующий день уже мы пустили своих лошадей во весь опор вниз к лощине, и на спуске по нам также был открыт огонь, но, как только мы оказались в лощине, мы вышли за пределы видимости противника. Сделав вид, что пытаемся укрыться в лощине, мы на

самом деле сосредоточились там. В нашем полку было несколько человек, которые прежде, чем перебраться в равнинные селения, жили в этих краях и поэтому знали эту местность как свои пять пальцев. Им были известны все тропинки, огибающие находившуюся перед нами гору. Одним из них был Хаджиумар Зекеев⁴⁶. (Впоследствии он вместе со мной бежал в Турцию и поселился в селе Каракурт в Сарыкамыше, где и скончался. Он был очень хорошим человеком и надежным другом. Если представится возможность, я еще расскажу о нем.) Хаджиумар слыл очень храбрым человеком, и именно ему командир полка, в соответствии с заранее разработанным планом, поручил провести нашу роту по козьим тропам в тыл большевиков с тем, чтобы окружить их. Сам командир с остальной частью полка должен был в это время вводить в заблуждение противника отвлекающими атаками. Я чуть не забыл упомянуть еще об одном обстоятельстве. Когда мы начали наступление, казачий оркестр в качестве своеобразного жеста в наш адрес вдруг заиграл марш атаки, который придал нам столько мужества, что мне трудно передать это словами. Открытый по нам врагом шквальный огонь воспринимался нами не более чем жужжание мух. По приказу мы двинулись вперед, а наш командир полка в это время с определенными интервалами атаковал противника и снова отходил назад. В течение всего пути мы слышали звуки выстрелов. Примерно через три часа наша рота была уже за скалами. Мы сразу же бросились галопом в атаку, однако там, где, по нашим предположениям, должны были находиться большевики, не оказалось ни души, и мы встретились лицом к лицу со своим полком. Бандиты сбежали, очевидно разгадав наш план или заметив, что мы обходим их сзади. Единственным нашим приобретением стала усталость. После этого нашим командованием было принято решение отправиться в горные села Дигорского ущелья с целью преследования противника и прочесывания местности. Икаев же вместе со своим полком вернулся обратно, и мы с ним больше не встречались. Поэтому мне не известно, на каком фронте он воевал и что с ним стало в дальнейшем.

Вдоль правого берега Уруха мы двинулись в глубь ущелья. Слева от нас тянулась высокая скалистая гора. Когда мы прибыли на широкую террасообразную площадку, расположенную на склоне горы недалеко от первого после выхода из теснины села Задалеск, полковник Гутиев приказал нам спешиться, чтобы немного отдохнуть и получить кое-какие сведения от местных жителей. Не успели мы слезть с лошадей, как сверху из-за скал послышалось пение. Мы повернулись в ту сторону, как вдруг оттуда неожиданно раздался

⁴⁶ В оригинале – Хаджи Омер Жекетай (Hacı Ömer Jekhetay).

выстрел. Пуля оцарапала губу лошади одного из наших товарищей. Лошадь шарахнулась в сторону. Губа, естественно, начала кровоточить. Человек же продолжал петь. Затем выстрелил во второй раз и ранил в ногу нашего товарища Асланбека (Абе) Абисалова. Пуля не задела кости, но рана была глубокой. Мы подхватили Асланбека и потащили его за скалы по другую сторону дороги, когда прозвучал еще один выстрел. На этот раз пуля попала в копыто одной из лошадей. Мы бросились в укрытие, где стрелявший не мог нас видеть, и стали пытаться определить его местонахождение. Между тем, чувствуя себя в полной безопасности, он настолько осмелел, что пел уже во все горло, стреляя каждый раз, когда кто-нибудь из нас высовывался из укрытия. Нам же все не удавалось его обнаружить. По-видимому, человек нашел такую щель среди скал, что был совершенно уверен в том, что мы не сможем до него добраться. В конце концов, однако, мы смогли разглядеть ствол его винтовки. Тщательно осмотрев в бинокль местность, командир полка сказал, что можно обойти его сзади, потом взобраться по скалам так, чтобы оказаться над ним, и сделать несколько выстрелов в его сторону, после чего этот сумасшедший, скорее всего, сам сдастся. Добавив, что для этого вполне хватит 3-4 человек, полковник с улыбкой спросил, есть ли добровольцы на это дело. Первым вызвался сын моего дяди с отцовской стороны Хангери⁴⁷, следом за ним – брат только что раненного в ногу Асланбека Бекмурза и я. Четвертым вышел вперед Умар Карабугаев⁴⁸, а за ним еще несколько наших товарищей. Командир окинул взглядом первую четверку и сказал, что нас будет достаточно.

В соответствии с указаниями полковника мы издали обогнули гору, затем, нащупывая дорогу среди скал, около двух километров взбирались вверх и наконец оказались почти на самой вершине, намного выше того человека. Повернув там налево, мы начали спускаться вниз по склону. Позже мы узнали, что с этого момента нас начали видеть наши товарищи, и по мере того как мы приближались к цели, они волновались больше нашего. После довольно длительных поисков мы наконец нашли путь, по которому спустился в свою нору этот сукин сын. Пока мы осторожно подкрадывались к нему, он все пел и время от времени стрелял из ружья, что значительно облегчало нашу задачу, помогая идти в правильном направлении. Мы подобрались уже очень близко, но наш путь затрудняли бесформенные скалы. Иногда нам приходилось вновь карабкаться на камни, с которых мы только что спустились. На некоторые скалы было невозможно взобраться в одиночку, и мы сначала поднимали кого-нибудь

из нашей группы, а он затем вытягивал наверх остальных своим ружьем. Местами спуск был особенно крутым, и тогда нам приходилось сползать, держась друг за друга. Наши неотрывно следили за нами снизу, и, как они сами потом рассказывали, у них пересохло в горле от переживаний за нас. В конце концов мы оказались на камне, под которым находился человек, однако подойти ко входу в скальную щель, где он затаился, можно было только снизу, и, пойдя мы по этой дорожке, он попросту перестрелял бы нас. Сверху мы могли видеть лишь ствол его ружья, но самого человека видно не было, хотя мы отлично слышали его пение. Уставшие, обливающиеся потом, мы следом за богатырем Хангери, держась за камни и ноги друг друга, подобрались, рискуя упасть, к самому краю скалы, и Хангери, свесившись с него, проворно схватил оружие человека за дуло и дернул его вверх. Вероятно, человек чувствовал себя здесь в абсолютной безопасности и поэтому слабо держал винтовку, оказавшуюся теперь в наших руках. «Выходи!» – закричали мы ему. Даже не поняв, что произошло, он мгновенно изменился в лице и лишился чувств прямо там, где сидел. Мы схватили его за руки и за ноги и выволокли из пещеры. После нескольких пощечин он пришел в себя, и мы потащили его вниз к наблюдавшим за нами товарищам, которые уже аплодировали нашей победе. Через 20-25 минут мы стояли перед нашим полковником. Прежде всего он сам, а затем остальные офицеры и солдаты по очереди подходили к нам со словами поздравлений и благодарности и крепко пожимали руки.

У нас в полку находились еще двое задержанных, являвшихся самыми свирепыми бандитами-коммунистами нашего села. (Один из них был сыном Гуди. Их было три брата. До революции всех их разыскивала царская полиция за дезертирство и разбойничество, но так и не смогла схватить. Теперь, воспользовавшись смутой, они возглавили шайку местных коммунистов. Пока наш полк размещался в селе, они украдкой по ночам приходили в свои дома. Во время совершенной нашими по доносу облавы на их дом были арестованы средний брат Боби и находившийся вместе с ним его товарищ, которых Хаджиумар за ноги вытащил из-под кровати.) Мы думали обменять их на наших людей, попавших в плен к врагу, и поэтому всюду таскали за собой. Но нам так и не представилась возможность сделать это, а они были для нас обузой. Поэтому ночью, после того как был допрошен последний пленник – этот безумный храбрец, – на окраине деревни была сооружена виселица, и под утро все трое были повешены рядом друг с другом. При каждом дуновении ветра они поворачивались из стороны в сторону, словно танцуя, и жители села сбежались поглазеть на это зрелище.

⁴⁷ В оригинале – Хангирай (Hangiray).

⁴⁸ В оригинале – Омер Карабуга (Цмер Karabğa).

В течение недели, идя по следу банды, мы прочесали все ущелье, включая села наших предков, вплоть до Стур-Дигоры. Там мы узнали, что разыскиваемый нами отряд, не останавливаясь, проследовал в направлении находящихся со стороны Грузии лесистых гор, на вершинах которых даже летом не тает снег. Разбившись на несколько групп, мы разошлись в указанных нам местными жителями направлениях и, идя то по ледникам, то по лугам и лесам, прочесали всю местность. В одном месте нам попались 15-20 расседланных лошадей, спокойно щипавших траву. Если их оставили бандиты, то непонятно, куда и как они унесли седла – ведь дальше не было ни одного села или человеческого жилья. Единственное, что можно было предположить, – это то, что они перешли в Грузию. Никого не обнаружив, мы решили вернуться назад. Так нам удалось установить временное спокойствие в этом районе.

По возвращении в село наш полк вновь создал штаб на прежнем месте. Первым делом было проведено собрание, на котором был высоко оценен поступок четверки добровольцев, обезвредивших в горах того человека. В знак признания наших заслуг нам были присвоены звания ефрейторов. Командиры заявляли, что в действительности мы были достойны медалей, но, поскольку в Добровольческой армии медалей еще не было, нас не могли ими наградить. Все присутствовавшие поздравили нас громкими аплодисментами. Мне трудно передать, как я был счастлив в тот момент. Это повышение послужило примером для всех наших товарищей по полку, которые стали служить с еще большим усердием.

Теперь мы занимались тем, что ловили или уничтожали большевиков и собирали информацию в округе. Вскоре нам стало известно, что часть членов банды, которую мы преследовали до самой границы с Грузией, прибыла в Христиановское, где развернула тайную работу по укреплению местной большевистской организации. Наш командир полка в сопровождении нескольких человек отправился в Ардон на встречу с командиром 1-го Осетинского полка Дзугаевым. Туда же ими был приглашен и командир Кабардинского полка. Как мы потом узнали, на проведенном ими секретном совещании было решено, что в условленный день, дата которого держалась в тайне, эти три полка на рассвете окружают с трех сторон Христиановское и заставят его жителей выдать большевиков, скрывавшихся в их домах. В случае невыполнения этого требования все село должно было быть прочесано, бандиты и их укрыватели арестованы и наказаны, а с населения взискана военная контрибуция. Это решение было известно только офицерам. Через четыре дня после совещания под вечер нам было запрещено расходиться по домам, каждый должен был в полной

боеготовности ждать дальнейших приказов в своей роте под контролем ее командира. Поскольку никто не знал о решении, принятом на совещании, все спрашивали друг друга, что происходит. В полночь прозвучала команда «по коням!» Затем была произведена переключка, после чего ротные доложили о готовности своих подразделений. Вдоль реки Урсдон полк двинулся в сторону Христиановского. К утру, когда до села оставалось около двух километров, мы остановились, чтобы установить связь с 1-м Осетинским полком, шедшим с востока, и Кабардинским полком, двигавшимся с севера. На рассвете все село было окружено.

Не прекращаясь моросил дождь, и стоял туман. Нас разделили на небольшие группы, и мы, четверо новоиспеченных ефрейторов, оказались вместе в одной из них. Пытаясь защититься от дождя, мы постелили на землю две бурки, легли на них, а сверху накрылись еще двумя. Невыспавшиеся, уставшие и голодные, мы прилагали огромные усилия, чтобы не заснуть. Я запел историческую песню, сложенную на основе одного из наших дигорских нартовских сказаний – «Нарти Уази фурт мжнкъжй Ацжмжз жма Агундж ржсугъд». В то время многие пели эту песню, но либо не полностью, либо путая начало с концом, вследствие чего терялся ее смысл. Махарбек Туганов⁴⁹, являвшийся одновременно и художником, и поэтом, после долгой работы над текстом издал классический вариант песни в виде иллюстрированной книги. Один ее экземпляр – уже не помню, при каких обстоятельствах, – попал в мои руки, и, поскольку я всегда интересовался подобного рода вещами, я вызубрил ее от корки до корки. Должно быть, эта книга была напечатана очень маленьким тиражом, так как за всю свою жизнь я не встречал человека, читавшего или хотя бы видевшего ее. Не думаю, чтобы сейчас даже на Кавказе кто-нибудь способен исполнить ее от начала до конца, потому что, хотя кавказцы и придают большое значение фольклору, я не встречал таких людей среди членов ансамблей, приезжающих в Турцию. А ведь эта песня – целый сценарий, и уже давно следовало бы снять фильм по ее сюжету.

Но я продолжу свой рассказ. Пока, лежа под буркой, я распевал песню, а три моих товарища в тон подпевали мне, село было поставлено в известность, что находится в окружении, и из него была направлена делегация к нашему командованию для переговоров. Между тем заместитель командира полка Хаджимурза Шанаев, адъютант Казихан Бесолов и другие офицеры, проверяя посты, подъехали к тому месту, где находились мы. Они не стали нас прерывать и с восхищением дослушали до конца песню, не знакомую им раньше. Затем, по указанию Хаджимурзы, один из ординарцев

⁴⁹ В оригинале – Махир-бей Туган (Mahir bey Tuğan).

спрыгнул с коня и, подойдя к нам, стащил с нас бурку. Увидев перед собой наших командиров верхом на лошадях, мы сразу же вскочили и замерли по стойке «смирно». Они рассмеялись, и полковник спросил, кто из нас пел. Товарищи указали на меня. Командиры сказали, что никогда раньше не слышали эту песню, но она им очень понравилась и они хотели бы услышать ее еще раз в более подходящее время. Хаджимурза добавил, что она больше похожа на историческое повествование, чем на песню, и спросил, откуда я ее знаю. Когда я ответил, что выучил песню по книге Махарбека Туганова, он поинтересовался, есть ли у меня эта книга сейчас. «До недавнего времени она находилась у меня, – ответил я, – но в ходе последних нападений и грабежей большевиков куда-то затерялась. Возможно, когда-нибудь она найдется». Полковник сказал, что в случае, если книга обнаружится, он будет не прочь ее прочитать. Пока мы таким образом беседовали, пришло сообщение, что большевики прорвали окружение на участке, занимаемом Кабардинским полком, и бежали. Мы вошли в село и, хоть и арестовали после тщательных поисков несколько человек, своей основной цели не достигли, так как их главари успели скрыться. Мы лишь зря вымотались и ни с чем вернулись в наше село.

Через несколько дней наш полк был переведен в село Даргкох (Каккадур), где проживали осетины-христиане. Своей школой, церковью и благоустроенными домами Даргкох больше походил на современный городок. 4-й эскадрон нашего полка была сформирована из молодых парней этого села. Почти все они были грамотны. К тому же многие участвовали в мировой войне и являлись уже опытными солдатами. Командиром эскадрона у них был мой двоюродный брат ротмистр Асланбек Кубатиев. Мы с ним были ровесниками и близкими друзьями и при встрече постоянно обменивались веселыми шутками. Я называл его домашним именем Мамек. Он отличался от других наших офицеров. Будучи очень серьезным и дисциплинированным при исполнении служебных обязанностей, в остальное время он шутил со своими солдатами и ел только вместе с ними, несмотря на настойчивые приглашения своих друзей-офицеров и даже полковников. Подчиненные не садились без него за стол и безгранично уважали и любили его. Несколько унтер-офицеров, как ангелы-хранители, неотступно следовали за ним, готовые защитить от любой опасности. Хотя сам я служил в 3-м эскадроне, в свободное время я обычно шел в 4-й эскадрон Асланбека. Завидев меня, он приветствовал меня словами: «Ну, здравствуй, храбреец! Как поживаешь?» «Спасибо, хорошо, мой унтер-офицер», – отвечал я, и тут же унтер-офицеры рядом с ним обнажали сабли и под общий смех гонялись за

мною, крича вслед: «Ты что, вздумал издеваться над нашим командиром?!»

Наш полк размещался на большой площади перед даргкохской церковью. Согласно плану командования, ночью мы должны были погрузиться в вагоны на местной станции и отправиться в Святой Крест⁵⁰. Сельские жители решили в подтверждение своего гостеприимства устроить прощальный пир в честь нашего полка. По всей церковной площади были расставлены длинные столы, на вертелах жарились молочные ягнята. Столы ломились от разнообразной еды, пива и араки. Кроме того, в соответствии с обычаем, каждый дом прислал по курице и по три наших национальных священных пирога – уалибаха, – без которых не обходятся молитвы и добрые пожелания. Сельский священник обратился к нам с длинной речью на осетинском языке. «Ваш путь полон опасностей, – сказал он. – Но это путь, украшенный героическими подвигами ваших предков, которые с победами возвращались из походов, а если проигрывали, то предпочитали достойную смерть бесславной жизни. Героизм – это бесценное наследие, доставшееся вам от предков. Да хранит бог вас всех – от командира до простого солдата – от вражеской пули и других опасностей! Дай вам бог мужества и сил!..» После каждой фразы священника присутствовавшие кричали громовое «А-ам-меен!» По сей день эти раскаты иногда гремят в моих ушах. После молитвы все – и мужчины, и женщины – пировали до самого вечера, время от времени возобновляя молитвы и пожелания. Наевшись досыта, мы попрощались с хозяевами и ночью отправились на станцию. Разместившись по вагонам, под утро мы тронулись в путь. Поезд часто останавливался, и нам приходилось подолгу ждать на различных станциях. К вечеру первого дня нашего пути мы прибыли в Прохладную, где и было решено заночевать. Офицеры заняли здание вокзала, а в зале ожидания устроили своеобразную вечеринку с танцами. Ввиду отсутствия аккордеона полковник Хаджимурза Шанаев сам, заменяя целый оркестр, напевал мелодию танца, называемого у нас лезгинкой или же чеченским танцем, а в Турции известного как «танец шейха Шамиля». Другие офицеры по очереди искусно исполняли этот наш национальный танец. Мы тем временем ждали в вагонах вместе с нашими лошадьми. Через некоторое время, однако, меня и моих товарищей тоже позвали в зал и, усадив напротив нашего угрюмого командира полка Гутиева, попросили исполнить песню «Уази фурт Ацжмжз», что мы и сделали несколько раз с перерывами. Песня им очень понравилась, и благодаря ей мы тоже приняли участие в вечеринке. С тех пор офицеры взяли за правило брать меня на все посещаемые ими увеселения.

⁵⁰ Ныне город Буденновск Ставропольского края.

К утру мы снова отправились в путь и под вечер прибыли в Святой Крест. Ночь провели в вагонах, а утром следующего дня выгрузились из них, поскольку дальше железнодорожная линия отсутствовала. Пересев на своих лошадей, мы доехали до Левокумска – вытянутого вдоль берега Кумы красивого поселка, – где и разместились. Дальше не было ни города, ни села. Только Калмыцкая степь простиралась перед нами до самого Маныча. Калмыки вели здесь кочевой образ жизни, разводя огромные стада верблюдов, лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Ничего похожего на земледелие не было. Вместо хлеба они употребляли курут⁵¹.

Между Святым Крестом и Астраханью действовала конная «Летучая почта». На время пребывания нашего полка в Левокумске для обеспечения связи и других нужд нами была создана и вторая, более короткая линия «Летучей почты» от Левокумска до одной большой усадьбы, также расположенной на пути из Святого Креста в Астрахань. Так как я был ефрейтором, меня назначили начальником этой почты и, выделив четырех солдат в мое подчинение, отправили на ту усадьбу. Усадьба была очень большой и богатой. На ней имелись свой мукомольный завод, несколько красивых зданий, а также лошади, коровы и более тысячи голов овец. Но нас особенно заинтересовали три дочери хозяина, одна краше другой, и девушка-служанка лет 17-18. До нас усадьбу заняли большевики. Они объявили о конфискации всего имущества, но не успели воспользоваться им, так как наше появление вынудило их бежать. Хозяин усадьбы от радости, что вновь обрел нажитое добро, и в знак признательности нашему полку согласился предоставить нам пищу и ночлег. К тому же наше постоянное пребывание там обеспечивало ему безопасность от банд большевиков, которые приходили по ночам и требовали деньги и продовольствие. Нам были приготовлены пять пружинных матрацев в комнате с застекленным балконом, где также имелись стол и несколько стульев. Девушка-служанка застелила матрацы ослепительно белыми простынями и принесла самовар с чаем. Она же по утрам будила нас и заправляла постели. К тому времени на столе нас уже ждал завтрак в чистой посуде: чай, молоко, сыр и хлеб. В обед нас потчевали отварным мясом ягненка, белым хлебом и супом, на полдник – снова суп, а вечером – то же, что и в обед. Одним словом, сплошное удовольствие. Я занимался тем, что записывал время отправления и прибытия почтовой корреспонденции и по очереди давал поручения своим товарищам.

Мы очень быстро подружились с дочками хозяина. Они повели меня прогуляться на мукомольную фабрику и, видимо, желая найти тему для разговора, подробно рассказали о том, что после революции,

потеряв работников, они сами научились при необходимости запускать эту мельницу, однако из-за проливных дождей, выведших из строя водопровод, сейчас она не функционирует, так как ее некому починить. Я в свою очередь рассказал о своем знатном роде и о тех трудностях, которые нам пришлось испытать после революции. Эта история их очень тронула, и они передали ее своему отцу, который после этого стал здороваться со мной и относиться более сердечно.

Вечерами в хорошую погоду мы с девушками выходили на прогулки, сидели в саду и беседовали. Все сестры питали ко мне дружеские чувства, однако старшая из них явно испытывала нечто большее и, по моему, была влюблена в меня. Заметив это, младшие стали постепенно отдаляться от нас. Когда по вечерам мы сидели вместе, они под каким-либо предлогом вставали и уходили вместе со служанкой, оставляя меня наедине со своей сестрой. Во время прогулок они шли либо впереди, либо намеренно отставали, предоставляя нам возможность побыть вдвоем. Вскоре их старшая сестра привязалась ко мне еще больше, не выходя, впрочем, за рамки приличия. Так продолжалось около 15 дней. Поскольку наш полк должен был передать свои функции в этом районе казачьему полку, однажды мы получили приказ сдать дела казачьему посту связи, прибытие которого ожидалось на следующий день, и возвращаться назад. Во время нашей последней встречи девушка не могла скрыть своего горя по поводу моего отъезда, и в результате о наших взаимоотношениях стало известно всем от домочадцев до кучера. Конечно, мои товарищи тоже догадались обо всем. Один из них, куртатинец Ибрагим, являвшийся большим остро-словом, даже поддразнивал меня: «Как ты можешь уехать и оставить девушку? Ведь это большой грех – заставлять женщину плакать. Коли уж она так привязалась к тебе, бери ее с собой». Но все когда-нибудь заканчивается. Так и те несколько замечательных дней завершились грустным расставанием. Наутро мы выехали в путь, и вскоре уже были в Левокумске.

Перевод с турецкого Г. Чочиева и Т. Филатовой.

⁵¹ Курут (*тюрк.*) – высушенное кислое молоко.

C O N T E N T S

Sokaeva D. V. The choice of the heir (On typology of the Ossetian fairy tale)

The article undertakes the effort for the first ever in the Ossetian tradition of the folklore study to solve the problem of the typological peculiarities of the Ossetian fairy tale. The author tries to support the idea that "The choice of the king's heir" is, on the one hand, a key motive for the whole plot of the tale, and, on the other hand, being social in its nature, finds a mythological implementation in its every manifestation. The author is making a skilfull and up to the point use of the ethnographic data, as the arguments in favour of this point of view. At the same time two Ossetian fairy tales are herewith for the first time published and translated.

N. N. Lysenko. Alanic raids of 132-35 on Transcaucasia and Parthia (for the geopolitical position of Sarmatians-Alans in the Volga-Tanais (Don) basin at the 2nd c.)

The raids of the Alans on Transcaucasia and Parthia are dealt with in the wider context of the international policy of the first centuries of new era. The author believes that since the end of the 1st till the second half of the 4th cc. the Alanic presence was the decisive geopolitical factor in the East European steppes. The main conclusions that the author comes to are the following: at the period under consideration there existed a steady cultural and genetic unity of the Sarmatian-Alanic world; the Alans inhabiting the Volga-Tanais basin and the Caucasian foothills had already developed a politically independent ethnic-social organism with the monarchic type hierarchy of power; the division of the Sarmatian-Alanic ethnic field could not have happened earlier than the second half of the 3d c. and was connected with the invasion of the Northern Pontic region by the Gothic tribes.

M. E. Mamiyev. Historiographic tradition and written sources on the Orthodox Christianity in Medieval Alania

The article puts forward and substantiates an original cultural-political conception of the history of the study of medieval Alanic Orthodox Christianity. The author singles out four historiographic stages: the accumulation of the materials (18th -19th cc.); the scientific generalizations (the end of the 19th and the beginning of the 20th cc.); the domination of the politicized theory of superfluous Christianization of the Alanic society (the middle and he second half of the 20th c.); the renewal of the impartial scientific study of the written, architectural, archeological and other sources on the history of Christianity in Alania (the last decade of the 20th c.). After the consistent examination of the main fund of the written evidence upon the Medieval Alanic Christianity, the author comes to the conclusion that Alania should be recognized as a developed Christian state involved in the zone of influence of Byzantine civilization.

Memoirs by Temirbolat Kubatiyev

Temirbolat Kubatiyev is a participant of the Civil War fighting in the ranks of the White Guard. After the victory of the Red movement he gave himself up to the new authorities. Yet one misfortune after another made him immigrate into Turkey. It was already in his declining years that he undertook to write the memoirs, which were not supposed to be published. Nevertheless the outstanding memory of the author and his involvement in the events of the historical importance, both make the text of his recollections an important source for History of Ossetia and South Russia.

Сведения об авторах

Лысенко Николай Николаевич – канд. истор. наук, заведующий Научной лабораторией Ислама и Востока Российского государственного торгово-экономического университета (Москва).

Мамиев Михаил Эрнестович – канд. истор. наук, научный сотрудник Института истории и археологии РСО-А при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

Сокаева Диана Вайнеровна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (Владикавказ).

Чочиев Георгий Витальевич – канд. истор. наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (Владикавказ).

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

№ 4

Подписано в печать 23.01.06. Формат бумаги 70x100 1/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура шрифта

«Arial Суг». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48. Учетно-изд. л.

Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева».

362011, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.